
ВИКТОР
ЗУЕВ
АРАЛЬСКИЙ
ТУПИК



Виктор Зуев

АРАЛЬСКИЙ ТУПИК

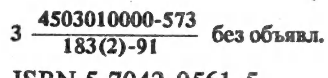
ХОЖЕНИЕ ЗА ОДНО МОРЕ

Москва
"Прометей"
1991

20.1 > 26
ББК 76.12
З-93

Зуев В.П. АРАЛЬСКИЙ ТУПИК. Хожение за одно море.
(Опыт частного расследования Аральской катастрофы.)
М.: Прометей, 1991. — 120 с., фотоиллюстрации.

Оформление автора
Фото автора и Валерия Гордеева
Послесловие А.Г.Климова



З $\frac{4503010000-573}{183(2)-91}$ без объявл.

ISBN 5-7042-0561-5

Социализм должен быть где-нибудь испытан, ибо только такой опыт исцелит народы от их химер, и все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы этот опыт был произведен за пределами нашего отечества.

Г.Лебон, "Психология социализма"

Мы должны смело и открыто смотреть в будущее.

М.С.Горбачев, "Социалистическая идея и революционная перестройка"

Затем он развернул перед юношей ровное кроваво-красное полотнище без вышивок и без всяких украшений и торжественно произнес:

— Вот он.

— Но ведь это пиратский флаг!

Дж.Ф.Купер, "Красный корсар"

НЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

(Надпись на полях)

...Снизу медленно наплывает Арал.

Конечно, само море неподвижно, это мы подлетаем к нему, но кажется, что Арал надвигается на нас, и в поле зрения неопрятная пустыня сменяется грязной водой.

Глядя вниз из пилотской кабины Ан-2, понял я, почему так невесело смеялись ташкентские знакомые, когда услыхали о моем намерении непременно искупаться в Аральском море, — где оно, это море?!

— Пятьдесят семь километров! — ни к кому вроде бы не обращаясь, крикнул пилот. Это он засек расстояние от кладбища кораблей вблизи бывшего порта Муйнак до нынешней береговой линии, которую мы только что миновали. То, что под нами, — еще не вода в собственном смысле слова, а слой соленой грязи глубиной сантиметров тридцать-сорок при ширине прибрежной полосы моря до двадцати километров. Как только грязно-бурый цвет перейдет в синий, значит, мы над настоящим морем. И вот она — синева.

Синева, схваченная в бурое кольцо нечистот...

Синева, словно живая плоть, погибающая под натиском окруживших ее со всех сторон метастаз...

Достаю блокнот, чтобы записать промелькнувший в воображении образ, но все страницы до последней исписаны. Впрочем, можно и не записывать. Образ не оставлял меня долго, всплывая всякий раз, как думал я об Арале и его трагедии. Гибнущее море вошло в мою жизнь, должно быть, навсегда.

Еще до 1987 года я не подозревал о том, что творится на этом воистину уникальном водоеме и вокруг него, хотя тогда и начали раздаваться голоса о постигающей Арал печальной участи. Но что значит — море высыхает? Синица, что ли, его подожгла? Скорее всего, мелеет. Ну, так что ж? Такое с ним случалось и прежде, причем, не раз...

Раньше я бывал (и даже жил) лишь в Таджикистане, и никак не мог представить себе реальную картину упадка — не уровня Арала, — всего региона. Только основательно изучив проблему, поколесив по Приаралью, проведя не одну неделю чистого времени в Госкомстате, Госагропроме, Минводхозе и прочих мощных по части наличия информации организациях (как в так называемом центре, так и на мес-

тах), понял: Арал не мелеет. Арал исчезает, но самое страшное — не это.

Особенно много дала последняя — осенью 1989 года — поездка в Узбекистан, на первый взгляд, бестолковая до анекдотичности. Редакция журнала "Новый мир" командировала меня в затеваемую МГУ почвоведческую экспедицию по Приаралью. Вопреки письменному заверению веселого руководителя предприятия почвоведа Г.Куста все оборудование предназначенного для почвоведческих нужд списанного армейского "Урала" состояло из спальных мешков да ящиков, не было даже скамеек для сидения. В кабину рядом с начальником попасть не удалось — там он предпочитал возить в порядке очереди своих девочек. Лишенный возможности работать (какой уж тут сбор материала, когда экспедиция не имеет четкого представления о каждом очередном участке маршрута, а журналистская сила в моем, разумеется, лице — томится в темном железном ящике с двумя амбразурами вместо окон!), я покинул почвоведов через неделю после выезда из Намангана и продолжил путешествие самостоятельно.

Без милицейских мигалок и пищалок перед колонной микроавтобусов и легковушек, наполненных представителями прессы и науки (как бывает во время официальных совещаний, конференций и прочих спевок и как было во время научно-публицистической экспедиции "Арал-88"), без этого экскорта, особенно смешного в маленьких безлюдных среднеазиатских городах, где население ни с того, ни с сего по улицам, тем более в жару, не перемещается, без бесконечных дастарханов по поводу и без повода — непременных атрибутов показушного "восточного гостеприимства", без торжественных концертов, встреч с тружениками села, закладок "садов дружбы" и тому подобного "бубна звона", — без такого среднеазиатского орнамента действительность выглядела принципиально иначе.

Сердце мое наполнилось печалью.

А поскольку журнал "Дружба народов", дважды командировавший меня в регион, не решился опубликовать подготовленный материал, я оказался перед необходимостью изложить его более подробно.

Такова предыстория книги, в которой я попытался понять, что же случилось с Аралом.

Для меня Арал — это зной и жажда бесконечных среднеазиатских дорог, по которым вели сочувствие к живущим здесь людям самых разных национальностей.

Мой Арал — это вид сверху, из пилотской кабины "кукурузника", это марево за окном мчащегося по дороге автомобиля, это дорожная пыль, поднятая моими шагами, это прохлада гостеприимного (уже без всякой показухи) каракалпакского, туркменского, таджикского дома...

Это бесчисленные дорожные встречи, беседы в роскошных кабинетах и на грязных вокзалах, в научных лабораториях и на берегу мелеющего моря...

Это исписанные блокноты и магнитофонные кассеты...

Это сотни кадров, увиденных через видоискатель фотокамеры, это десятки отснятых фотопленок...

Это горы папок с вырезками из газет и журналов на столе, на полу, на подоконниках моей квартиры...

Это долгие часы, проведенные в раздумье...

Как загадочные слова "мене текел фарес", передо мной стояли три вопроса:

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

КТО ВИНОВАТ?

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Те самые три вопроса, что не раз задавала себе русская общественная мысль по самым различным поводам, а ведь судьба Арала — не последний повод по своему значению в их ряду.

Вот почему эта книга — попытка ответить хоть отчасти на эти вопросы.

Но чтобы это сделать, мне предстояло решить еще один немаловажный вопрос. Как рассказать о том, что увидел, что узнал, что понял? После долгих раздумий я решил довериться самому материалу. Для меня важно, чтобы читатель вместе со мной ощутил само биение жизни во всегда сонном, казалось бы, регионе. Это не передать в гладком, спокойном, что называется в ы с т р о е н н о м повествовании.

Я хочу, чтобы читатель вместе со мной перечитал блокнотные записи, порой отрывочные, порой брошенные на бумагу в спешке, порой подробные и обстоятельные...

Я хочу, чтобы читатель вместе со мной услышал рассказы людей, тех, для кого аральские проблемы — дело всей жизни, и чтобы слова их прозвучали так, как сказаны ими, без правки, без приглаживания, без иных прикрас...

Я хочу, чтобы читатель вместе со мной заглянул в подшивки старых газет, в толще которых, как в меловых отложениях, сохранились отпечатки времени — и недавнего, и далекого...

Я хочу, чтобы в этих записях — порой излишне сухих, порой излишне эмоциональных — читатель ощутил особый ритм нашего смутного времени, который не передать иначе.

Ритм беды.

Блокнот первый

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Лист первый
"КРУГОМ ГОРЕ, А ПОСРЕДИНЕ... МОРЕ?"

А может быть... может быть настало время жить вовсе без проволоки — одной всеобщей счастливой зоной?
Г.Владимов, "Верный Руслан"

Я видел покинутые людьми насиженные места, дома с окнами без стекол, сухие колодцы. В бывшем рыбацком поселке Учсай, население которого сократилось с 10 тысяч до 750 человек, на полуострове (тоже бывшем) Тигровый Хвост я стал свидетелем открытия народного музея великого украинского поэта и художника Тараса Шевченко. Он посетил эти места в 1848-49 годах в составе экспедиции А.И.Бутакова, составителя первого гидрографического описания и карты Арала, первооткрывателя ряда островов. (Напрасно открывал их Алексей Иванович, теперь все они — часть пустыни).

Рядовой русской армии Шевченко был отправлен в этот поход в качестве "фотографа" — чтобы зарисовать не виданные доселе берега, острова, проливы, селения аборигенов. Ему не понравилось, как живут здесь люди, потомки уральских казаков, поселившиеся в Восточном Приаралье еще в XVIII веке, а в XIX — освоившие и Приаралье Южное (сегодня — в большинстве своем покинувшие эти места) и каракалпаки, оттесненные казахами примерно двести лет назад с Жанадарьи и долины Зеравшана, с земель более милых сердцу скотовода, нежели низовья Амударьи. Свое настроение Кобзарь передал в рисунках. Высказывание же Шевченко по этому поводу: "Кругом море, а посредине — горе", — стало хрестоматийным.

Интересно, что сказал бы он сегодня: на месте моря — пески, зелень высохла — соль, практически нет питьевой воды, вымерла рыба, чем вообще питаются люди — загадка. И в Учсае, и выше по долине Амударьи солоно само материнское молоко, новорожденные отказываются от него. "Нам теперь даже ядерная война не страш-

на, — мрачно шутят в Каракалпакии. — Адаптируемся". Правда численность собственно каракалпаков увеличилась с 1959 года почти вдвое — с 172556 до 424000 человек, — но это уж, как говорится, всем смертям назло...

Лист второй
"А ЕЖЕЛИ БЫ НЕ СГОРЕЛ?"

Плавбаза "50 лет Каракалпакии", флагман рыбопромыслового флота ценой один миллион рублей, не успевшая, как и остальные суда, за стремительно отступающим морем, однажды погожим летним днем загорелась — самовоспламенились остатки топлива. Дело было возле Муйнака, на тамошнее кладбище кораблей местные власти любят теперь возить журналистов и всякие комиссии, интересующиеся Аралом. Жертв, правда, не оказалось. Разрушений — тоже, все же пустыня. А сделал этот корабль за всю свою жизнь один единственный рейс. Ну, а ежели бы не сгорел? Добрые дяди из соответствующего министерства все равно списали бы — так же, как десятки других судов, зловещим памятником преступной бесхозяйственности красующихся в песках: новехонькие, — встречаются и такие, — краска не облупилась.

ЗАПИСЬ, СДЕЛАННАЯ В ВОЗДУХЕ

Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

А.П.Чехов

...Летим над песками.

В свое время для защиты города Муйнака от злых зимних штормов была построена каменная дамба.

Теперь она перегораживает пустыню.

Каракалпакский писатель Оразбай Абдирахманов дал этой рукотворной пустыне имя: Аралкум.

Рыбокомбинаты в Муйнаке и Аральске еще работают, но лучше б не работали: рыбу везут сюда с Балтики, Каспия, Баренцева моря, жесть — с Украины и Урала, картон — из Семипалатинска, этикетки для банок — аж из Ленинграда, даже помидоры из Самарканда, со своими — плохо.

Береговая линия на юге и востоке выпрямилась, многочисленные заливы: Аджибай, Рыбацкий, Джалтырбас в том числе, — высохли, стали частью суши почти все острова, а также целый Акпеткинский архипелаг, насчитывавший мелких и крупных островов сотни три. Похоже, соединиться с пустыней предстоит и острову Лазарева. Давно превратился в полуостров Кокарал (что зафиксировали даже по-

следние школьные карты), а люди, обитавшие на нем, бросили свои жилища: по мере отступания моря уходила из колодцев пресная вода, — ничего не поделаешь, закон сообщающихся сосудов.

С самолета хорошо видно: на востоке бывший остров отделяет от берега узкая протока, обозначенная на карте как пролив Берга. Она мелка. Александр Ситниченко, пройдя из устья Сырдарьи на паруснике вдоль побережья так называемого малого моря, в большое выйти — это произошло 6 сентября 1988 года — так и не смог. А еще через год пролив Берга окончательно прекратил свое существование. На осушенном дне Арала формируется песчано-солончаковая пустыня — Аралкум. Величина ее не насторожит, пожалуй, разве безумца: 2,5 миллиона гектаров.

Сейчас эта пустыня проплывает под нами.

"Мне сверху видно все, ты так и знай", — была такая песня. А еще была такая: "Будет людям счастье, счастье на века", ибо, как известно, "у советской власти сила велика". Ирония? Долой даже мысль о ней. На таких песнях выросли мы и наши отцы, на таких глиняных опорах держался вплоть до "апрельской революции" Горбачева (шел год от Рождества Христова 1985, от начала же Октябрьской революции — 68-й) колосс нашей социально-экономической системы. С пеленок воспринимая как естественную атмосферу всеобщего лицемерия, большинство из нас даже не задумывалось над тем, что у Советской власти сила отнюдь не велика, ее вообще нет, этой силы. Ибо нет и Советской власти, подмененной с самого начала диктатурой партии. Вот она-то и обладала воистину громадной силой.

И поскольку сверху видно в самом деле больше, чем снизу, поневоле задумаешься: флотилии судов в пустыне, за десятки километров от воды, — нужели они оказались там благодаря человеку, венцу, так сказать, творения?

Ради чего — счастья на века?

Не жестокая ли это шутка природы, предупреждающая неразумных детей? А если — шутка, то как же медленно соображали те, кто распоряжался судьбой моря и этих кораблей, что дали морю уйти, — ведь не со скоростью же океанского отлива отступало оно, — чтобы не успеть оттранспортировать все эти траулеры, сейнеры, баркасы, шлюпки до "синей воды", пусть не родной для них, аральской, но хотя бы до какой-нибудь. Нет, никак не соответствует человек (во всяком случае — так называемой новой, социалистической формации) званию Венца природы, уж слишком активно уничтожает среду своего собственного обитания: воду, землю, воздух...

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ФОТОАЛЬБОМА

Если судить по географической карте, не очень-то понятно, откуда весь этот шум вокруг Арала. По-прежнему впадают в него обе великие азиатские реки — Амударья и Сырдарья, — образуя, как положено мало-мальски приличной реке, многоводные дельты, а стало быть,

и заливные луга, и заросли тугаев... Имеются (опять же на карте) в немалом количестве острова, на коих положено быть птице да разнообразному болотному зверю. В прилично изданном альбоме “Природа Каракалпакии” (Нукус, 1986) автор вступительной статьи и фото В.А.Моисеев только намекает на трагедию, что разыгралась там: “С расширением посевных площадей в Узбекистане и Туркмении, требующих все больше и больше амударьинской воды для орошения, в Каракалпакии заметно поубавилось озер, отступил, сократился на 1/3 Арал, обнажив на всем южном побережьи когда-то благоприятные для нереста рыбы угодья. И все же, несмотря на уменьшения стока воды в низовья Амударьи, в дельте еще немало озер, являющих собой царство непуганных птиц”.

Итак: “немало озер”. Сколько же? И что значит: “сократился на треть”? Все, здесь изложенное, не совсем, мягко выражаясь соответствует действительности. На самом деле на треть сократилось зеркало водоема, объем же водной массы Арала — на 60%, почти на 15 метров упал уровень воды, и если в дельтах какие-то острова теоретически должны существовать, в самом море их осталось три: Барсакельмес, Возрождения и Лазарева. По мере иссушения дельт стремительно исчезают реликтовые тугайные леса, площади тростниковых зарослей в дельтах рек уменьшились с миллиона гектаров больше, чем в десять раз, вследствие чего практически сошел на нет ондатровый промысел.

А ведь еще в 1949 году в пойме Амударьи встречался тигр, есть свидетели...

ВЗГЛЯД НА КАРТУ

Как только не называли Арал, один из наиболее удивительных водоемов планеты, — чудом природы, загадкой природы, даже — ошибкой природы. Лежит он в буквальном смысле слова среди песков, шесть месяцев в году раскаленных не хуже сахарских. На востоке к Аралу, уровень которого двадцать пять лет назад был выше уровня мирового океана на 53 метра, подступают Приаральские Каракумы; на юго-востоке и юге — Кызылкумская пустыня; на западе — 60-120-метровый уступ гисовой пустыни плато Устюрт; на севере — пески Большие Барсуки. От низовьев Амударьи рукой подать и до собственно Каракумов.

При Сталине в Приаралье ссылали политзаключенных, поселения и лагеря располагались прямо под палящим солнцем на берегу. Не правда ли, сразу вспоминается Черное море, на его берега ведь тоже ссылали когда-то, а нынче там сплошные курорты: пляжи, рестораны, иностранцы и красивая жизнь, были бы деньги. Однако такое сравнение ошибочно. На самом деле существующая карта Арала — свидетельство гибели экосистемы, и хотя в соответствующих справочниках можно еще прочесть, будто в Арале добывается полмиллиона тонн рыбы, в действительности даже изучение этой рыбы — удел палеонтологов. Что это вообще за море такое (конкретнее: водоем такой), в

котором из 20 аборигенных представителей ихтиофауны не осталось в живых ни одного? Что за приморье (приводоемье), где из 178 представителей животного мира сохранилось лишь 38?

Пожалуй, первыми неладное с Аралом почувствовали ученые. Но сессия ВАСХНИЛ 1948 года практически закрыла все темы по изучению Арала. Вслед за учеными погрустнели рыбаки. Обмеление моря сказалось на увеличении солености — с максимум 8 граммов на литр до минимума 26 вчера. В 1972 г. уловы рыбы только в Каракалпакии (Южная половина Арала) уменьшились по сравнению с 1960-м в 2,5 раза. Площади нерестилищ сократились с 1964 по 1974 в 16 раз. Арал принялись "улучшать": к 20 пресноводным по происхождению аборигенным видам рыб подселили 15 видов иммигрантов. Уловы росли лишь поначалу. К концу семидесятых годов при солености 13-14 г/л Арал был в биологическом смысле по сути дела мертв. Погибло 70% беспозвоночных, все виды уникальных аральских рыб, большинство из которых встречались только в этом водоеме. Из акклиматизантов сохранились пока бычок-губарь, колюшка, камбала-глосса, да случайно занесенная атерина. Остальные переселенцы, привыкшие, казалось бы, к сильно соленой воде, погибли к 1986 году (когда соленость превысила 22 г/л). Тысячи рыбаков остались без работы и самые мобильные вынуждены искать ее далеко от родных мест. (Кинооператор-документалист с "Таджикфильма" Олег Муталенко рассказывал мне, что встречал рыбаков из Каракалпакии на высокогорных озерах Памира). Интересно, что солильно-коптильный цех рыбокомбината в городе Аральске построен 20 лет назад, когда уловы стали заметно падать, а само море — отступать.

ВЗГЛЯД В БИНОКЛЬ

Мой собеседник — заведующий лабораторией охраны почв Целиноградского отделения института почвоведения АН Казахстана, кандидат географических наук Мухит Эсенович Бельгибаев. Более десяти лет занимается он проблемой Арала. Поскольку до моря я еще не добрался (разговор идет в доме творчества писателей Узбекистана, где собрались участники I Всесоюзного совещания по Аралу), первым делом включаю диктофон.

— Говорят, море отступает на глазах. Правда?

— Наиболее быстрое отступление водной поверхности происходит в восточном и северном Приаралье, — говорит ученый. — Ширина осушки достигает в настоящее время 85 километров. При оступлении моря формируются особые ландшафты. Речь идет в первую очередь о солончаках, о подвижных барханных песках, занимающих в настоящее время более трех тысяч квадратных километров. Площадь солончаков растет намного быстрее. Вот из этой территории Восточного Приаралья берут свое начало пыльные бури — они выносят соли и песок в юго-западном направлении, через Арал на земли Каракалпакии и плато Устюрт. Естественно, такие бури во время цветения растений способны нанести большой урон будущему урожаю. Осушенная территория моря превышает уже 2,6 миллиона гектаров. Мы определили вынос солей прибором-пылесолемером. Эти исследования показали, что с одного га солончаков выносится от 2 до 5 тонн солей в год.

— Страшная нагрузка на всю окружающую среду, вроде интоксикации живого организма при болезни... Каковы, выражаясь языком медицины, "осложнения"?

— Одним из отрицательных последствий падения уровня Арала является опустынивание прилегающих территорий. Климатологи определили это влияние до 400-500 километров и даже более от побережья. Эти территории отличаются экстрааридным климатом, то есть засушливым летом и суровой зимой, причем по сравнению с шестидесятыми годами зимой наблюдается резкое похолодание. В настоящее время ареал влияния бедствия явственно ощущается в Кзыл-Ординский, Ташаузской областях и Каракалпакской автономной республике.

— Судя по всему, уровень моря будет падать и дальше. Что из этого следует?

— Губительное влияние будет распространяться вверх по долинам усыхающих рек. Причины экологической катастрофы известны: увлечение освоением новых земель и строительством очень большого количества водохранилищ. Кроме того, усиленный переполив — а он имеет место везде — ведет к подъему грунтовых вод, особенно в Хорезмской области и Каракалпакии. Все это приводит к вторичному засолению почв,нестабильности урожаев. Чтобы перекачать соли сверху вниз, в Хорезме делают промывки почв. С усыханием Арала увеличилось количество осадков в осенне-летний период, и рано — в октябре — стали начинаться заморозки. Думаю, Арал здесь не причем — это влияние Туя-Муюнского водохранилища с зеркалом 650 квадратных километров. Мировая практика строительства водохранилищ знает немало подобных примеров, когда возрастает увлажнение в прилегающих к водоему районах и меняется тепловой и радиционный режимы. Аналогичная картина наблюдается в Ташкенте, Душанбе, — как и во всех городах, вокруг которых много водохранилищ...

С казахстанским почвоведом я беседовал в мае 1988 г., а месяцев через десять в Москве узнал вот о чем: как ни странно, изменение климата осложнило работу тех наших сограждан, кто имеет дело с электричеством, точнее, обслуживанием линий электропередач. Аральская соль, оказывается, осаждается на изоляторах электропроводов, отчего летом нередки случаи самовозгорания, а зимой — обрыва проводов, отяжелевших от налипшей на них соли. Об этом поведал начальник электроснабжения Кунградской (Каракалпакия) дистанции железной дороги Сапарбай Сарбаев. Когда позднее совершенно случайно я разговорился об Арале с начальником высоковольтных сетей "Таджикэнерго" Виктором Васильевичем Карпуниным, то неожиданно услышал, что аналогичная картина наблюдается и в далеком от Арала Таджикистане, в частности, в Нуреке, откуда до эпицентра нашего разговора верст, наверное, тысячи полторы, а то и две по прямой. До заполнения чаши Нурекского водохранилища (вспомним, что и сам Нурек "сидит" в чаше) климат был значительно суше, и переносимая ветром соль изоляторам не вредила. Теперь же она осаждается с влагой где попало...



НАДПИСЬ НА ПЕСКЕ ВОЗЛЕ СУХОГО КОЛОДЦА, СДЕЛАННАЯ ОПТИМИСТОМ

В пустынных степях аравийской земли...

Все глуше шум воды, покинувшей колодец
И уходящей вглубь.

Кто ты, с ведром в руке? Смятенный инородец?
Смиренный змеелюб?

Твой серпентарий пуст, шуршит в нем только ветер,
Теперь, небось,
Без змей и без воды, как безголовый пётел,
И вкривь, и вкось
Твой дух ведет дела: в колодец ли? в дорогу?
Он весь стал слух:
Кто с кем прощается? и у того ль порога?
Да, как петух.

Утешить ли тебя? Вернее, утешать ли?
Кругом пески.
Друг другу — человек. Все люди — братья.
И земляки.

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ВЕЛИКУЮ КИТАЙСКУЮ СТЕНУ
(Строки, подчеркнутые красным)

...Было бы забавным, не будь столь печально, что аральская история не уникальна. Точно так же, как наше море, было разобрано на орошение горное озеро Лобнор, что в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. В "Энциклопедическом словаре" 1954 г. издательства "БСЭ" о нем сказано, что в 1930 году длина озера составляла 100, ширина до 50, глубина до 5 метров; в "Советском энциклопедическом словаре" 1981 г. — что оно "в маловодные периоды распадается на несколько плесов или пересыхаст", так как воды рек Тарим и Кончедарья не могут до него добраться. В атласе мира 1987 г. ("Азия. Зарубежные страны". — М., Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР) это озеро вообще обозначено штрихами. Но ведь Лобнор — ничто в сравнении с Аралом — так, лужа, не больше.

Но дело вовсе не в том, какой водоем насколько обмелел. Проблема Арала значительно шире частной "проблемы Арала". Глобальная эта проблема — одно из следствий того, начатого в октябре 1917 года, грандиозного социального эксперимента, в ходе которого предстояло погибнуть десяткам миллионов человек. Потому что раньше или позже он должен был выйти из под контроля...

Никто, конечно, не собирался доводить этот эксперимент до абсурда, скажем, именно в Каракалпакии (где каракалпаков — примерно 33% от общего числа населения автономной республики, остальные — узбеки, русские, казахи, туркмены) или в Казахстане (где казахов тоже примерно треть всего населения, и при этом меньше, чем русских)...

Аральское море стало увеличительным стеклом общего социально-экономического кризиса системы.

БОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О "ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ"

Добрые люди Ньюпорта считают это судно и его команду честными и безобидными работорговцами, и принимают их самым благодушным образом...

Дж.Ф.Купер, "Красный корсар"

Высыхает море... Но взамен него возникают новые водоемы, которых нет ни на одной карте. В Узбекистане образовалось около пятидесяти "нелегальных" соленых озер. Откуда же берется вода, которой так недостает региону?

Ответ прост — с хлопковых полей. Куда уходит обработанная на поливе хлопчатника вода, богатая удобрениями и ядохимикатами? Всю ее в реку не сбросишь — можно лишиться ста процентов хлопкоробческого населения. Возвращать в море — необходимы коллекторы, а это дорого и хлопотно; вот и сбрасывают эту воду в первое попавшееся понижение. Так возникают ядовитые озера. Причем, понятие "понижения" довольно условно. В одном из таких понижений на юге Каракалпакии образовано озеро Аязкала. Обработанную воду перекачивают в него 16 насосов со скоростью 16 кубометров в секунду, поскольку находится оно по отношению к коллектору на высоте 6-7 метров. Озеро большое, но на карте его нет. Секретарь райкома партии (мы ехали по землям этого района) рассказывал мне, что летал над ним на самолете, но размеры определить не смог: через сорок минут полета над водою пилот объявил, что кончается горючее, так что пришлось повернуть обратно, составив представление лишь о ширине озера. Какой же оно длины, выяснить не удалось.

Будь вода чистой, возникновению новых водоемов стоило бы только радоваться, но в Средней Азии, по-видимому, не осталось вообще чистой воды, разве что высоко в горах. Бездумное, без числа и меры употребление ядохимикатов и химических удобрений отравляет и землю, и воды. Количество токсичных веществ в природной среде региона поистине поражает... И не только воображение, но и внутренние органы людей, пьющих отравленную воду, дышащих отравленным воздухом.

Двадцать пять лет понадобилось Министерству здравоохранения СССР для того, чтобы прийти к осознанию необходимости запрета производства и применения токсичного ядохимиката трифенолата меди, применявшегося в Таджикистане до весны 1988 года. Всего в республике употребляется 57 наименований химикатов и пестицидов. Такое же — или почти такое же — положение в остальных областях региона. В Ташаузской и Хорезмской областях, не говоря уже о Каракалпакской АССР, поверхностная и подпочвенная вода не соответствует требованиям ГОСТа: по данным, например, Хорезмского управления облсельхозхимии в области используется более тысячи тонн химических соединений различной токсичности, в том числе особо ядовитый гексахлорциклогексан, среднетоксичные протравители БИ-58, нитрофен. Вносимые в почву сульфаты, нитраты, всевозмож-

ные ядохимикаты, вроде не так давно запрещенного дефолианта бутифоса (кстати, это тот самый "оранжевый агент", которым американцы так успешно травили вьетнамцев, что и самим досталось), в конце концов попадают в воду, и люди в низовьях рек эту воду пьют. С 1967 по 1987 годы нормы минеральных удобрений увеличились в нашей стране с 315 до 435 кг на гектар, а количество только ядохимикатов составило 2 кг/га. В Средней же Азии количество ядохимикатов (учтенных!) возросло до 52 кг/га.

Все это не может не отражаться на здоровье людей.

В Советском Союзе детская смертность вообще высока; в городе же Аральске, впервую очередь благодаря воде и во вторую — расположенному неподалеку ядерному полигону, она составляет 10% (100 умерших на тысячу новорожденных), в Кзыл-Ординской, Чимкентской областях — 3,48%, в областях Ферганской долины — примерно 5, в Сурхандарьинской — 5,82, в Ташкентской — 3,75,в Таджикистане — 4,7, в Туркмении — 5,82, причем в Ташаузской области — 7,82%. (Данные Госкомстата СССР, но даже Госкомстат считает их заниженными). Особенно печальное положение в Каракалпакии, там умирает, согласно официальной версии, 72 ребенка из тысячи новорожденных, причем в Нукусском районе индекс детской смертности 9,8, а в Бозатаузском, том самом, что входит в Чимбайский избирательный округ, депутатом от которого в Верховном Совете СССР долгое время был руководитель Минводхоза СССР товарищ Васильев (выпровоженный, наконец, недавно на пенсию, — разумеется, с положенным орденом и соответствующими хвалебными речами) — 11,8%, — как в Индии в 1985 г. С той лишь разницей, что в Индии индекс детской смертности идет из года в год на уменьшение, а в Каракалпакии — да и вообще в Средней Азии — увеличивается. Для примера: в развитых странах Запада из тысячи новорожденных умирает 6-9 детей, в странах Восточной Европы (не считая Румынии и Югославии) от 9 до 14, в Японии — всего 5. В целом по стране уровень детской смертности лет пятнадцать не изменяется, оставаясь в пределах 2,54 — и то благодаря ее снижению в Прибалтике, на Украине, незначительному снижению в РСФСР. Академик Е.И.Чазов с высокой трибуны XIX партконференции заявил: "Мы гордились системой охраны здоровья народа. Но молчали о том, что по уровню детской смертности находились на 50-м месте в мире после Маврикия и Барбадоса. Мы гордились, что у нас больше, чем в любой другой стране мира врачей, больниц, но молчали, что по средней продолжительности жизни занимаем 32-е место в мире."

Что до меня, то никогда не понимал, кто гордился: ведь любому советскому человеку с самого рождения приходится сталкиваться с тем, что "охрана здоровья народа" у нас по сути дела отсутствует. "Перестройка" ничего не изменила. В последние 2-3 года даже в Москве почти невозможно купить такие элементарные вещи, как горчичники, зеленку, простейшие болеутоляющие препараты, а участковые врачи отказывались выписывать импортные лекарства на том основании, что их попросту нет: "Не закуплены." Мой отец умер в возрасте

52 лет в первую очередь в результате неправильно поставленного диагноза. Мать жены (кстати, медицинский работник) умерла в возрасте 56 лет от рака печени, за несколько месяцев до смерти услыхав — после соответствующего обследования — диагноз: "радикулит". О какой охране здоровья народа можно вести речь, если десятилетиями люди пьют непригодную для питья воду, а Министерство здравоохранения, правительство, Политбюро ЦК КПСС не желают этого замечать? С одной стороны, их можно понять: для них есть медикаменты, хорошие комфортабельные поликлиники и больницы, квалифицированные врачи, в крайнем случае они могут выехать для лечения за рубеж. А мы? О какой охране здоровья можно вести речь, если 300-тысячный город в Ферганской долине Наманган вплоть до недавнего времени обходился без детской больницы, а продолжительность жизни москвичей за последние 20 лет сократилась в среднем на 10 лет, и 75% московских школьников нельзя назвать здоровыми? Что, не знали об этом в Министерствах здравоохранения? Да конечно знали! Но поскольку лицемерие было возведено в ранг социальной политики, руководящие товарищи делали вид, будто ничего не происходит: раз больниц нет — то и не надо. Как в том анекдоте про икру: раз спроса нет, то откуда же ей взяться? Какая уж там охрана здоровья, если в целом по стране только 35% больниц имеют водопровод и канализацию, а в Узбекистане, например, в зданиях, не соответствующих санитарно-гигиеническим нормам, располагается 46% больниц? (Если исключить из этих процентов Ташкент и наиболее цивилизованные города, то на сельскую местность придется едва ли ни все 100). И вот еще какие любопытные сведения сообщил академик Чазов: "...Политбюро, несмотря на финансовые трудности нашей страны, изыскало (кстати, кто знает, почему — Политбюро? Разве дело Политбюро — изыскивать деньги на здравоохранение? — *В.З.*) 5,4 миллиарда рублей дополнительно на охрану здоровья". А коллеги из США тут же подсчитали, "что это стоимость трех крейсеров или 125 противолодочных самолетов". Сопоставив здоровье народа с ценой всего трех крейсеров, министр не счел нужным скрывать: "Из-за плохого водоснабжения, низкого санитарно-гигиенического уровня многих молоко- и мясоперерабатывающих предприятий, низкой санитарной культуры ежегодно в стране болеют острыми кишечными заболеваниями 1 миллион 700 тысяч человек".

Вспыхивающие время от времени эпидемии кишечных заболеваний свидетельствуют все о том же: система здравоохранения в стране имеется, а вот охрана здоровья народа напрочь отсутствует. Мы вернемся еще к этой теме, а пока вспомним: есть кое-что похуже попавшего в поле зрения министра и депутата. По данным кандидата медицинских наук Мадьяра Салаева (он работает в Ташкентском институте краевой медицины) содержание пестицидов в продуктах, потребляемых населением Кзыл-Ординской области, превышает ПДК в мясе — в 11 раз, в мучных изделиях — в 24, в рыбе — в 26, в воздухе — в 116 раз, содержание же нитратов в бахчевых выше ПДК в 34 раза. В Аральском районе 90% женщин детородного возраста, рассказал

врач-генеколог Б.Альсеитов, страдают анемией (в среднем по Узбекистану эта цифра немного меньше — 80, по Таджикистану — 70%), часты выкидыши, а в последние 6-7 лет — случаи появления младенцев с врожденными уродствами: анацефалов, новорожденных без анального отверстия для каких-либо внутренних органов... Каждый четвертый призывник не годен к несению военной службы по ст.16, каждый второй-третий житель района страдает туберкулезом, из каждых 10 тысяч 230 больных раком. Заболеваемость паратифами в Приаралье больше среднесоюзной в 2-3 раза, раком пищевода — 7-10 раз, заболеваемость почек возросла за последние 9 лет в девять раз.

Причину следует искать в самодеятельном и бесконтрольном применении ядохимикатов, неизбежно попадающих в питьевую воду и атмосферный воздух.

Да что там далекий Аральск! В результате отсутствия должного лабораторного и элементарного социального контроля оказывается, что 300 из 400 применяемых в СССР пестицидов смело можно употреблять в пищу, а сам принцип установления нормативов на содержание в продуктах питания ядохимикатов выдвигался даже на соискание Государственной премии СССР ("ЛГ" от 9 ноября 1988 г.). Чрезвычайно оригинален способ установления этих норм, найденный Минздравом, — экологически чистый, нешумный, непыльный, не требующий дорогостоящей аппаратуры. О нем рассказали в газете "Московский комсомолец" (11 октября 1988 г.) журналисты Андрей Лапик и Александр Поликарпов: ученые "экспериментировали на свинках. Если шерстка вставала торчком — значит норма предельная..." Проверка на рынках Подмосковья показала, что попавшая в поле зрения инспекции продукция содержит повышенные дозы нитратов. Хотя, что значит — "повышенные"? С содержанием химических соединений в сельхозпродуктах Минздрав борется дешево и остроумно: повышает нормы предельно допустимой концентрации.

Полезно знать, что токсичность нитратов возрастает, если они содержатся в питьевой воде. Член-корреспондент АН СССР А.В.Яблоков утверждает: "Пищевые продукты "загрязнены" химией в количествах беспрецедентных. В первую очередь это относится к пестицидам. Всерьез следить за их применением начали лишь с 1984 года... Подконтрольна лишь одна шестая используемых ядов... По распространенности в продуктах питания среди пестицидов I место принадлежит ДДТ. Да, тому самому дифенилтрихлорметилметану, запрещенному в нашей стране с 1970 г. На II месте — ГХЦГ, на третьем — хлорофос. В прошлом году, по данным Минздрава СССР, выявлены экстремальные уровни загрязнения пестицидами, превышающие предельно допустимые, в 31% консервов для детского питания, в 26% овощных консервов, в 21% колбасных изделий, в 25% урожая яблок, в 40-50% садовой земляники. Превышение максимально допустимого уровня (МДУ) одного или нескольких пестицидов было найдено в 42,5 процента продукции детских молочных кухонь, в 44% лекарственных (*! — В.З.*) трав в лечебных (*! — В.З.*) заведениях, в 54% салата в закрытом грунте, 62,5 процента проб выращенного в Молдавии ви-

нограда превышает МДУ по ртутьсодержащим ядам". ("Труд", 22 марта 1989 г.) Кроме того, как утверждает директор НИИ общей и коммунальной гигиены, академик АМН СССР Г.И.Сидоренко, "народное хозяйство вносит в окружающую среду ежегодно более 1000 новых химических соединений (с неизвестными биологическими свойствами!)". Вывод А.В.Яблокова: "Применение пестицидов в сельском хозяйстве — тупиковый путь развития цивилизации" .

Еще более определенно высказывается директор института элементоорганических соединений АН СССР академик А.Фокин: "В нашей стране допущены крупные просчеты при формировании безопасных химических систем и обосновании требований к их использованию... Результатом этого стали негативные последствия воздействия химии на население и природу". Оказывается, полихлорированные соединения (ПХПС) типа диоксина, например, даже в ничтожных количествах подавляют иммунную систему организма, а в более высоких концентрациях (несколько десятков частей на триллион) оказывают эмбриотоксическое действие, в результате чего нарушаются детородные функции женщин. Американские исследования показывают, что накопление ПХПС в природе началось с производства ДДТ и гексахлорана. Западногерманские ученые добавили к этому следующее: опасные ПХПС образуются и в других хлорных производствах (скажем, в целлюлознобумажной промышленности), и применение продукции этих производств — еще один источник загрязнения. Одиннадцать промышленно развитых стран мира создали национальные программы по проблеме ксенобиотиков типа ПХПС и с 1980 г. ежегодно проводят международные конференции. Единственный крупный потребитель хлорной продукции, не обращающий внимания на проблему ПХПС, — наша страна. Особенно страдают от такой бездеятельности Средняя Азия, Молдавия и все зоны рисосеяния. Далее цитирую: "Например, только на территории Узбекской ССР в течение последнего времени применялось около шести тысяч хлорсодержащих пестицидов..., запрещенных за рубежом к применению. В рисоводстве страны внедрен и широко используется также запрещенный за рубежом гербицид пропанил, содержащий высокоопасные полихлоразобензолы. В стране создано громадное производство полихлорвинила и изделий из него, эксплуатация и уничтожение которых не контролируется... Между тем, дальнейшее накопление веществ типа ПХПС в окружающей среде может привести к непредсказуемым последствиям" ("Правда", 4 августа 1988 г.).

На Западе всякий аграрий в обязательном порядке сдает экзамен на право пользования препаратами для повышения урожайности — там всякой козе понятно: дело это не такое уж простое и безвредное. (Вспомним скандал в ФРГ, когда в мясе было обнаружено превышение гармональных добавок, — население отказывалось его покупать. Если рачительные немцы догадались продать это мясо нам, то мы никогда так и не узнаем, что же вместе с мясом проглотили). Посмотрите по сторонам: удобрения тоннами валяются, где попало. Астрономические количества ядохимикатов, попадающих в статотчетность —

только часть айсберга. Потому и становятся возможными происшествия, подобные случившемуся с Улугой Эшенкуловой из колхоза им.Ленина Московского района Кулябской области, накормившей неугодивших ей родственников лепешками, замешенными на теодане — высокотоксичном ядохимикате. Беспечность руководства "Сельхозхимии", недосужившегося поставить в известность республиканскую санэпидемстанцию о наличии в хозяйстве теодана, пренебрежительное (читай: некомпетентное) отношение местных властей к хранению химикатов (в упаковке из-под токсичных препаратов в 200-х дворах земляков Эшенкуловой содержались пищевые продукты), — все это стоило жизни не только четверым родственникам изобретательной сельской труженицы. А сколько явных и случайных "умертвий" осталось нераспознанными? Что там колхоз! Едва ли не в центре Душанбе находился (а может, и посейчас находится) склад токсикологической лаборатории, хранящий 150 видов ядохимикатов. Завлаб Г.Дуцоф выдавал в пользование хозяйств запрещенные высокотоксичные препараты: циболт, неропал, каратэ, олгин. А сотрудники лаборатории участвовали в обработке ими садов и виноградников. Кто знает, сколько ничего не подозревающих сограждан наших расплатились за щедрость горе-токсикологов здоровьем, а то и жизнью... Казалось бы, пора сделать выводы. Ан нет: "Тринадцать жителей колхоза им.Горького Коммунистического района Таджикской ССР (он, к слову, соседствует с Московским) были госпитализированы в результате отравления питьевой воды ядохимикатами, предназначенными для обработки хлопковых полей", — так начинается статья "Горькая вода", напечатанная в газете "Труд" 12 июля 1989 года. Снова игры с теоданом, а он в Кулябской области имеется в изобилии в каждом районе.

Не отличается положение с хранением ядохимикатов и в других районах региона. (Объединение "Туркменсельхимия", например, только на 40% обеспечено складскими помещениями). И, конечно же, содержание химикатов в воде редко кому делается известным.

Тайное становится явным разве что случайно, нечаянно, как это было в случае с изобретательной Улугой, или с Каракумским каналом, когда в него попало три года назад — имеется в виду Каахинский район — в результате грубейших нарушений условий транспортировки хлората магния 8 тонн этого дефолианта хлопчатника.

Если же учесть, что в Средней Азии, особенно в Узбекистане, контроль традиционно ниже, а уровень некомпетентности и нечестности традиционно выше, где информированность населения и сегодня не высока (практически невозможно перепечатать на узбекском языке критические материалы из центральной прессы, жалуются журналисты узбекской литературной газеты "Узбекистон адабиети ва санъати"), легко представить сложность положения. В брошюре "Под знаменем ленинского интернационализма" (изд-во "Узбекистан", Ташкент, 1985) академик АН УзССР С.К.Камалов в статье "Расцвет Советской Каракалпакии в братской семье народов СССР" перечисляет достижения автономной республики; разумеется, о том,

что она вышла по детской смертности на одно из первых мест в мире и речи нет, зато можно почерпнуть информацию такого рода: "Около 70% капвложений направлено в ирригацию и мелиорацию — основы интенсификации поливного земледелия". И еще: "Строится крупный водопровод для подачи чистой питьевой воды из Туя-Муюна в Нукус и другие города".

Все здесь приблизительно верно. То есть, да, 70% капвложений направлено на ирригацию, но ирригация в Каракалпакии, по выражению каракалпакского писателя Оразбая Абдирахманова, существует ради "интенсивного орошения экстенсивного земледелия".

Что касается воды, то она в 4-х водохранилищах Туя-Муюна и по степени минерализации для питья не годится, и несъедобных примесей содержит довольно: фенолы, нефтепродукты, пресловутый запрещенный ДДТ, ГХЦГ, азот нетритный, сульфаты, хлор, цинк, хром. От такого букета не только у свинки шерстка может "торчком встать". Разумеется, очистные сооружения предусмотрены, но сооружаться будут "потом". Да и вообще: превышения ПДК в Туя-Муюне — это по данным Всесоюзного НИИ по охране вод. А с точки зрения Узгидрометслужбы вода, предназначенная для Нукуса, не так уж плоха, ДДТ, по крайней мере, гидрометеорологи Узбекистана вообще там не обнаружили. Писатель и киносценарист Валерий Тальвик брал пробы воды в горных озерах Памира — душанбинские специалисты и в них нашли ДДТ. Ленинградский биолог Николай Аладин, работавший в составе экспедиции "Арал-88", постоянно держал наготове пустые бутылки, в которые повсюду набирал воду, какую только удавалось заприметить. Дома он отдал добычу на анализ, и в спокойной обстановке убедился: во всех формально чистых пресноводных водоемах — следы превышения ПДК сульфатов и нитратов, причем содержание металлов превышет ПДК в 2-3 раза, а конкретно меди — и более. На берегу каракалпакского озера Каратерен можно встретить снулую рыбу, — надо полагать, снулую по той же причине.

Да и откуда взяться чистой воде в низовьях, если (по данным Гидрометеоцентра Таджикистана) за 1987-89 года уровень загрязненности ядохимикатами вод горных рек Вахш и Кафирниган вырос в два раза. "Уровень загрязненности Сырдарьи, который раньше считался основным, теперь считается фоновым. Все загрязнено пестицидами"[1].

Грязная вода — грязная земля. Та земля на которой выращивали хлопок, ничего, по крайней мере в ближайшие годы, родить не может. Ситуация там примерно такая же, как в Ташаузской области, где, по данным Министра здравоохранения Туркмении К.Чагылова загрязненность различными ядохимикатами превышает предельно допустимую концентрацию в 5-7,9 раза.

Тяжелее всего детям. Если по обобщенным данным более половины школьников у нас в стране — невротики, две трети — аллергики,

---

1 "Человек, земля, вода". "Круглый стол" журналов "Памир", "Звезда Востока", "Простор", "Ашхабад", "Литературный Киргизстан". — "Памир", 1989. № 11, стр.89.

80 процентов страдают заболеваниями верхних дыхательных путей, то среднеазиатские дети в обязательном порядке болеют гепатитом, желудочно-кишечными заболеваниями, у большинства не в порядке почки... Заболеваемость населения с каждым годом увеличивается, в том числе токсическим гепатитом, долгие годы выдававшемся за инфекционный.

Аральский кризис породил тенденцию во всем винить Москву. Но вот что любопытно: как только речь заходит о сокращении посевов хлопчатника, партийные руководители всех хлопкосеющих республик высказываются против. Все хотят спасать Арал, но в каждом районе, в каждом обкоме партии мы слышим одно: воды не хватает самим. Интересно, что 3 апреля 1989 г. на обсуждении экспертной комиссией Госплана СССР ТЭО "О комплексе мероприятий по регулированию водного режима Аральского моря и предотвращению опустынивания дельт Амударьи и Сырдарьи" (что блестяще высмеял в "Новом мире" В.И.Селюнин) представители среднеазиатских республик высказывались за освоение новых земель. Интересно и то, что работы по упомянутому проекту ведутся полным ходом уже с 6 марта 1989 г. Оставляют желать лучшего токсикологические лаборатории (где они вообще существуют), а данные, получаемые ими, засекречиваются, как и раньше. Давно стал достоянием гласности факт загрязнения воды в Сарыкамышском озере всевозможной химической дрянью, однако рыбаки Ташаузского рыбокомбината продолжают ловить в нем рыбу, хотя употреблять в пищу ее нельзя — легко отравиться. Но, как пишет в "Известиях" В.Зайкин, "тем не менее планы улова Ташаузскому рыбокомбинату никто снижать не собирается". Более того, продукция комбината распространяется за пределами республики, где население не подозревает о происхождении рыбы. О всеобъемлющей антисанитарии уже говорилось. Не принято мыть руки с мылом. Нет туалетов. Нет бань. Какой толк в том, что по инициативе Советского детского фонда в Среднюю Азию намечено командировать ежегодно около двух тысяч врачей, если работать им придется в помещениях, мягко говоря, мало приспособленных для работы?

Антисанитария усугубляет Аральский кризис.

Владимир Война рассказывает такую историю: "Группа развивающихся стран обратилась в Международный банк реконструкции и развития с просьбой о выдаче ссуды. Им необходимы были средства на развитие современных отраслей промышленности. Международный банк ответил отказом. Причина? Отсутствие туалетов." Если верить данным, полученным нами в лучшем здании столицы Каракалпакии — обкоме партии, даже Нукус канализован на 20%. Зато в обкомовские туалеты можно ходить на экскурсию. Что и делают местные журналисты и писатели: на полиграфкомбинате (а там размещены все редакции) нет ни одного туалета, нет водопровода, да и само здание, в отличие от новехонького ультрасовременного здания обкома, давно обветшало. Две щелястые будки во дворе — вот место, где работники всей каракалпакской прессы могут облегчить душу. Ни в

одном городе на территории автономной республики нет хозяйственно-фекальных сооружений (проще говоря, фильтров). Банями Каракалпакия обеспечена на 78% — по помывочным местам, — то есть в действительности — процентов на 50. Как сказал первый секретарь Каракалпакского обкома КПСС К.С.Салыков (присланный из Москвы и после нескольких лет имитации трудового процесса отозванный для новых трудовых подвигов в Москву же), здания всех райкомов и обкома построены с превышением сметной стоимости на полтора — два миллиона рублей — опять же за счет непостроенного жилья, бань, канализации, водопровода...

Ну, Каракалпакия — ладно, область неблагополучная во всех медико-санитарных отношениях. Возьмем, из любопытства, область, внимания особенного, если бы не землетрясение, не привлекавшую — Ленинабадскую Таджикской ССР. Оказывается, и здесь медицинское и санитарное обеспечение населения оставляет желать лучшего. 75% стационаров не обеспечены горячей водой, 80% не имеют канализации. Не отвечают элементарным требованиям 90% амбулаторно-поликлинических учреждений области, сокращается сеть детских санаториев, — в Ходжентском районе, к примеру, в течение трех лет после тяжелейшего землятресения остались неразвернутыми 50 детских санаторных коек. Может быть, дети в них уже не нуждаются? Ан нет. Уровень заболеваемости брюшным тифом и паратифами, как и в низовьях рек, растет, превышая примерно в 6 раз среднесоюзный показатель. Только 61% населения области обеспечен водопроводной водой, более 400 населенных пунктов вообще не имеют водопроводов. С 1974 г. строится лабораторный корпус областной СЭС; после консервации в нем разместилась база УПТК треста КПДС, и прекрасно, как говорится, себя чувствует. На существующей же базе областной СЭС нет таких важных лабораторий, как вирусологическая, токсикологическая, лаборатория по контролю уровней загрязнения окружающей природной среды. В Ходжентском районе и г. Кайраккуме во время землетрясения разрушились все здания учреждений здравоохранения. Прошло четыре года, но практически ни одно не восстановлено; можно ругать трест "Сельстрой-2", срывающий сроки ввода, однако деньги израсходованы, а больниц и поликлиник нет как нет. Люди болеть перестали? В Ура-Тобинском районе, как раз во время пребывания там экспедиции "Арал-88" (а именно в кишлаке Руганд) была эпидемия брюшного тифа. Эта экзотическая болезнь в местности, где никогда не занимались хлопкосеянием, распространилась опять же потому, что население употребляло для питья арычно-хаузную воду, ибо другой нет.

ОТСТУПЛЕНИЕ ДЛЯ ПОЯСНЕНИЯ

До 1985 года любой материал, в котором речь шла о воде (читай: орошении и хлопководстве), мог появиться в печати только после прохождения цензуры Минводхоза и Госкомгидромета — без этих

двух виз Главлит не ставил свою. Когда в 1965 году редактор каракалпакской газеты "Рыбак Арала" Айтжан Бекмурадов перепечатал чудом проникший на страницы "Комсомольской правды" материал собкора газеты по Узбекистану Наримана Дадабаева об уже возникшей проблеме (название корреспонденции осталось и по сегодняшний день актуальным: "Сумерки над Аралом"), то был сурово наказан по партийной, а раз так, как у нас обычно бывает, и по всем остальным линиям. За решетку его, правда, не упрятали, но возможности "сеять панику" впредь он лишился навсегда. Сегодня же нужно смело признаться: с биологической точки зрения Арал мертв. Для трех миллионов обитателей региона это трагедия в полном смысле слова, точнее, во всех его смыслах.

Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, в Средней Азии и в Москве были проведены несколько совещаний, встреч, конференций, — как говорится, лучше поздно...[1] В центральных газетах, в том числе, и "Литературной..." стали появляться материалы об Арале, журналы "Наука и жизнь", "Советский Союз", "Памир" (в нем была опубликована целая серия интересных со всех точек зрения статей), "Новый мир", "Юный натуралист" и другие всерьез пытаются привлечь общественное мнение, общественное сострадание, общественный интерес к решению проблемы, к поиску различных путей выхода из кризиса.[2] В результате все мы, порядочно обалдевшие (в буквальном смысле слова) за годы советской власти от тотальной дезинформации, с немалым изумлением узнали не только о том, что Синего моря — так на Руси до середины XIX века называли Арал, — по сути дела, уже нет, но и о том, что стоило оно всего 90 миллионов рублей. Именно в такую копеечку оценил водоем министр водного хозяйства и мелиорации СССР Н.Ф.Васильев (теперь бывший). Не дешево ли? Руководитель рабочей группы по аэрокосмическим методам программы ЮНЕСКО "Человек и биосфера" доктор географических наук Б.Виноградов заметил в газете "Известия": не только на примере Арала видны из космоса "следы разрушительной деятельности Минводхоза". Номенклатурный работник (но не мелиоратор по образованию), под чьим крылом о чем-то поют, как говорится в еще одной песне, правда, по другому поводу, два миллиона мелиораторов по образованию и профессии, может, конечно, делать вид, будто не знает, что из того космоса (где он, тот космос?) видно. Но притворяться, будто ему неизвестно, что еще в начале 70-х годов возможные убытки только от антропогенного опустынивания оценивались в пределах 60

---

[1] Забегая вперед, замечу, что проведение всевозможных слетов, даже и международных (рассекретили секрет Полишенеля!) стало в дальнейшем своего рода традицией. А воз и ныне там.

[2] Правда, кровавые события последнего времени в Фергане, Душанбе, Оше отвлекли общее внимание от Арала. Однако межэтнические столкновения раньше или позже кончаются если не дружбой, то миром, сходят на нет и в конце концов забываются, а экологические катастрофы такого масштаба — если не принимать мер — с годами становятся все страшней, и уж конечно сами по себе не прекращаются.

миллионов рублей, но уже составили не менее 100 миллионов ("Наука и жизнь", 1987, № 11), — это не по-министерски.

Направляясь в Узбекистан на I Всесоюзное совещание по проблемам аральского бассейна, названное его организаторами — общественным Комитетом по Спасению Арала при СП Узбекистана — "Экология и литература", я многого не знал. Слышал об обмелении этого озера, но думал о ситуации примерно так же, как лирический герой Ю.Кузнецова: "Не хочу говорить о печали. Слезы радости, а не беды Пусть наполняют аральские дали, Если им не хватает воды". Совещание состоялось в мае 1988 года (передвижное; маршрут: Ташкент-Нукус-Муйнак-Учсай-Ташаузский канал-Хорезм-Ташкент), в июне разговор был продолжен на Аральской встрече в городе Аральске, порту на суше, о чем напоминают оставшиеся на его территории 29 зловонных соленых луж да проржавевшие землечерпалки, суда, различный металлический хлам. Нет, не наполнить слезами аральские дали!

Вот почему два месяца — с 28 сентября по 28 ноября — в Средней Азии и Южном Казахстане действовала I Всесоюзная комплексная научно-публицистическая экспедиция "Арал-88", организованная по инициативе редакций журналов "Памир" и "Новый мир". Об экспедиции, ее участниках и их работе рассказано достаточно полно (в частности, в журналах "Советский Союз", "Новый мир", "Памир"), повторяться не буду. Доклады, статьи, книги, которые появляются, должны дать объективную картину сложившейся в Средней Азии обстановки. Заговора молчания вокруг Арала больше не существует, "партия — наш рулевой", три десятилетия запрещавшая касаться темы, дала наконец добро на расследование причин, приведших к обмелению водоема и деградации региона. Правда, только тогда, когда уж некуда стало деваться, после того, как "каракалпаки и казахи Приаралья попали в экологический концлагерь" (так метафорически определил ситуацию ташкентский геолог Владимир Ковалев). Человеческая логика отказывается объяснить, почему власть предержащие не позволяли бить в набат, когда Арал еще можно было спасти, не позволяли даже тогда, когда сотни траулеров, барж, мотофелюг, баркасов оказались в песках, как, кстати, и дворцы партийной знати, строившиеся на берегу на народные деньги (не просто дачи — Госдачи), — не менее страшные овеществленные миражи, чем кладбища кораблей в пустыне. На что надеялись те, кто ответственен за гибель экосистемы, а, значит, в первую очередь — человека в ней? На безнаказанность? Что ж, расчеты оказались верными — наказанных нет.

КОРОТКИЙ РАЗГОВОР НА БЕРЕГУ ПУСТЫННЫХ ВОЛН

На остров Барсакельмес (что в дословном переводе — "пойдешь — не вернешься") мы прилетели на маленьких бипланах, — на Аральском море не действует ни один порт, судоходство полностью "изжито", так что и в этом случае нас песня и зовет, и ведет. В том смысле,

что туда только самолетом можно долететь. Да еще добраться на военном корабле с воздушой подушкой, которому что водная гладь, что пустыня — все едино, но на который нас не пригласили.

Я разговорился с Лидией Яковлевной Курочкиной, доктором биологических наук из института ботаники АН Казахстана. Она здесь не впервые.

Наблюдая, как осенний пронзительный ветер гонит по воде мелкую рябь, Лидия Яковлевна вдруг сказала:

— А знаете, мысль об осушении Арала посещала еше Гитлера...

— Ну да! С нашими-то более или менее понятно: планов громадье, проекты века. А Алольфу-то Алоизиевичу чем Арал помешал?

— Он планировал после завоевания Средней Азии спустить Арал, а местных жителей, чтобы отвлечь от ненужных воспоминаний, приспособить к выращиванию риса на осушенном морском дне.

— Да, вот это размах, — пробормотал я, думая о том, что в этом самом размахе проявилась прежде всего позиция завоевателя, человека, по определению писателя Владимира Гусева, страстного (даже — "самого страстного человека XX века"), но не шибко грамотного. Да и волновало ли его то обстоятельство, что с ликвидацией гигантского терморегулятора, каким все еще остается Арал, климат всего региона сделается очснь похожим на климат Южной Сибири, только пресной (особенно — питьевой) воды будет по-прежнему не хватать, а с поверхности рукотворной Аральской пустыни будут подниматься в воздух соли и накопившиеся в воде за многие годы ядохимикаты.

Лист третий
НЕСКОЛЬКО ЦИФР С КОММЕНТАРИЯМИ

Мы, коммунисты, — люди особого склада.
И.В.Сталин

Во время работы экспедиции "Арал-88" стали известны следующие, в недавнем прошлом секретные цифры. По данным заместителя председателя Андижанского облисполкома Джалилова в области 200 тысяч человек не занято общественно-полезным трудом. (Первый секретарь Андижанского же обкома КПСС М.М.Алимжанов успокоил: не 200, а всего 120 тысяч человек.) Примерно такая же картина в остальных областях Ферганской долины Узбекской ССР.

Безработица необходима всякой мафии, а уж партийно-государственной, которая "честно" имеет право не признавать как наличие безработицы, так и организованную преступность, — в первую очередь. Незанятое социально незащищенное население — всегда и везде резерв преступной среды.

Удельный вес незанятого в общественном производстве населения

из года в год увеличивается. В 1988 г. он составил в Туркмении 19,7%, в Узбекистане — 22,9, в Таджикистане — 25,7 (в 1989 — 26,4%). Кровавые события в Закавказье и Средней Азии объясняются, в частности, незанятостью, — это именно н е з а н я т о с т ь — и в том случае, то есть, когда человек ходит на работу, но заняться на ней ему нечем, и в том, когда работа эта — от случая к случаю, смотря по сезону; зарплату, естественно, получает такой человек чисто символическую — меньше, чем пособие по безработице в развитых демократических странах.

В упоминавшемся не раз Аральске — 5 тысяч незанятого населения (первый секретарь райкома партии Б.Уалиев уточнил: безработных), — немало, если учесть, что в городе живет примерно 40 тысяч человек, а во всем районе — 80. На побережье Арала безработица связана с отступлением моря, подальше от моря — с наступлением хлопчатника.

Следует, разумеется, учитывать, что среди незанятого населения большее количество многодетных женщин (в Туркмении, по оценке Госкомтруда республики, из 19,7% незанятого населения 46% — женщины, имеющие 4 и более детей), мало детских дошкольных учреждений, а дети болеют... Но ведь и то правда, что по переписи 1970 года в РСФСР на каждую сотню лиц в возрасте от сорока до сорока пяти лет приходилось 85 тех, кому до 5 лет, а в Узбекистане, например, — 302, а в Таджикистане — 322... "В сущности говоря, в Средней Азии сейчас — громадное аграрное перенаселение, то есть скрытая безработица", — пишет В.И.Переведенцев (Виктор Иванович тоже работал в составе экспедиции "Арал-88") в "Советской культуре" от 13 января 1990 г. Добавьте сюда — в то же самое время! — острую нехватку квалифицированных рабочих: при избытке рабочих мест — примерно 40 тысяч в 1989 г. — Узбекистан (да и вообще Средняя Азия) импортирует (а сегодня точнее сказать: импортировала) из европейской части СССР квалифицированных промышленных рабочих! Ковали местные кадры, и доковались: большинство этих кадров занято партийным и советским руководством, а также сельскохозяйственным производством и неквалифицированным трудом. (Один пример: по официальным данным, на ташкентском авиационном производственном объединении им. В.П.Чкалова осенью 1990 года было более 4,5 тысяч вакансий, — и конечно, не уборщиков цехов.)

Практически во всех областях, где побывала научно-публицистическая экспедиция, местные руководители сетовали на неполную занятость населения (по-русски говоря, на безработицу, приведшую в конце концов к организованной узбекскими, таджикскими, киргизскими националистами резне, унесшей тысячи жизней), а также на то, что, ежели выращивать не хлопок, а овощи-фрукты, то рабочих рук высвободиться еще больше. Формально, так оно и будет: трудоемкость хлопчатника 980 человеко-часов, овощей — 907, плодовых культур — 344, картофеля же, 295. Но это в том случае, если и в 2000 году гипотетические 45-50 миллионов населения региона будут заниматься экстенсивным сельским хозяйством, как сегодня.

Политика геноцида, проводимая КПСС и Советским правительством против русского и других народов нашей страны позволяла делать вид, будто ликвидация безработицы, случившаяся у нас по декрету в 1930 году, и в самом деле одно из главных достижений системы — наряду с другими "благами": бесплатным медицинским обслуживанием, бесплатным образованием, почти бесплатным жильем, слиянием города с деревней, армян с азербайджанцами и эстонцев с узбеками. Излишки рабочей силы поглощали многочисленные "стройки коммунизма" — "стройки века", разворачиваемые под знаменем ГУЛАГа. Время убедительно показало человеконенавистническую сущность измышлений теоретиков коммунизма (Ленин убеждал: "Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и по общему распорядку";[1] Троцкий настаивал: "Мы говорим: это неправда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всяких условиях непроизводителен"[2]), сеть концентрационных лагерей, изобретенных в 1918 году в нашей стране (скопированных и внедренных с усовершенствованием затем Гитлером), была в конце уничтожена, освободились рабочие руки. Но в государстве, где планирование вопреки его декларативности — понятие чисто абстрактное, рыночная экономика (рыночная, а не базарная!) отсутсвует, а та, которая существует, никак не связана с демографической ситуацией и общим интеллектуальным уровнем населения региона, безработица — явление вполне естественное, только гораздо более безобразное, нежели в цивилизованном мире.

Это явление можно замалчивать сколько угодно, но ликвидировать декретом невозможно.

---

[1] В.И.Ленин. — ПСС, т.41, стр.310-311

[2] Девятый съезд РКПб. Протоколы. — М., 1960, стр.97-98

Блокнот второй

КТО ВИНОВАТ?

Ученье Маркса всесильно, потому что оно верно.
В.И.Ленин

Лист первый
МЕЛЕТЬ ИЛИ НЕ МЕЛЕТЬ?
Вопрос о постановке вопроса

Была ли вообще в сложившейся социально-экономической системе у моря альтернатива, — то есть могло ли сложиться так, что Арал не обмелел бы? К сожалению, нет. Не мелеть Арал не мог.

Вернемся на четверть века назад. К 1965 году из 79 кубокилометров воды, которые Амударья способна (теоретически) донести до места назначения, и из 35 кубокилометров воды Сырдарьи Аралу доставалось в среднем 58,5 кубокилометра в год. Правда, с 1959 по 1962 уровень моря даже несколько повысился, что вызвало у обитателей острова Барсакельмес, бывшего в те времена заповедником не только de jure, но и de facto (последние годы никакой научной жизни на острове-заповеднике нет по причине полного отсутствия научных сотрудников, егеря не знают своих обходов, а сам директор Сабырбай Мусаев живет в Аральске, наезжая, точнее, налетая во вверенное научное учреждение раз эдак шесть в год), опасения чисто научного характера: куда девать куланов и сайгаков, ежели остров, не дай Бог, совсем скроется под водой?

Опасения оказались преждевременными, произошло обратное — остров стал увеличиваться в размерах, и к 1989 году оголившееся дно окружило его прибрежной полосой шириной не менее, чем в два километра. В этом нет ничего удивительного. С каждым годом в Арал поступало все меньше и меньше воды: к 1970 (когда в Узбекистане полным ходом шло освоение земель под хлопок и вовсю строились каналы) Арал получал в среднем 43 кубокилометра в год, к 1980 — меньше 17, в 1985-1986 — ни капли. После сентября 1988 г. положе-

ние, казалось бы, должно было поправиться: ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление "О мерах по коренному улучшению экологической и санитарной обстановки в районе Аральского моря, повышению эффективности использования и усилению охраны водных и земельных ресурсов в его бассейне". Не анализируя постановление, заметим: оно есть, руководители государства соблаговолили признать наконец факт свершившейся экологической катастрофы, но не следует надеяться, что ему суждено оказаться в числе тех десяти из ста (по официальной статистике), которые у нас в стране раньше или позже выполняются. Мы еще вернемся к этому постановлению, а пока запомним: предусматривается "установить гарантируемый приток речных вод в дельты рек Амударьи и Сырдарьи, начиная с 1990 года в объеме не менее 8,7 кубокилометров в год, с доведением его в 1995 году до 11 куб.километров, к 2000 до 15-17 куб.километров и в 2005 году до 20-21 куб.километров (с учетом коллекторно-дренажных вод)". Ну, как тут не вспомнить Ходжу Насреддина, взявшегося за солидное вознаграждение обучить эмирова осла грамоте. Курс обучения предполагалось завершить через 20 лет. Когда друзья попросили объяснить, зачем он ввязался в заведомо гиблое дело, Насреддин ответил: "Аллах всемогущ и милосерден, и за это время одному из нас — ослу, эмиру или мне — позволит покинуть бренный мир". Ибо необходимо Аралу не 17 кубокилометров к 2000 году, а 36,6 уже сегодня и ежедневно. Такое количество испоряется с поверхности водоема за год, и 36,6 кубокилометров позволят пусть не восстановиться Аралу, но удержаться на нынешнем уровне. (Оптимум рассчитал на ЭВМ кандитат физико-математических наук из Ленинграда Сергей Васильевич Котов).

Одним словом, как ни крути, а "покуда травка подрастет, лошадка с голоду умрет". Интересно, что еще датский принц Гамлет, не подозревавший о существовании Арала, знал: "старовата поговорка".

— Как же так получилось, что профессионалы-мелиораторы не учли в технико-экономических обоснованиях (ТЭО) своих проектов вероятность усыхания моря? — спросил я генерального директора НПО "САНИИРИ" (Среднеазиатского, а фактически — Узбекистанского НИИ ирригации), кандидата технических наук Виктора Абрамовича Духовного.

— Почему же не учли? Осушение Арала входило в наши планы, — ответил профессионал спокойно и доброжелательно.

МОДЕЛЬ РАСПАДА

(Из папки с газетными вырезками и расшифровками фонограмм)

В обилии газетных и журнальных публикаций, теле- и радиопередач, выступлений на аральскую тему можно обнаружить несколько вариантов объяснения причин катастрофы. Руководитель экспедиции "Арал-88" Григорий Иванович Резниченко в статье "Море разногласий" (журнал "Памир" № 9, 1988) высказал убеждение: Аральское

море выпил хлопок, главный виновник сложившегося положения — Минводхоз. Историк средневекового Хорезма (тогда Хорезм занимал территорию едва ли не всей Средней Азии и части Азербайджана) академик и директор института востоковедения АН Азербайджана, почетный член Турецкого исторического общества, Герой Советского Союза Зия Мусаевич Буниятов в прессе об Арале специально почти не высказывался, поэтому тем интереснее его мнение:

— Испокон веков междуречье Амударьи и Сырдарьи представляло собой сплошные сады, бахчи, виноградники, урожай даже вывозился. Добывалось здесь и золото, — средневековые копи используются и поныне для добычи этого металла на Зерафшане. Развита была культура, наука ренессанского типа, особенно в Бухаре, Самарканде, Ургенче. И то, что сегодня произошло в регионе, настолько трудно совместить с понятием прогресса, что даже не огорчает, а лишь удивляет: как мог человек, вся жизнь которого связана с водой, занять огромное пространство своего обитания под монокультуру — хлопчатник. Ведь не хлопком единым жив человек, точне, вовсе не хлопком. А получилось так: всего, чем славилась когда-то Средняя Азия, практически не существует. Экология нарушена непоправимо, старопахотные земли засолены, зарегулированы воды обеих рек, загублена флора и фауна самого моря. Местное руководство — оно вроде бы и озабочено судьбой Арала, но останавливать надвигающуюся его гибель не собирается, продолжая отдавать распоряжения о заготовке все нового количества хлопка. Море станет ямой с соленым песком, реки превратятся в источник омертвляющего смрада, а что касается искусственных озер... Я не вижу просвета. Наши лозунги иногда оказываются дутыми. Возьмем все эти обещания о наступлении лучшего времени — на моей памяти все попытки их реализовать в конечном счете оказывались во вред человеку. В войну мы форсировали Днепр, были тогда плавни, живность была, а сейчас вместо всего этого — зарастающее вонючей зеленью Каховское море, такое же, кстати, как и Цимлянское... Природа сама определяет, куда течь реке, как течь, какой живности и где водится. Последние лет двадцать мы живем по поговорке "после нас — хоть потоп"[1]. Или какой-нибудь последний день Помпеи: завтра все исчезнет, так давайте же сегодня все крушить. Это не по-человечески. Что оставим потомкам?

Виктор Григорьевич Казаков, консультант СП СССР по публицистике, писавший об экологических бедах Молдавии, об опустынивании Черных земель калмыков, о тяжелой ситуации в Волго-Каспийском бассейне, пришел к следующему выводу:

— Дело не в субъективных чьих-то просчетах. Дело в том, что в нашей самой экономической системе отсутствует пока природоохранный механизм. Следует четко в нашем уголовном кодексе определить понятие еще одного преступления — экологического, и спрашивать за него как за хищение в особо крупных размерах. А возможно это, в свою очередь, при наличии правдивой и честной статистики, которой у нас пока нет.

Еще более конкретен и точен Владимир Иванович Олейник, заместитель начальника следственной части прокуратуры РСФСР, побы-

---

[1] Первый секретарь Хорезмского обкома Компартии Узбекистана, депутат Верховного Совета СССР Мирахмат Мирходжиевич Миркасымов, принимая во дворце обкома в городе Ургенче представительную группу участников I Всесоюзного совещания по проблемам Арала "Экология и литература" (второе совещание должно было состояться через год, в мае 1989 г., но Комитет спасения Арала при СП Узбекистана, организатор совещаний, обеспокоенный активными антиправительственными действиями узбекских националистов, ссылаясь на гибель сотен месхетинцев и русских, перенес это мероприятие на осень) предупредил первым делом: "О хлопке говорить не будем". Поэтому беседа товарища Миркасымова с писателями, учеными, медиками прошла в теплой и, как любят писать наши газеты, дружеской обстановке. Покинув Хорезм, мы узнали, что Миркасымов получил повышение и работает теперь в Ташкенте. К началу 1990 г. он "дорос" до должности Председателя Совета министров Узбекистана.

вавший в регионе в составе экспедиции “Арал-88” (и не понаслышке знакомый с “делами” узбекской хлопковой мафии).

— Вы посмотрите уголовно-правовое и гражданское законодательства, которые в случае гибели рыбы в водоеме, животных, предусматривают довольно суровое наказание виновных. Но ни в одном законе не говорится: загрязнение окружающей или водной среды пестицидами, другими ядохимикатами, повлекшее тяжкие последствия для человека или его смерть, наказываются таким-то и таким-то образом. Нет этого! Статья, предусматривающая такого рода деяния, должна быть обязательно.

— Надо в школе и на производстве поднять роль экологического воспитания и образования, — считает кандидат биологических наук Абдукадыр Эргашев, член республиканской (УзССР) комиссии ЮНЕСКО по программе “Человек и биосфера”. — Присутствовали ли на совещаниях по Аралу представители общества охраны природы? Нет, и оно понятно — ведь в аппарате общества мы не обнаружили ни биолога, ни географа... А когда у нас в стране руководство промышленными предприятиями консультировалось перед вводом предприятия в строй с геологами, биологами, экологами? Никогда и нигде. Выходит, пришло время еще раз доказывать актуальность пословицы “не плюй в колодец, пригодится воды напиться”?

Высказывались — да и продолжают высказываться — мнения о влиянии природных факторов на осушение Арала. Дескать, отрицательные природные факторы вообще косяком пошли, да как на грех — последние годы исключительно маловодные. Вот год 1988 был полноводным — и море отступило не на 80 сантиметров, как обычно, а всего на 20. Поскольку еще в школе мы привыкли к тому, что условия для ведения сельского хозяйства в нашей стране исключительно неблагоприятные, и только ценой невероятных усилий, то есть, не взирая на погодные условия, мы можем хоть что-то вырастить[1], многих такой взгляд на проблему Арала устраивал и устраивает по сию пору. Тем более, что сразу можно вспомнить: раньше, до “исторического материализма”, погодные условия были не в пример лучше, вот Арал и не высыхал. А то, что были лучше, тоже известно: до 1914 года Россия хлеб (да и не один хлеб) продавала, а теперь, вишь, покупает (да и не один хлеб. В 1987 г., например, объем импорта продовольствия составил 17,7 миллиарда инвалютных рублей).

С погодными условиями, с маловодьем этим даже пытались бороться (исполняя хором под руководством Большого Партийного Начальника любимую песню: “Будет людям счастье, счастье на века — у советской власти сила велика!”): бывший первый секретарь Кашкадарьинского обкома партии Гаипов посылал самолеты на “штурм” ледников — их опыляли угольной пылью. Человек большого государственного ума, бывший первый секретарь первым (и, к счастью, последним) понял: такая дорогая, но нехитрая операция вызовет более активное таяние снегов, питающих реки, — и проблема орошения

---

[1] Иронизируя над такой постановкой вопроса, вернее, уходом от него, Юрий Черниченко приводит в пример островное государство с действительно плохим климатом (“влажноват”, “почвы неважнецкие”): “У Англии средиземноморского климата и иных уникальностей нет и не было. А уже если территорию брать, то Великобритания в семьдесят раз меньше, чем в сумме Австралия, Новая Зеландия и Канада. Но вот справочники хором говорят, что одна эта Англия, “туманный Альбион”, и ныне производит сельских продуктов, считая по стоимости вала, без малого столько же, сколько Австралия, Новая Зеландия плюс Канада вместе взятые!” (“Дальняя поездка”, М., “Современник”, 1988)

решена! Не успел, видно, бывший первый секретарь почитать до принятия такого решения басен дедушки Крылова.

Академик ВАСХНИЛ экономист В.Н.Тихонов, выступая на "Днях Арала" в московском ЦДЛ (февраль 1989 г.) заметил:

— Трагедия Арала — это лишь одно из наиболее, по-моему, ярких проявлений общей трагедии нашего сельского хозяйства, трагедии, в данном случае обусловленной так называемой мелиорацией, которая в основном сводится либо к орошению, либо к осушению земель.

В печати неоднократно уже приводились данные о том, какова эффективность этих вложений. Минводхоз — автор всех основных мелиоративных программ — признает, что срок окупаемости вложений в прошлом пятилетии составил не менее двадцати пяти лет. Четверть века — это жизнь поколения! Если же подсчитать точнее и добросовестнее, что мы и попытались с моими коллегами сделать, реальный срок окупаемости составляет не четверть века, а сто четыре — сто семь лет! Может ли страна продолжать вкладывать нарастающие ресурсы, притом что окупаются они только через столетие?

У нас сложился строй государственно-монополистической экономики. И до тех пор, пока этот строй государственно-монополистической экономики в нашей хозяйственной системе будет существовать, народ не получит возможности противодействовать даже самым неразумным хозяйственным решениям.

Василий Илларионович Селюнин, предупредивший в своей знаменитой статье "Истоки" ("НМ", 1988, № 5) о том что, "если не будет крутых перемен, в середине 90-х годов наша экономика развалится со всеми вытекающими отсюда последствиями — социальными, внешнеполитическими, военными и т.п.", в интервью газете "Комсомолец Туркменистана" 27 октября 1988г. определил ситуацию в Приаралье так: "Быть может, я скажу резковато, но я увидел здесь модель того распада, к которому может прийти все народное хозяйство".

Старый газетный волк, Василий Илларионович остался романтиком: к распаду все народное хозяйство страны уже пришло. Иначе вопрос об уникальной операции по осушению Аральского моря просто бы не встал. Или?.. И я пошел в Министерство водного хозяйства и мелиорации СССР к первому заместителю Министра П.А.Полад-заде.

— В 1970 году Госплан СССР, ВАСХНИЛ, Министерство сельского хозяйства СССР и Минводхоз внесли на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС доклад о проблемах водного хозяйства и развитии мелиорации в стране. Доклад был одобрен. В нем прямо говорилось о том, что усыхание Аральского моря неизбежно, были расписаны параметры водопотребления. Доклад стал основой утверждения программы действий, и все делалось в соответствии с ней, — сказал Полад Аджиевич. — Достаточно заглянуть хотя бы в принятое единогласно 5 марта 1986 года XXVII съездом КПСС Постановление "Основные направления экономичесткого и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года."

Что ж, я заглянул. И в самом деле: в Узбекской ССР предусматривается "ввести в эксплуатацию за пятилетие 350 тысяч гектаров орошаемых земель, реконструировать системы обводнения пастбищ на площади 4,8 млн гектаров. Продолжить комплексное освоение Каршинской и Джизакской степей". Той самой Каршинской степи, где урожаи хлопка самые низкие в республике — "земля не та", — заметил Селюнин в своей последней (№ 5 1989 г.) тоже "новомирской статье", — откуда люди продолжают бежать, несмотря на выполнение Кашкадарьинским облисполкомом планов по переселению, а также — на цену около 10 тысяч рублей каждого освоенного поливного

гектара[1]. Еще в "Основных направлениях" планируется ввести в текущей пятилетке 410 тысяч гектаров орошаемых земель в Казахстане, 100 тысяч орошаемых земель в Туркмении, 65 тысяч — в Таджикистане... Разумеется, не забыт и хлопок, ведь ради него все и затеяно — предполагается "обеспечить получение в 1990 году — 2,8-3 миллиона тонн хлопка-волокна".

— А как же с питьевой водой? — спросил я. — У нас в экспедиции "Арал-88" участвовал санитарный врач из Москвы кандидат медицинских наук А.М.Дериглазов, так вот он качество питьевой воды в Приаралье определил так: в низовьях рек люди пьют то, что не так давно люди, но другие, пили в верховьях.

— Что касается питьевого водоснабжения, то эти вопросы в сельской местности в целом по стране решены отвратительно, — не стал спорить мой собеседник, — но не по нашей вине: строительство водопровода — дело местных властей. И в России есть зоны, где вообще нет питьевой воды — в Заволжье, в Зауралье, а в Уральском экономическом районе — там и в городах пить нечего. А факт огромной заболеваемости и смертности в Средней Азии связывать с гибелью моря нельзя, как нельзя людям пить воду из арыков. Да, питьевой воды нет. Но где были руководители, обязанные заниматься обеспечением населения питьевой водой? Дворцы строили, виллы строили, а до водопровода и канализации руки не доходили. А возьмите выгребные туалеты: из них вся гадость идет прямо в грунтовые воды, а оттуда в арыки, откуда люди воду, которую пить нельзя, все-таки пьют. Больниц нет, поликлиник нет, бань нет, аптек нет, и к тому же — это слова Президента АМН СССР Покровского, — если женщина беременна в 35 лет 8 раз — это уже не женщина. Ждать от нее, что она даст здоровое потомство...? Там, где большая рождаемость, там и большой отсев. Ну, не было бы орашаемых земель, — что, они бы жили лучше, что ли? Сейчас принято винить во всем Минводхоз, и самое интересное, что такая мимикрия тех, кто в недалеком прошлом был сторонник переброски рек, восторгался строительством каналов, а теперь почувствовал иную конъюнктуру, дает возможность им сразу стать "чистенькими". Чего стоит, например, позиция любимого мной поэта Андрея Вознесенского: "Отец мой, умирая, завещал мне бороться против переброски рек"! Ведь каждый мелиоратор знает, что именно отец поэта Вознесенского — автор, инициатор, отец идеи переброски. Он много лет подряд доказывал, писал, выступал, кричал, требовал, настаивал, — а теперь выяснилось, что он, оказывается, "умирая, завещал"... Во всех акциях такого рода нужно видеть и нравственную сторону вопроса.

Полад Аджиевич — человек грамотный, да к тому же азербайджанец по происхождению, так что все эти восточные дела знает не понаслышке. Хотя, защищая честь мундира (что, впрочем, достаточно естественно), он и утверждает, будто обмеление Арала и образование сбросовых озер на климат региона не влияет, что не существует доказательства переноса с осушенного дна моря на дальние расстояния солей, однако согласен: "В использовании воды много бесхозяйственности", "в Арнасай и Сарыкамыш попадает только сильно минерализованная вода сбросных коллекторов", и "эти сбросные коллекторы — результат того, что мы опоздали со строительством крупных регулирующих сооружений на Амударье и Сырдарье". Определена позиция Полад-заде и относительно засоления орошаемых земель: оно имеет место там, где не был своевременно построен дренаж. "Но не надо забывать, что на строительство дренажа в свое время был

---

[1] "За последнее время с узбекской целины уехало около семисот семей. Переселение каждой обошлось в многие сотни рублей" ("Известия", 7 июля 1987 г.)

наложен запрет. Внедрение этого мероприятия характеризовалось властями как вредительство"...

Письмо в редакцию:
"НЕ НАША ВИНА, ЧТО ГИБНЕТ АРАЛ.
МЫ ПРОСТО ДЕЛАЛИ СВОЕ ДЕЛО..."

Написал его Георгий Васильевич Горбатов, член КПСС, ныне пенсионер, и переслано оно было в журнал "Дружба народов", редакция которого командировала меня на I Всесоюзное совещание "Экология и литература", познакомив предварительно со всей почтой на тему экологии. Я не случайно привожу столь обширные выдержки из этого любопытного человеческого документа, поскольку в нем очень ярко выражен взгляд на Арал, который разделяют очень многие из тех, кто имеет к аральским проблемам самое непосредственное отношение.

"По профессии я летчик, — пишет Горбатов, — причем со времен Великой Отечественной войны. После победы над фашизмом демобилизовался из армии и с лета 1946 года работал штурманом 239 авиаотряда ГВФ, обслуживал Каракалпакию, Хорезмскую область и прилегающие к ним территории. После учебы в Ленинграде работал в той же должности в Ташкенте, часто летал в Нукус, Муйнак, Чурук и другие пункты среднеазиатского региона. Долгое время работал штурманом-аэрофотосъемщиком, фотографировал будущую трассу Каракумского канала, а затем часть готового и продолжающегося строиться русла рукотворной реки в пустыне. Наш экипаж вместе с самолетом месяцами базировался в Ашхабаде, Джусалах, Кзыл-Орде, Нукусе, Ургенче, Чарджоу. Так что все, что касается аральской проблемы, я знаю не по наслышке...

Именно поэтому я хочу поделиться своими впечатлениями и печальными размышлениями о том, как в течение многих десятилетий самые высокопоставленные и компетентные лица нашей партии и правительства обещали народам Средней Азии и Казахстана оказать помощь в покрытии дефицита воды, как эти обещания и плановые наметки постоянно отодвигались на неопределенные сроки, как народное хозяйство этого края изыскивало средства прикрытия невыполненных обещаний (выделено мной — *В.З.*) за счет Арала, надеясь впоследствии — с вводом части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан — выйти из создавшегося трудного положения и рассчитаться с Аралом, и как все это обернулось чудовищным обманом, когда нам официально было заявлено, что никакой воды из России нам не дадут...

Период благоденствия Аральского моря сохранялся до конца пятидесятых годов.

(Так у автора письма, отстаивающего точку зрения, согласно которой во всем — или почти во всем — виновата Туркмения с ее Каракумским, а теперь еще и Ташаузским каналами. Фактически же деградация Арала началась с конца 60-х годов. — *В.З.*).

Но именно с этого времени море начало медленно, но безостановочно мелеть, отступать.

Толчком послужило окончание в 1959 г. строительства первой очереди Каракумского канала... Его русло от Мукров... до Карамет-Нияза прокладывалось по озерцам и солончакам старого Келифского Узбоя (по руслу которого 10-20 тысяч лет назад вода Амударьи поступала в Каспий, а Арала еще не было. — *В.З.*). Местность здесь очень низменная, а вода растекалась далеко по сторонам, образуя вдоль русла сильно вытянутое озеро. Далее строительство канала велось в сплошных песках. Пески "пили" воду в громадных количествах. Грунтовые воды в близлежащих колодцах поднялись...

Так было положено начало отвода воды из рек, питающих Аральский водоем.

В начале 60-х годов... появились два незапланированных крупнейших водоема: Сарыкамышский и Айдаркульский. Первый был создан заполнением Саракамышской

впадины амударьинской водой... Второй образовался в результате "прорыва вод" Сырдарьи. Он длиной 180 и шириной 40 км...

А наше правительство все увеличивало и увеличивало план по сдаче хлопка. Не выполнить его мы не имели права и не имеем. И воду на поля лили все в больших и больших количествах и продолжаем лить по сей день. И вот дополивались до таких пределов, что реки наши — Амударья и Сырдарья — не стали доходить до Аральского моря...

Где же справедливость? Где обещанная нам вода, с приходом которой мы связывали все свои надежды на улучшение жизненных интересов? Нет ее. Нас просто обманули! И в том, что гибнет Арал, вина не наша. Мы делали свое дело: по решению советского правительства все больше и больше вводили в строй поливных земель и все больше выдавали на гора хлопка. А сами беднели...

Короче говоря, расходом воды для расширения посевов хлопка распоряжались из Москвы, а с выходом Постановления Совета Министров СССР о прекращении работ, связанных с переброской (которая, как теперь наконец подсчитано, все равно ничего Аралу бы не дала, — ну, 5 кубокилометров, для моря — и в самом деле капля. — *В.З.*), Советское правительство сняло с себя ответственность за бездумный расход воды в среднеазиатском регионе, а значит и за усыхание Аральского моря, хотя главная вина лежит на нем, и возложило бремя забот и тяжесть решения этой запутанной проблемы на плечи республиканских органов власти и местной общественности..."

Такое вот сердитое письмо небезразличного человека, наблюдавшего гибель Арала не только сверху. Я старался цитировать из одиннадцатистраничного машинописного текста самое важное, опуская по возможности всплески эмоций и общие места, а также призывы немедленно возобновить работы по переброске части стока сибирских вод, а виновников содеянного переселить в низовья среднеазиатских рек.

Если бы дело дошло до переброски, мы имели бы еще один очаг экологического бедствия, — об этом написано много (собственно, потому сия идиотическая акция и не состоялась): ведь, по мнению многих ученых, осушение Арала окажет влияние — и вовсе, как можно легко сообразить даже не будучи ученым, неблагоприятное — и на сопредельные сибирские территории.

Но все, о чем пишет летчик, я видел сам.

Я видел больше.

АВТОРСКАЯ РЕМАРКА

Я в принципе противник черно-белых схем.

Аральскую трагедию, на мой взгляд, невозможно объяснить только привлекая экономику, размышляя о перекосах в сельском хозяйстве или размещении промышленности... То, что происходит в этом регионе, — чрезвычайно сложный, многоуровневый процесс, в котором в единый клубок сплелись и тенденции, идущие из далекого прошлого, и ошибки, сделанные в наши дни. Ошибки, порой, преступные.

Как бы то ни было, судьбу Арала невозможно постичь без обращения к истории, как древнейшей, так и новейшей. Заглянем в прошлое?

ПИСЬМО ИЗ ИСФАРЫ

Покажется в предместьях Исфары
Волошинская Киммерия.
В предположениях мы не так еще стары,
Но даже в них мы в лучшем случае вторые.

Как под высоким небом шире степь,
Лес предположен,
                    цвет, как нить, продернут
Сквозь холмы,
                зависая в пустоте,
Пейзаж
        пейзаж благодарит покорно.

Кликушествует память на заре,
Где, доисламским откровеньем горд,
Бехзод рисует птичек и зверей,
Дев луноликих, воинов, царей,
И каждому царю положен город.

А глянешь на него века спустя —
Везде твой дом, и всюду ты в гостях.

Лист второй
ВЗГЛЯД НАЗАД: ДО И ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Как считают специалисты, геологически Аральское море удивительно молодо. Его возникновение сопоставляется с финальными этапами четвертичного периода, то есть с последними 100-120 тысячами геологической истории.

В последние тысячелетия сток Сырдарьи шел в одном направлении — к Аральской впадине. А вот Амударья вела себя гораздо капризнее, поворачивая в нижнем течении то на запад — к Каспию, то на север и восток — к Аралу. Пока Амударья, пересекая Каракумы, мирно впадала в Каспий (да, такое тоже было), никакого Арала не существовало. Сырдарьинская вода не могла заполнить впадину четвертого по площади (в недавнем прошлом, сегодня же — шестого) бессточного водоема планеты. Было это 20, если не 7-9 тысяч лет назад, так что Арал моложе Каспия, с которым его частенько сравнивают, в сотни раз. Его пресноводное происхождение отвергает между тем саму возможность сравнения и сомнению не подлежит, тем более,

что перепад высот между уровнями обоих водоемов — около 80 (опять же — до начала обмеления) и даже 90 (сегодня) метров. Пресноводным происходжением объясняется сравнительное малообразие флоры и фауны — не более 400 видов, то есть раз примерно в пять меньше, чем в прочих — "нормальных" морях. После окончания ледникового периода — значит, последние 10 тысяч лет — уровень соседствующих закрытых водоемов заметно колебался, причем несинхронно. Академик Л.С.Берг, изучавший Арал в первой половине нашего века, усматривал в этих колебаниях систему (принцип противофазы), связывая ее с глобальными циклоническими процессами.

А в самом деле: действительно ли климат Приаралья жестко связан с благополучием самого Арала? Прошлое региона свидетельсвует: если в процессе дельтовой миграции один из рукавов Амударьи перемещался на запад, часть стока оказывалась в древней Сарыкамышской впадине (наполнить которую можно за несколько лет), а оттуда попадала по руслу Узбоя в Каспий, как и до рождения Арала. В экстремально водные периоды уровень Арала поднимался на 4 метра — до отметки +57, — образуя с Сарыкамышем единый бассейн, и тогда климат становился заметно влажнее. Свежий вид русла Узбоя позволяет определить его пропускную способность: 0,2 годового стока Амударьи. Значит, основная масса амударьинской воды всегда (то есть, после образования Арала) попадала в море.

В наши дни благодаря порогу Кугунек, образованному тектоническим поднятием земной коры, сток амударьинской воды в Каспий невозможен, но до XVI века этот водный путь (вероятно, с перерывами) действовал, о чем свидетельствует английский исследователь Дженкинсон, а также хивинский правитель XVII века Абу-ль-Гази Бахадур-хан, чей отец еще ходил в конце XVI века по Узбою. В "Истории Пугачева" А.С.Пушкин пишет, что водным путем водили своих бандитов с Урала на Хиву атаманы Нечай и — после него — Шамай[1].

О чрезвычайной полноводности Арала в прошлом говорят хорошо выраженные древние береговые линии на абсолютных отметках +57 (высота порога Кугунек) и даже +73. Какая сила удерживала Арал на таком уровне — еще одна из загадок. Но существуют следы и гораздо более низкого уровня — на отметках +44, 40, 35, 30 метров. Теперь, из-за отступления моря, они заметны, как говорится, невооруженным глазом. Археологические данные подтверждают: 5-4 тысяч лет назад Узбой был водной артерией, а чуть позже, 3,5 тысяч лет назад, — высох, что стало катастрофой для обитателей его долины. Однако через тысячу лет в регионе расцветает государство Ахеменидов. В IV веке до н.э. Узбой снова ожил, в чем убедился Александр Филиппович Македонский, попутно ликвидируя империю, населенную предками современных таджиков. Шли века, как любят писать авторы учебни-

---

[1] Попытка сделать такое путешествие возможным препринималось и в наше время. 12 сентября 1951 г. в "Правде" был опубликован проект соединения Амударьи с Узбоем. Не помри Сталин, сейчас не о чем пришлось бы говорить: Аралкум — соленая пустыня на стыке Каракумов и Кызылкумов — давно стал бы реальностью.

ков истории для средней советской школы. В конце I тысячелетия до н.э. на месте Бактрии, или точнее, Тохаристана, возникает Кушанское царство, граничащее по Амударье (она пока называется Оксом, но вот-вот получит местное название Джейхун, т.е. Бешеная) с Парфией. Во II веке Кушанское царство прекращает свое существование. "Растет Бек-пак-дала, ширится на юг и на север Гоби, уходят в глубь земли родники, мелеют реки, высыхает Балхаш и зарастает тростником дно Аральского моря, превращаясь в "болото Оксийское". Жить в великой степи можно только у подножия хребтов, увенчанных ледниками, с которых все лето текут ручейки пресной воды"[1]. Парфия, находящая все-таки подальше от "болота Оксийского", развалится лишь в III веке. "В Кушанский период, — читаем в труде "История Каракалпакской АССР" (Ташкент, 1986), — развитие оросительных систем достигает для античности своего максимума". Не ускорили ли эти ирригационные хлопоты усыхание моря? Как знать. О Хорезме же IV-VI веков историки говорят уже как о самостоятельном государстве. Однако, хотя высохшая было степь вновь зазеленела и даже действует амударьинско-сарыкамышско-узбойский водный путь, для Южного Приаралья это — смутные времена. Резко сокращаются площади орошаемых земель и ирригационная сеть, приходят в запустение города Топрак-кала, Джанбас-кала в Правобережном и Куня-Ургенч и Большая Айбугир-кала в Левобережном Хорезме. Великое переселение народов, перестройка общества, смена климата — все это вещи, как известно, взаимозависимые. Но — шли века. Укреплялось государство Хорезмшахов, потихоньку наступал век XII. Русло Узбоя снова успело высохнуть, и река целиком впадает в Арал (если не считать, что число каналов растет), который потихоньку наполняется. Вроде бы все идет хорошо: расцвет культуры и ремесел, науки и литературы.

Но тут наступает 1219 год, и в пределах Хорезма появляется Чингисхан. Он разрушает Отрар на Сырдарье, весной 1220 года берет Бухару и Самарканд, а зимой 1221 приступает к осаде Ургенча. Разрушив дамбу, его ребята затопили город, и вода пошла на запад — в Сарыкамыш и из него — в Узбой. Через полторы сотни лет появится Тимур, и история повторится: с 1272 по 1288 год пять разрушительных походов совершит он на Хорезм...

Здесь я прерву на время исторический экскурс, чтобы познакомить читателя с несколько необычным взглядом на экспансию кочевников. Высказал его Дмитрий Борисович Орешкин, кандидат географических наук, работающий в Институте географии АН СССР. Экспедиция свела нас вместе. Мы подолгу беседовали то в пустыне под каким-нибудь развесистым саксаулом, то возле экзотически журчащего арыка, то на шумном азиатском базаре, то в гостиничном буфете за рюмкой спирта, поднесенной соседями-киношниками. Вот только в Москве никак не встретимся — то цейтнот времени, то со спиртом напряженка...

---

[1] Лев Гумилев. — "Этнос: мифы и реальность". "Дружба народов", 1988, № 10.

Признаюсь, ни одна из высказанных Дмитрием концепций (а высказывал он их немало) не заинтересовала меня так сильно, как та, что приведена ниже. Позже Дмитрий развил ее в статье "Арал в потоке времени", опубликованный в "Памире". Эпиграфом к Д.Б.Орешкину я взял цитату из литературоведческой статьи "Инония и Китеж", написанной в 1925 году (то есть в эмиграции) первым русским нобелевским лауреатом в области литературы. Наблюдая за тем, что происходит на его многострадальной родине, он до конца своих дней предостерегал против "киргизма" в культуре.

"ЧИНГИСХАН — ПЕРВЫЙ БОРЕЦ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ"

> В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, а есть только бродячая кибитка, время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет.
>
> *И.А.Бунин*

"Цветущий Хорезм притягивал к себе взгляды соседей. В начале XIII века к нему проявляет повышенный интерес недавно ставший великим ханом монголов Темучин, нареченный Чингисханом. И почти ровно за 700 лет до злополучного выстрела в Сараеве, положившего начало мировой войне, в Средней Азии произошло нечто подобное у городка по имени Отрар. Посольство и торговый караван, посланные Чингисханом на запад, были остановлены и разграблены у границ Хорезма. Произошла Отрарская катастрофа.

Надо сказать, что в интерпретации Джавахарлала Неру ("Взгляд на всемирную историю") Чингисхан выглядит не просто как варвар-разрушитель, а как носитель определенной идеологии, в которой присутствует некий, выражаясь современным языком, экологический оттенок. Он презирал города и оазисы и сравнивал их с землей, чтобы подорвать основу жизни враждебных народов. Уничтожая пашни, его неукротимая воля пыталась вернуть земле первозданное, степное состояние, чтобы на ней могли пастись новые стада новых кочевников.

Если так, то Чингисхану по праву принадлежит лавровый венок первого борца за экологическое равновесие. Его дальними последователями были солдаты Пол-Пота, которые с лозунгом "Деревни окружают город" истребляли городское население, чтобы создать справедливое общество тружеников сельских коммун. Им казались лишними инженеры, учителя, врачи, предприниматели, ибо все они выделялись, нарушали равновесие.

Такие волны уравнительной идеологии не раз и не два захлестывали части земного шара. Всегда они сопровождались насилием и всегда кончались крахом. Потому что противоречили главному закону жизни: развитие есть удаление от состояния равновесия. Кстати, интересно проследить, как абсолютное выравнивание "внизу" соседствует с абсолютной концентрацией власти "наверху". Поляризация достигает предела, и развитие замирает.

Нельзя так. И сам Чингисхан под конец жизни столкнулся с аналогичной проблемой. Для управления империей нужна столица. Но кочевой дух против! И великий хан предпринимает попытку создать эклектическую передвижную столицу кочевнического образца. Она, естественно, не была ни городом, ни кочевым стойбищем и растворилась без следа в потоке времени. Распалась и сверхдержава. В соответствии с правилами территориальной организации общества появились центры культуры, власти, силы, влияние которых распространялось на определенную площадь. Евразия, выровненная бульдозером татаро-монгольского нашествия, постепенно вновь возвращалась к естественной мере разнообразия, контрастов и неравновесности.

Если жестокость Чингисхана можно как-то вместить в рамки понимания, соизмерив с нравами эпохи и масштабами поставленных им задач, то его далекий последователь Тимур действовал, кажется, за гранью рациональности. После его пяти походов на Хорезм, отмеченных нарастающей жестокостью, столица оазиса Ургенч была стерта с лица земли, ее территория распахана и засеяна ячменем. В результате вместо изобильной области, с которой можно было взимать дань, "Железный хромец" получил новообразованную пустыню. Тимур, несомненно, внес немалый вклад в последующую стагнацию Средней Азии. Навел порядок "твердой рукой".

Крах хорезмского оазиса на долгие годы превратил Приаралье в захолустную окраину. Понадобилось более столетия, чтобы жизнь в низовьях Амударьи вернулась к норме."

ДО И ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
(Продолжение)

Нашествие Чингисхана и Тимура — следствие начавшегося в XII веке увлажнения Великой степи, приведшее к размножению и усилению кочевников. К XVII веку, по-видимому, Узбой уже не действовал; в цитированном труде А.С.Пушкина высказывается предположение, что приложили к этому руку хивинские ханы (а не силы природы). Вода окончательно становится средством политического давления, Хива пытается зарегулировать всю обозримую ею воду, но удается этого добиться лишь к середине XX века (и не сравнительно кротким хивинским ханам, которых кроме грабежей и работорговли мало что интересовало), а безжалостному мощному государству по имени Минводхоз. Детище нашей командно-административной системы, министерство (к слову заметим, так же, как и другие) заинтересовано в одном — освоить выделенные деньги, ибо спрашивают с них не за конечный результат, а за о с в о е н и е . Да и в случае неполного освоения средств, в следующий раз отпустят средств меньше, а куда девать рабочую силу и орудия для копания каналов? Опять же — проблемы, возникновение каковых любыми силами следует избежать... Правда, зарегулировать пока удалось лишь Сырдарью — из 35 ее кубокилометров в год используется... 53 (пятьдесят три — то есть одна и та же вода прогоняется по оросительным системам не один раз), но, не начнись перестройка, такая же участь постигла бы и Аму.

На Востоке родит не земля, а вода, это по-прежнему верно. Но с водой нужно уметь обращаться. Коренное ирано-таджикское население Средней Азии (с исторической точки зрения все тюрки в этом регионе — потомки "пришельцев", "захватчиков") это умело; у таджиков и исчезнувших хорезмийцев, по языку родственников современных памирцев, существовал институт мирабов, не позволявших транжирить воду, использовать не по-хозяйски. Оседлое население выращивало хлеб, фрукты, овощи, возделывало виноградники, не сидело без мяса и рыбы...

В XV веке государство Тимуридов было завоевано узбекскими (тогда еще кочевными) племенами под предводительством Мухаммеда Шейбанихана, вследствие чего возникло Бухарское ханство, распавшееся в XVI веке на Бухарский эмират и Хивинское ханство. Пока

беднейшее оседлое ираноязычное (и уже часть тюркоязычного) население выращивало хлеб и виноград на землях традиционного орошения (имеются в виду среднее течение и низовья Сырдарьи, низовья Зеравшана, низовья Амударьи и нижнее течение впадающей в Каспий реки Атрек), а феодальная верхушка тюркоязычной знати предпочитала кочевать на захваченных лучших землях, уровень Арала оставался стабильным, зато Сарыкамыш высох. В XVII в. начинается оживление ирригационной деятельности, тогда, например, был сооружен действующий и ныне канал Шават. С ростом населения расширяются посевные площади, восстанавливаются оросительные системы, строятся новые каналы.

В конце XVII века хлопок начинают выращивать не только для удовлетворения собственных нужд, как раньше (коробочки хлопчатника найдены при раскопках, скажем, Балалык-тепе, датированном V-VI веками, что свидетельствует о, мягко выражаясь, интересе к этой культуре вовсе не благодаря диктату русских купцов, появившихся здесь следом за войсками в XIX веке (как считает узбекский писатель Адыл Якубов), но и на продажу. Хотя всерьез говорить об экспорте хлопка за пределы региона нельзя: в конце XVIII века доля хлопка — причем вместе с шелком! — в мировом промышленном производстве технического волокна составляла 5%, остальное количество приходилось на лен (20%) и шерсть (целых 75%). А ведь хлопчатник культивировался и Индии, считающейся родиной хлопка, и в Китае, и на Ближнем Востока, а также в Месоамерике и на юге Северной Америки.

Значение Средней Азии как сырьевой базы хлопчатобумажной промышленности возрастает только во второй половине XIX века. Какую-то роль здесь, как и в последующих военных действиях в регионе, сыграла гражданская война в США 1861-1865 годов, результатом которой — для России, во всяком случае, — стало резкое снижение производства американского хлопка. С завоеванием же в 1858 Бухарского эмирата, в 1873 — Хивинского и в 1876 году Кокандского ханств производство хлопка увеличивается. Его начинают выращивать даже каракалпаки, ни о каком хлопке до середины прошлого века не помышлявшие и с удовольствием возделывавшие пшеницу, ячмень, просо, жасмык, джугару, маш, горох, бахчевые и огородные культуры, а из технических — кунжут и коноплю. Удобрением для полей служил навоз, которым аграриев обеспечивали с не меньшим удовольствием принадлежащие им лошади и коровы. В XIX веке строятся новые каналы — хлопок-то надо поить! — в Бухарском эмирате (от Зеравшана, Акдарьи и Карадарьи), в Хивинском и Кокандском (от Карадарьи и Нарына) ханствах.

О прогрессивной, просветительско-цивилизаторской и миротворческой роли дореволюционной России в Средней Азии сказано достаточно много — как русскими современниками и историками, так и западными и восточными, — вспомним, что первой акцией царизма во вновь присоединенных деспотиях стала ликвидация института рабства. Не следует забывать и о том, что эти государства остались доста-

точно самоуправляемыми: бухарский эмир, например, держал собственную армию, имел тюрьмы, поддерживал дипломатические отношения с сопредельными странами.

Не лишним, мне кажется, будет здесь отступление об освоении региона русскими на непоказательном примере... ну, скажем, Голодной степи, места, так сказать, стыковки трех древних земледельческих районов — Ферганской[1] долины на востоке, долины Зеравшана на западе и Ташкентского оазиса на северо-востоке. В древности эта окраина Кызылкумов располагала сетью примитивных каналов и арыков, впоследствии пришедших в запустение: во-первых, благодаря насильственному проникновению в Среднюю Азию ислама (как пишет академик В.В.Бартольд, "в первые века ислама были примеры, что халиф при вступлении на престол брал на себя обязательство... не проводить каналов"), во-вторых, после образования в 1710 году Кокандского ханства, Голодная степь "обратилась в спорную территорию между Бухарой, с одной стороны, и Ташкентом с Кокандом — с другой. Постоянные войны и соры между этими государствами опять обратили ее в пустыню". (П.П.Шубинский. "Голодная степь и ее предания"). Новой администрации не нужно была пустыня. Уже в 1869 почтовый тракт пересек Голодную степь по линии Чиназ — Джизак, связав Ташкент с Самаркандом. Ротмистру Аминову, офицеру генштаба, поручили производство топографической съемки местности, рекогносцировочные работы в Голодной степи и — самое для нас главное — изучение следов древних ирригационных систем. В 1872 г. инженер Ульянов представил проект орошения Голодной степи, после утверждения какового начались земляные работы. В 1891 г. Великий князь Н.К.Романов получил из казначейства 50 тысяч рублей на расходы по возобновлению древнего Бухар-арыка. Через два года инженер Петров описал устройство еще одного древнего сооружения — Иски-Туя-тартар, обосновав необходимость его восстановления. В 1985 г. был решен вопрос о сооружении на средства казны железной дороги от Самарканда до Ташкента с веткой на Андижан. Тогда же железную дорогу намечено было провести вдоль южной и восточной окраин Голодной степи, а Министерству земледелия и государственных имуществ совместно с Туркестанским генерал-губернаторством поручено Государственным советом разработать подробный план оросительных работ в Туркестане. В мае этого года изысканиями было охвачено 600 тысяч десятин земли в Сырдарьиндской, Ферганской, Самарканской областях, в том числе и Голодной степи, а также начаты работы по прокладке Хивинского арыка, получившего впоследствии название канала "Николай I". После окончания в 1899 г. строительства железной дороги от ст.Черняево до Андижана (ферганское направление) и до Ташкента (северное направление) Голодная степь оказалась связанной железными дорогами с экономическими центра-

[1] Сам же город Фергана сравнительно молод: он основан русскими поселенцами сразу после присоединения Кокандского ханства к России под названием Новый Маргелан в 1877 г., а с 1910 по 1924 носил имя героя Шипки и туркестанских кампаний генерала Скобелева.

ми страны, что позволило Министерству земледелия войти с представлением в Государственный совет о разрешении приступить с 1900 г. к исполнению проекта орошения Голодной степи, — как видим, декрет, подписанный Лениным в 1918 г., возник не на пустом месте. После многолетнего перерыва в 1900 году продолжены работы на Голодностепском канале — к 1911 году его протяженность составила 35 км. Долго, страшно долго строились каналы в дореволюционной России — не хватало денег, не хватало людей, ибо и за большие деньги (в 1910 году на строительстве Магистрального канала землекоп зарабатывал в день 1 руб.20 коп.) работать в тех условиях соглашался не каждый (мало того, что — жара, так еще и болезни, и нашествие саранчи...), — а до привлечения к строительству каналов — между прочим, практически таким же первобытным образом, — миллионов заключенных-каналоармейцев (откуда и пошел термин "зэка", как объяснил нам А.И.Солженицын) "проклятый" царизм не додумался[1]. В 1911 же году начаты работы по устройству телефонной сети протяженностью 160 км. К маю 1912 г. большая часть работ была выполнена. 5 октября 1913 года, как и планировалось, состоялось торжественное открытие Голодностепского оросительного канала протяженностью теперь уже 100 километров.

Начиная с 1886 г. В. кн. Н.К.Романовым и царской администрацией на новых землях только в Голодной степи основаны поселки Надеждинский, Романовский, Николаевский, Верхневолынский, Обетованный, Конногвардейский, Духовской (всего 24 к осени 1917 г.)... — почти все они теперь переименованы: Старое — в Новое, Ломакино — в Зарбдар, Обручево — в Ульяново, Мирзачуль — в Гулистан, ст.Урсатьевская — в Хаваст. Открываются первые в этих краях школы (в Конногвардейском, Спасском, Самсонове (теперь Сырдарья), Лыкошино (Ахманкуль), Славянском; в 1911 г. на маленькую, первую в этом крае, больницу в Спасском ассигновано 52 тысяч рублей. Строятся хлопкоочистительные заводы, открываются склады земледельческих машин и орудий. (Советские МТС — калька с таких складов.) Русские переселенцы, получившие землю с условием, что определенную ее часть будут использовать под хлопчатник, увеличивают его посевы. В 1911 г. хлопок занимал 58% всех обрабатываемых жителями поселка Духовской площадей. Как это ни странно, урожаи у русских крестьян-переселенцев получались выше, нежели у местных жителей: крестьяне села Спасское собрали в 1910 г. 10,5-11,2 центнеров хлопка-сырца с гектара, переселенцы-арендаторы — 7,5 ц/га, а местные жители — 4,5-6,0[2].

Перед началом первой мировой войны Российская империя собирала — считая с кавказским — 239 тысяч тонн хлопка-волокна в год. В смутные годы первых лет революции производство хлопка, не уве-

---

[1] На вопрос о том, кто же был непосредственным заказчиком всех новейших узбекистанских каналов, "значительное лицо" из Минводхоза ответило мне: "Кто кто? Первый секретарь ЦК КП Узбекистана, великий узбекский писатель Рашидов".

[2] Голодная степь 1867-1917. История края в документах. — "Наука", М., 1981.

личивалось — до него ли было? — однако первое Советское правительство приняло вполне конкретные меры для достижения "хлопковой независимости".

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

17 мая 1988 года в стране прошли юбилейные торжества по случаю 70-летия подписания Лениным декрета "Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ". Прошли довольно спокойно, без традиционных одариваний орденами и бросаний в воздух чепчиков. С докладом "70 лет по пути ленинского плана орошения и освоения земель в Узбекистане" (хотя почему, собственно, в Узбекистане? Попытка подправить задним числом Ленина?) выступил заместитель Председателя Совмина республики, он же председатель Госагропрома И.Х.Джурабеков. Из информации УзТАГ нельзя узнать, говорил ли министр о вложенных в ирригацию миллиардах, зато легко почерпнуть вот такие данные: при росте населения с 10,2 миллиона в 1966 г. до 18 миллионов человек в 1988 г. национальный доход Узбекистана возрос в 1,8 раза. Красноречивая цифра! Рубль-то ведь подешевел за это время, наверное, вдвое и, стало быть, национальный доход на душу населения не возрос, но ощутимо сократился. Дело даже не в том. Собственно Россия пришла к 1917 г. капиталистическим государством (вспомним: в последнее десятилетие XIX века Российская империя по темпам индустриализации уступала лишь США, а в начале XX опередила всех), бывшие же среднеазиатские ханства — в их "основе административного устройства лежали остатки феодально-теократических деспотий" (М.С.Горбачев) — чахлыми государственными образованиями, населенными невежественным, не знающим грамоты, народом, для которого и сегодня пережитки родо-племенного строя — нередко действительность, где рынки рабов существовали если не de jure, то de facto вплоть до двадцатого года, а может и позднее... Сегодня, когда наша многострадальная страна развивается (а еще точнее — не развивается) по некапиталистическому пути, профессор Ю.Н.Афанасьев пишет в "Правде", что не считает "созданное у нас общество социалистическим"[1]. Но если сложившаяся в 20-е годы социально-экономическая система вернула Россию в лучшем случае в феодализм (го-

[1] Еще более внятно выражается Г.Лисичкин. В статье "Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке" ("Новый мир", 1988, № 11) читаем: "Как показал долгий опыт, нашей беде не может помочь никакая смена никаких вождей. Нужна смена принципов функционирования общества..." И дальше: "Как известно, первый качественный признак научного социализма состоит в том, что он обеспечивает более высокую производительность труда, чем при капитализме. По этому признаку мы еще до научного социализма не дотянулись... Тот, кто знаком со шкалой мировых сопоставлений разных показателей развития общества, способен вообще заподозрить, что социализма может неожиданно оказаться больше там, где его официально не строили. Ну, скажем, в королевстве Швеция".

воря мягко, ибо существующая формация — где-то между азиатским способом производства и почти классическим рабовладельческим строем), то куда же — и без того отсталый среднеазиатский регион? Не на исходные ли, подлакированные цивилизацией, позиции? Именно потому в США в годы гражданской войны и сразу после нее резко сократилось производство хлопка, что не стало "негров" — рабов. А у нас — в солнечном Узбекистане — давно ли перестал бригадир хлопководческой бригады (причем, не изверг вроде Адылова, а достаточно нормальный, не зверь, то есть) с плеткой по полю ходить? Еще несколько лет назад в Каракалпакии — и, думаю, не только там — были колхозы, где люди годами не получали заработную плату...

Ленин, после декрета о 50 миллионах на орошение, которых тогда у него не было, подписал еще один документ, целиком в духе принятого в 1920 году плана ГОЭЛРО. (Как известно, в нем особенное внимание уделялось мелиорации, — помимо, конечно энергетики). Странно, но документ, который я процитирую во избежание недоразумения целиком, мало кому известен. Он является прямым продолжением декрета об орошении Туркестана. Итак —

"Постановление Совета Народных Комиссаров от 20 декабря 1920 г.[1]

В целях восстановления хлопковой культуры в Туркестанской и Азербайджанской Социалистических республиках Совет Народных Комиссаров постановил:

I. Обязать Народный Комиссариат земледелия РСФСР:

а) разработать в двухнедельный срок и, по соглашению с соответствующими комиссариатами Туркестанской и Азербайджанской Советских Социалистических республик, провести в жизнь не позднее 1 января 1921 г. положение о льготах в земле- и водопользовании хозяйств (коллективных и единоличных), занимающихся разведением хлопка;

б) ввести обязательный севооборот с преобладающей культурой хлопка во всех совхозах и колхозах в хлопковых районах;

в) восстановить ранее существовавшие, организовать новые опытные и селекционные станции;

г) взять на учет и забронировать весь находящийся на территории РСФСР посевной материал хлопка и обязать Наркомвнешторг принять эффективные меры к своевременному получению такового из-за границы.

2. Обязать Наркомпуть принять меры к доставке по нарядам Наркомзема не позднее 15-ого января 1921 г. посевного материала в соответствующие хлопководческие районы.

3. Обязать ВСНХ и его органы на местах закончить первоочередные работы по приведению в порядок ирригационных сооружений к весне 1921 г.

4. Установить в качестве обязательной меры первоочередное снабжение хлопковых хозяйств сельскохозяйственным инвентарем и удобрительными материалами.

5. Обязать ВСНХ по соглашению с Наркомпродом и Наркомземом в месячный срок разработать план снабжения необходимыми предметами, а также систему поощрительных мер для хлопководов и выделить соответствующий товарный фонд.

6. Обязать НКПС озаботиться своевременной доставкой в хлопковые районы всех предметов, предназначенных для хлопководов, не позже, чем за месяц до начала операции.

---

[1] Цитата по изданию: М.К.Александров, "Хлопок, его хранение и переработка". Гос. изд-во УзССР, Ташкент, 1949 г.

7. Обязать СНХ Туркестанской и Азербайджанской Советских Социалистических республик организовать снабжение населения предметами продовольствия и широкого потребления на договорных основаниях в порядке продуктообмена за сдаваемый хлопок-сырец.

8. Мобилизовать всех специалистов по хлопководству, в каких бы учреждениях и ведомствах таковые не находились, передать их в распоряжение ВСНХ и Наркомзема.

9. Милитаризовать учреждения и предприятия по хлопководству, первичной обработке хлопка и ирригации.

10. Поручить комиссариатам, указанным в этом постановлении, организовать совещание при Главтекстиле по указанию тов.Ногина для контроля по проведению в жизнь этих постановлений.

Доклад тов.Ногина в СНХ назначить через две недели".

Что ж, стилистика документа ("мобилизовать", "милитаризовать") продиктована ситуацией военного времени. И совсем не важно, успел ли Виктор Павлович Ногин, тогда зам.народного комиссара труда и член Президиума ВСНХ (Председателем которого, вспомним, был как раз Ленин), доложить через две недели об успешной мобилизации и милитаризации (видимо — да, иначе не стал бы, думаю, в 1922 году Председателем правления Всероссийского текстильного синдиката), важнее другое — документ предопределил судьбу Средней Азии. До 1925 г. сбор хлопка не превышал уровень 1914 года, что объясняется, надо полагать, активным басмаческим движением. Правда, уже в 1921 г. на советскую сторону перешел Джаны-бек, а отряды эмира Бухарского были разбиты красными; в 1922 г. — уничтожены Энвер-паша и Данияр-бек вместе с соединениями, а также ликвидирован "Комитет национального объединения", вследствие чего на сторону центральной власти перешли 137 курбаши, — было все же не до хлопководства. Лишь в 1923 г. после пленения Муэтдина и разгрома его армии, ликвидации отрядов Рахманкула вместе со сподвижниами, "в Фергану было завезено большое количество хлеба, необходимого дехканам для перехода от посева пшеницы к посеву хлопка; много промышленных товаров; выданы семенные и денежные ссуды; отпущены значительные средства на ирригацию. Дехкане принялись за восстановление разоренного хозяйства" (Д.Л.Голиков. — Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975.).

Декрет воплощался в жизнь. Принято считать: конец организованному басмачеству положен в 1926. В этом году сбор хлопка-волокна по стране в целом составил 250 тысяч тонн, в 1932-33 годах — 388, в 1937-38 — 845, в 1938-39 — 866, в 1940 — 893 тысячи тонн. Хлопок выращивали в те годы не только в Средней Азии и Азербайджане, как теперь, но и в Грузии, Армении, на Украине, а также на богаре Российской Федерации: в Крыму, на Северном Кавказе, в Волгоградской области (где даже сохранилось кладбище с могилами привезенных сюда для блага хлопководства и затем большей частью вымерших узбеков). Еще нет Аму-Бухарского, Каршинского, Каракумского каналов, только вводится в строй Большой Ферганский. Курс партии в отношении хлопководства прост, как Особое Совещание, и резок, как ситро: хлопок, хлопок, и еще раз любой ценой хлопок.

Годом достижения хлопковой независимости принято считать

1932 — страна получила тогда на 50 тысяч тонн волокна больше, чем в довоенном 1913, при урожайности почти 4 ц/га (в 1914 — 2,7, в 1926 — 1,8, а в 1927 урожайность составила 7 центнеров с гектара, — до Китая, конечно далеко, но зато почти как в Штатах или дружественной Сирии). Правда, к этому году из словаря послушного узбекского агрария окончательно исчезло ленинское понятие "обязательного севооборота", но в Средней Азии еще можно жить без опаски — до Пленума ЦК КПСС, взявшего курс на тотальную химизацию, далеко. Жить можно, но уже никто не думает о воде: сколько ее, как можно и нужно ее использовать, что орошать и зачем. Планируются и планируются каналы и водохранилища.

ИНТЕРВЬЮ ПО ТЕЛЕФОНУ. "ОДНИМ МАХОМ СЕМЕРЫХ ПОБИВАХОМ"

Вышло так, что с Никитой Федоровичем Глазовским, заместителем директора Института географии АН СССР, доктором наук, довелось беседовать только по телефону. Собственно говоря, причина того, что интервью это взято заочно, а не в личной беседе, объясняется не спешкой, не нехваткой времени, а случаем... Заговорили об Арале, и мой редактор решил подключить к телефону диктофон. И, как оказалось, не напрасно. Сказано было много интересного:

"Последние двести лет обстановка в регионе и природная, и экономическая в общем была достаточно стабильной, — особенно, если говорить о первой половине века. В пятидесятых — начале шестидесятых годов было принято решение о новом развитии орошения в Средней Азии и Казахстане. При этом предполагалось решить за счет развития нового земледелия четыре основные задачи, или даже пять: увеличить производство хлопка, обеспечить население хлопчатобумажными тканями и изделиями из них, увеличить экспорт хлопка, решив за счет этого проблему валютных поступлений; увеличить производство овощей и фруктов, превратив Среднюю Азию во всесоюзный сад и огород; обеспечить население самой Средней Азии мясом и рисом; обеспечить занятость растущего населения региона. Для этого площадь орошаемых земель с начала 60-х годов была увеличена в полтора-два раза. Развитие орошения сопровождалось гигантскими капитальными вложениями в сельское хозяйство. Основные производственные фонды сельского хозяйства выросли за это время в 5-7 раз. Образовалась гигантская пропасть, куда летели деньги. Энергетические мощности в сельском хозяйстве выросли (в отдельных районах) почти в шесть раз, парк тракторов увеличился более, чем втрое, а суммарная мощность тракторных двигателей — в 7-8 раз. В 3,5-6 раз выросло применение минеральных удобрений. В сельхозпроизводство были сделаны колоссальные инвестиции. За счет того, что все это происходило не очень хорошо, не очень разумно, и произошли известные негативные изменения.

Каковы причины? Первое — ошибочная стратегия размещения производительных сил. (Не говоря уже о причинах политических, связанных с общей ситуацией в стране.) Эта стратегия ориентации на преимущественно водоемкие производства привела к кризисной экологической ситуации.

Вторая причина — неправильная стратегия самого сельхозпроизводства и размещения сельскохозяйственных культур. Наиболее типичная ошибка состоит в непомерном расширении посевов водоемких культур, в первую очередь — риса. Третья — во введении монокультур, в частности, хлопчатника. И это тоже привело к резкому ухудшению качества среды, поскольку монокультурное сельское хозяйство всегда требует большего количества удобрений (а у нас, к сожалению, применяются, в основном, минеральные удобрения) и обуславливает широкое применение гербицидов. Четвертая — в освоении низкопродуктивных трудно мелиорируемых земель.

Пятая причина — низкое качество проектирования и эксплуатации оросительных систем. Эта причина лежит на поверхности и проявляется явно. Шестая — завышение принятых оросительных норм и норм водоотведения. Если мы сопоставим фактическое удельное потребление воды на орошение со средневзвешенными нормами на орошение — а такие нормы есть, — то мы увидим, что во всех среднеазиатских республиках фактическое удельное водопотребление превышает теоретическое на 120-200 процентов. Седьмая причина — недостаточная научная обоснованность оросительных норм, поскольку принятые нормы не учитывают многих особенностей почв, сельскохозяйственных культур, часто определяются в расчете на урожайность максимальную, а не наиболее эффективную. Восьмая причина — отсутствие научных прогнозов альтернативных путей развития региона. Это упрек не только планирующим органам, но и, конечно, ученым.

И последняя причина — недостаточно широкое обсуждение всех этих проблем, своевременное обсуждение которых позволило бы заранее все предвидеть".

Из записной книжки (Вместо комментария)

Выходит, пережили еще один "Великий перелом" — в региональном — местном — масштабе?...

МОДЕЛЬ РАСПАДА (продолжение).

"ХЛОПКОВОДСТВО НЕ БРЕМЯ, А ВОИСТИНУ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ"

— Но ничего ты, братец, обещать не можешь, ибо у тебя за душой гроша ломаного нет, и поди-ка ты лучше проспись и не дыши на меня своей мессианской самогонкой! А главное, все-то ты врешь, холоп, в угоду своему новому барину!

И.А.Бунин

"Гигантские вложения государства в хлопководство оказались высокоэффективны: из импортера хлопка страна превратилась в крупного его экспортера. Но происки и коррупция вокруг хлопка тенью легли на отрасль в целом. Кто-то даже стал требовать "обуздать хлопководство", а Узбекистан из хлопкосеющей республики превратить в некую мастерскую для поделки невесть чего. Достигнутая еще в 30-е годы хлопковая независимость — итог общих усилий страны — названа чуть ли не бедой для нее... Республике снижен план его (хлопка — *В.З.*) производства, чтобы ускорить внедрение севооборота и покончить с монокультурой. Но уже на недавнем курултае хлопкоробы решили — к сниженному плану в нынешнем году добавить до 150 тысяч тонн сырца. Мы считали и считаем хлопководство не "бременем", а воистину своей национальной гордостью и своим интернациональным долгом". Вот так-то. Это я цитирую интервью бывшего пер-

вого секретаря ЦК КП Узбекистана, а ныне Председателя Совета Национальностей СССР Р.Н.Нишанова (на этот пост он избран в аккурат после резни в Фергане, за особые заслуги, что ли?) газете "Известия" 21 апреля 1988 г.

Все бы отдал, чтоб хоть одним глазком взглянуть на этот "курултай".

Такова, значит, официальная точка зрения.

Давайте разберемся. С 5 миллионов 900 тысяч тонн хлопка-сырца, якобы произведенных с 1986 г. Узбекистаном, республике действительно был снижен план ровно на миллион — тот самый, который теперь юридически считается "приписанным". Как же получилось, что план на 1988 г. составил 4 миллиона 250 тысяч тонн? Выходит, хлопкоробы республики обязаны снова приписать 350 тыс. тонн? Выходит, именно это решили они на "курултае"?

В мае 1988 года вместе с другими участниками совещания по Аралу я был принят в Ташкенте Рафиком Нишановичем. "Будут ли осваиваться новые земли?" — поинтересовался я. "Сложный вопрос, — ответил первый секретарь. — Ежегодно республика растет на 600 тысяч человек. К 2000 году нас будет 26, а к 2010 — 32 миллиона человек. Поэтому естественный процесс освоения земель будет продолжаться".

Здесь много лукавства, выдаваемого за принципиальность и заботу о благе населения республики, три миллиона представителей которой (неевропейцы) уже и так маются без работы — прямое следствие хлопководческого "монокультуризма". По мере дальнейшего освоения земель под хлопок процент безработных будет увеличиваться. И, как убедительно показал Виктор Иванович Переведенцев ("НМ", 1989, № 5), рождаемость в настоящее время падает даже в Узбекистане, почему путем примитивной экстраполяции строить демографические прогнозы нельзя.

Перспектива развития промышленности (превращения Узбекистана "в некую мастерскую для поделки невесть чего") местное руководство, тем не менее, не устраивает. Таково мнение ни одного Нишанова. Не потому ли, что для обустройства бывших феодальных княжеств следует приложить массу усилий, решая параллельно с чисто экономическими огромное количество социально-бытовых задач? Ведь до сих пор школьники и студенты всех хлопкосеющих республик (кроме Таджикистана) отбывают в ущерб здоровью и учебе хлопковую барщину. Ведь проучившись в школе 10 лет, такой выпускник становится обладателем знаний на уровне — в лучшем случае — 7-8 классов. В массе своей он (типичный) остается в кишлаке, хотя теперь тоже хочет в город. Нетипичный же правдами и неправдами поступает в высшее учебное заведение, что при обозначившемся бурном росте национализма не всегда требует от абитуриента — мусульманского происхождения — денег для зачисления в вуз, что еще несколько лет назад было явлением обычным.

Однако, мы, кажется, отвлеклись.

Уже в сентябре 1988 г. Политбюро ЦК КПСС в постановлении по Аралу признало практику освоения новых земель в регионе пагубной.

А еще в июне, выступая на XIX партконференции, Р.Н.Нишанов (видимо, решив вопрос о переезде на постоянное жительство в Москву) честно признает: богатейшие почвы Узбекистана перестали быть таковыми. "Фактически хромают на обе ноги участки агропромышленного комплекса", — сказал он. ("Правда", 1 июля 1988 г.)

Еще от Ленина повелось: наши руководители думают одно, говорят другое, а делают третье. И все же такая вспыхивающая самокритичность сама по себе похвальна и даже создает иллюзию настройки на определенный оптимизм. И все же не понятно, как следует объяснить тот факт, что в 1988 году под хлопком оказалось на 23 тысячи га больше (по официальным, то есть заведомо неверным, данным), чем намечалось? В угоду хлопчатнику девять областей Узбекистана меньше намеченного посеяли кукурузы, и все области без исключения сорвали план посадки картофеля.

ОТСТУПЛЕНИЕ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Продолжая жаловаться на засилье монокультуры в том же году туркменские аграрии с песнями (в смысле: без понуждения из центра) посеяли хлопчатника на 3, а таджикские на 2 процента больше, чем намечали.

И это в регионе, хронически недополучающем медицинской нормы мяса, молока, даже фруктов!

Думаю, такую вот активность имел в виду и М.С.Горбачев, выступая на Пленуме ЦК КПСС по национальному вопросу: "Многое из того, что сегодня ставится в вину центру, появилось на свет в итоге настойчивых просьб республиканских и местных органов".

ЛОКАЙСКИЕ СТЕПИ

Когда река Кафирниган
Теряет силу на бегах,
Задуманных горами, —
Жизнь нам самим не дорога,
И души не милы.

При этом воздух желт. За ним
Степи локайской отчужденье,
И в нем дремучие ослы,
Как покорители земли.

СКОЛЬКО СТРАНЕ ХЛОПКА НАДО?
Штрихи к проблеме

1

Как раз в то время, когда я начал заниматься аральской темой, главным специалистом по сельскому хозяйству в нашей стране стал уважаемый Егор Кузьмич, прославленный борец с табакокурением и винопитием. С трудом выпровоженный на пенсию, он однако не собирается отдавать "наших завоеваний". Но каких — не говорит.

Он тоже заинтересовался проблемой Арала. И даже облетел его на самолете. Какую тайную цель он при этом преследовал — осталось загадкой.

А до 1985 года — в течение ряда лет — главным специалистом по сельскому хозяйству был глубокоуважаемый Михаил Сергеевич.

2

Мы ехали по ферганской долине с профессором Мусо Джумаевым из Таджикистана, автором многих новых селекционных сортов хлопчатника, продуктивных и обходящихся сравнительно малым количеством воды, и все же с трудом пробивающих себе дорогу.

Мусо Джумаевич, задумавшись, глядел в окно.

— Это преступление! — воскликнул он внезапно.

Я вначале не понял.

— Это же преступление! — повторил профессор, указывая на абрикосовую рощу возле дороги.

Теперь мне стало понятно возмущение ученого. Между деревьями рос хлопчатник. То есть, вся химия, которую обрушивают на хлопок, пропитывает и фрукты. Урожай абрикосов будет плохим, да и в пищу употреблять его — опасно.

Жива возникшая в советское время восточная пословица "Хлопок не посадишь — тебя посадят, хлопок не уберешь — тебя уберут".

3

Более 80% орошаемых земель региона заняты сегодня под хлопчатник, в результате местное население испытывает дефицит мяса и молока. (Негде пасти скот. Чтобы решить проблему, власти киргизского города Ош додумались вот до чего: заставляют школьников перед экзаменами заготавливать определенное количество килограммов трав, а нерадивых попросту не допускают к экзаменам). В Узбекистане же, самой "хлопковой" республике, мяса и мясопродуктов производится на душу населения 29-30 кг (по стране — 62-64), и даже плодов и овощей — 170 -173 (по стране в целом — 260-270).

4

Народный писатель Каракалпакии Тулепберген Каипбергенов (один из тех, к слову, кто привлек общественное внимание к пробле-

мам Приаралья) в романе-эссе "Каракалпак-намэ" вспоминает, как во время Великой Отечественной войны говорил о хлопке его отец: "Мне нравится цветок хлопка. Он красив — это раз. А во-вторых, не забудьте, что хлопок превращается не только в одежду. Сейчас он превращается в порох для наших солдат".

Для тех, кто в глаза не видел коробочку хлопчатника, поясню: в порох превращается линт — пушок на хлопковом семяни. Еще линт превращается в твердое ракетное топливо. Недавно эта информация была страшной военной тайной (для граждан нашей страны, разумеется, притом тех, кто проживает не в хлопководческих районах), но теперь, когда это не тайна, ясно, что столько линта нам ни к чему, есть из чего порох делать и без хлопка.

Так в каких же количествах нужен хлопок?

5

Писатель Пирмат Шермухамедов, председатель Комитета спасения Арала при Союзе писателей Узбекистана на "круглом столе" журнала "Дружба народов" в Ташкенте весной 1990 года рассказывал:

— Как-то, будучи в Ашхабаде, я спросил у первого секретаря ЦК компартии Туркмении: "Скажите пожалуйста, сколько нужно хлопка Туркмении?" Он, подумав, ответил: "Ну, один миллион тонн". Потом позвонил куда-то и спросил, сколько все же его нужно. Там тоже не знали. Вообще, никто ничего не знает насчет хлопка — это я вам честно говорю.

Был я в Нукусе, где заседала правительственная комиссия во главе с товарищем Догужиевым,заместителем товарища Рыжкова. Я задал и ему этот вопрос: "Виталий Хусеинович, скажите, пожалуйста, сколько хлопка нужно стране? Сколько риса?" Виталий Хусеинович ответил: "Не знаю". Он сказал, что надо навести справки в Госплане. Там в это время был председатель Госплана, мы у него спросили, но он тоже не знает ответа на вопрос.

Никто не знает, сколько стране требуется хлопка?!

ВЗГЛЯД С ХИРМАНА И НА ХИРМАН[1]

Я самолично убедился в том, что Пирмат Нурмахаммедович прав, причем, убедился еще в Москве, непосредственно в Госплане СССР.

Вначале несколько цифр для сравнения.

В 1950 г. СССР произвел 1207 тысяч тонн хлопка-волокна, причем, половину всего количества дал Узбекистан. Для сравнения, США — 2180 (против 2660 тысяч тонн в 1950 г.). Индия — 593 (в 1940 — 890), Китай — 692 (в 1940 — 406), Пакистан — 250, Египет — 383, Мексика — 259, Иран — 28 тыс.т. Казалось бы, ясно: и в самом

[1] Хлопковый ток.

деле еще до войны страна добилась — и без кавычек — хлопковой независимости. И все же производство поливного, т.е. дорогого хлопка (в Америке, например, его растят преимущественно на богаре и убирают машинами) продолжает расти. В 1955 г. произведено 1303 тысячи тонн волокна, в 1960 — 1453, в 1965 — 1937, в 1970 — 2338, в 1975 — 2544, в 1980 — 2701, в 1986 — 2660, в 1967 — 2467 тысяч тонн. Много... А сколько надо? Поскольку механизм постановки цели в нашей ущербной экономике отсутствует, никто не знает — в том числе и Госплан, в котором я не поленился побывать, — сколько же хлопка (угля, леса, селедки, гвоздей, керосина, стульев, колбасы) стране нужно. Планировался хлопок всегда по сырцу, а не по волокну, а значит — очень приблизительно. А ведь, к примеру, сырец урожая 1987 года, вернувшийся в количестве 20 тыс. в Яванский район, никогда уже не станет волокном, и этот случай далеко не единичен. Ссылаться на пример США — нельзя: там хоть и планируют даже не сырец, а посадочный материал, выращивают ровно столько, сколько запланировано — сколько им надо, — при этом заканчивал переработку едва ли не одновременно с окончанием уборки. Наверное, для того у них 3 тысячи хлопкоперерабатывающих заводов... Они спешат. Это нам спешить некуда, вот и обходимся 189-ю на всю страну. Возьмем для примера Австралию, в 1950 г. засеявшую 1 тысячу га, и только в 1955 получившую первую тысячу тонн волокна. В 1987 г. урожай составил 214 тысяч тонн, урожайность — 14,1 центнера с гектара — едва ли не самая высокая в мире. Вот где пример борьбы за хлопковую независимость! Кстати, площади под хлопком на пятом континенте увеличивать перестали: в 1985 австралийские дехкане засеяли 192, а в 1987 — всего 152 тысячи га. На количестве урожая сокращение площадей не отразилось.

У нас же с 1959 г. (т.е. со времени ввода первой очереди Каракумского , а затем Аму-Бухарского, Каршинского и прочих каналов) площади непрерывно увеличивались: с 2192 тысяч га до 3521 в 1987, — и, естественно, за счет узбекистанских, в основном, земель. Урожай возрос с 1453 тысяч тонн волокна до 2467, а урожайность — с 6,6 центнера с гектара до 7. Это в целом по стране. Впечатляет? Меня — очень. Потому что одновременно происходило резкое увеличение норм химических удобрений и ядохимикатов (количество последних с 1957 по 1987 г. возросло в среднеазиатской зоне хлопкосеяния до 52 кг на гектар, об этом мы говорили в “*Большом отступлении о “химической войне*”), средняя же урожайность хлопчатника в регионе снизилась с 25,2 до 23,6 центнера с гектара. В 1988 г. она оказалось еще меньше: в Туркмении — 20,9 для средневолокнистого и 17,7 — для тонковолокнистого, в Узбекистане — 21. (Получить из сырца волокно читатель может путем простого деления количества сырца на три). Выходит, увеличение орошаемых земель вместе с химизацией хлопководческой отрасли привело к росту урожайности лишь поначалу.

В 1987 году в СССР на душу населения пришлось 8,75 кг хлопка-волокна, в США — 3,2, Египте — 7,12, Китае — 2,24, Индии — и

вовсе 2 килограмма. Мы производим 28,97 метра х/б ткани на человека, Египет — 6, США, Великобритания, Япония — примерно 5.

И им хватает. А нам — нет.

Любая советская женщина знает, как сложно решить возникающую по крайней мере раз в месяц проблему вульгарной очищенной ваты. Это тем более обидно, что та же женщина если не знает, то чувствует: наша страна, занимая твердое третье место в мире по производству хлопка после Китая и США, вышла на второе по экспорту, уступив лишь Штатам. В 1987 г. продано 783 тысячи тонн, а закуплено 74,6 тысячи тонн волокна, и кроме того — 418 миллионов метров хлопчатобумажной ткани, — выходит, не хватает нам собственных 8 миллиардов 169,5 миллиона метров (данные на 1988 г.) ткани? Примерно 95% нашего экспорта получают страны-члены СЭВ (включая Кубу и Монголию), и только 5% попадает на текстильные фабрики Японии, Италии, Бельгии, Финляндии, Англии, Югославии и почему-то Бангладеш, — но зато за свободно конвертируемую валюту. Часть хлопка поступает в Китай — в счет нашего этой братской и сестринской стране долга, часть из упомянутых 74,6 тысячи тонн импорта закупаем в Китае же, но уже за валюту, ту самую, конвертируемую, — как знать, не за выращенный ли в Средней Азии хлопок платим нелишними для нас самих долларами? Интересно, что наши братья и сестры из Восточной Европы не стеснялись порой продавать полученный из Советсткого Союза по сути дела бесплатно — т.е. в обмен на чешские босоножки или польскую картошку, — качественный хлопок нашим общим братьям и сестрам из Западной Европы, — но опять же за валюту. За вырученные от реализации хлопка денежки мы приобретаем зерно (в 1986 г. — 26,8 миллионов тонн) и бумагу (в 1986 — 512 тысяч тонн, в 1987 — 471 тысячу тонн). По данным газеты “Известия” от 27 июня 1989 г., на импорт зерновых с 1980 по 1987 было потрачено 31,8 миллиарда инвалютных рублей, и сегодня из 130-133 кг хлебопродуктов, производимых на душу населения в год, около 50 кг вырабатывается из импортного зерна.

М.Горький писал 27 мая 1918 в газете “Новая жизнь” в свойственной его публицистике скорбно-язвительной манере о том, что за границей во многих антикварных магазинах продаются ковры, антиквариат, картины и вообще предметы искусства, вывезенные из России. “В газетах часто встречаются объявления: ”Предлагаются ковры и другие вещи из русских императорских дворцов. Иностранцы удивляются". Горький возмущенно иронизирует: “Конечно — это удивление наивных людей, разуму которых совершено недоступно понимание нашей русской оригинальности, нашей самобытности. Эти люди, видимо, не знают, что у нас — лучший в мире балет и самая отвратительная постановка книгоиздательского дела, несмотря на то, что Русь — обширнейший в мире книжный рынок. Им не известно, что газеты Сибири, изобилующей лесами, печатаются на бумаге, привозимой из Финляндии, и что мы возим хлопок из Туркестана в Москву для того, чтобы оный отвезти обратно из Москвы в Туркестан”.

Не потому ли мы практически потеряли Арал, что замечание семидесятилетней давности не потеряло актуальности и сегодня?

Не потому ли, что кроме хлеба и бумаги покупаем на валюту мясо и молоко, овощи и виноград с фруктами? При этом за счет пересортицы хлопка теряем ежегодно десятки миллионов рублей, не меньшее количество теряем за счет снижения сортности. Так, в 1988 году мы лишились за счет пересортицы 252 миллионов рублей из урожая 1987 г.

Виновные не только не наказаны, но даже и не определены; их как бы нет.

ВОКРУГ ДА ОКОЛО ВОДЫ

> Ин гуна, ки ман кори чаҳон мебинам,
> Олам ҳама ройгон бар он мебинам.
> Субхон оллоҳ, би ҳар чй дармениграм,
> Нокомии хештан дар он мебинам.[1]
>
> *Омар Хайям*

Возведенный в государственную политику ведомственный монополизм, требующий производства ради производства, — машина инертная. Мало того, что никто толком не знает, сколько же хлопка стране нужно: те, кто обязан это знать, знать этого и не хотят. Так им легче и спокойней. С белым хлопчатобумажным флагом, на котором начертано: “одна тонна хлопка-волокна на мировом рынке стоит 1,53 миллиона валютных рублей”, — руководители хлопкосеющих республик, радостно взывая к двум миллионам работников Минводхоза: “Возьмемся за руки, друзья”, — ведут веселых и покладистых дехкан к “зияющим высотам” хлопкового изобилия. Стоит ли на самом деле хлопок таких денег? Но даже если и так, хлопку нужна вода, очень много воды, а ее на валютные рубли не купишь.

И возникают каналы. Каракумский (12-14 — по различным данным кубокилометров в год), Аму-Бухарский (5), Каршинский (5)... Всего в оросительных системах Средней Азии примерно 55 кубокилометров не дошедшей до Арала воды — то есть примерно столько, сколько в лучшие годы поступало ее из обеих рек. По последним данным Госкомстата СССР 148 тысяч 600 километров — 79% — узбекистанских каналов находятся в земляных руслах, то есть прокопаны, как арыки, 99% всех поливных земель орошаются поверхностным способом — по бороздам и полосам. В Туркмении, самой жаркой из республик, в земляных руслах 30 800 км, или 87%. Как сообщил В.А.Духовный, общая же протяженность всех каналов страны — около 1 000 000 км (из них в Средней Азии — 180 тысяч.). За год они

---

[1] Все этого пестрого мира дела, как я вижу,
Презренны, никчемны, исполнены зла, как я вижу.
Что ж, слава творцу! Это дом, что я строил всю жизнь,
Невежды сожгут и разрушат дотла, как я вижу. *(Пер.В.Державина)*

пропускают примерно 84 кубокилометра воды — как раз столько необходимо для возрождения Арала — наполнения его и возвращения в границы 1961 г. Интересно, что на Украине,в Молдавии, Прибалтике, где, чего уж там, потери на испарение куда ниже по причине отсутствия жары, почти вся оросительная воды упрятана в трубы, как в Америке. А ведь 46 % всех орошаемых в стране земель находится в Средней Азии и Казахстане. В текущей пятилетке на нужды сельского хозяйства ежегодно забирается из поверхностных и наземных источников (читай: из рек) 200 кубокилометров воды, или 60% общего водозабора в стране. При этом на оросительные сети Минводхоза приходится 179 кубокилометров — 85% водозабора на сельскохозяйственные нужды. А коль каналы построены дедовским способом (такими они были и тысячу лет назад), то и потери соответствующие. В 1987 г. они составили 37,5 кубокилометров — 21% водозабора на орошение. Но даже и этой официально потерянной воды хватило бы для полива 4 миллионов га орошаемых земель, что позволило бы получить дополнительно продукции растениеводства на сумму 3,4 миллиарда рублей.

Строятся водохранилища — ведь в случае маловодья для орошения и промывки земель под хлопком по-прежнему нужна будет вода. По данным Минводхоза УзССР 19 сентября 1988 года в 31 водохранилище хранилось 41,5504 (при проектном объеме 55,5412) кубических километра воды. Не удержусь от перечисления, ибо в них опять же вода, не дошедшая до Арала: Акдарьинское, Андижанское, Ахангаранское, Актепинское, Гиссаракское, Джизакское, Дегресское, Зааминское, Камашинское, Каратепинское, Каркиданское, Касансайское, Каттакурганское, Кургантепинское, Караултепинское, Пачкамарское, Талимарджанское, Ташкентское, Тюямуюнское, Учкзылское, Чартакское, Чимкурганское, Шоркульское, Эскиерское, Южносурханское. Кроме того, только в Чарванском, Токтогульском, Кайраккумском, Чардаринском и Нурекском — водохранилищах межреспубликанского подчинения — по проекту должно помещаться 40,6 кубокилометра. Благодаря такой системе "перехвата" Аральское море недополучило за последние 28 лет 640 кубокилометров воды.

В Таджикистане, в общем-то, казалось бы, далеком от Аральских проблем, ухудшился климат, — благодаря обилию водохранилищ он стал более влажным: в 1988 году 15 июня я попал под ливень в Душанбе. Это отражается на качестве и количестве фруктов и овощей — в худшую, разумеется, сторону. Обмеление Арала сказалось на уменьшении ледников, с которых берут начало большинство азиатских рек, и не только в Советском Союзе. С начала 70-х годов идет постоянное уменьшение массы ледников, изменение структуры осадков — теплые дожди стали выпадать, например, на вершины Заилийского Алатау, чего прежде не было. Чуткий индикатор изменения климата не региона даже — всей Земли, ледники реагируют только на очень сильные климатические факторы. Доктор технических наук Абай Абдурахманович Турсунов, гидротехник по образованию, в свое время занимавшийся обоснованием проекта переброски части стока си-



бирских вод в бассейна Арала и пришедший в конце концов к выводу о его практической, по меньшей мере, безполезности, считает: причина изменений ледников — сухое дно Арала. У себя в Алма-Ате он привлек к разработке этой проблемы ученых различных направлений, которые сошлись в одном: увеличилось поступление в атмосферу аэрозолей и солей. Они разносятся на расстояние 5-10 тысяч километров, на ледниках появляется соляной налет, он заметен даже на приборах исследователей.

А засоление почв, год от года выводящее все в больших количествах старопахотные земли из сельхозоборота, — это уже благодаря высокому "профессионализму" минводхозовцев. Заглянем в 6-й номер "Вестника статистики" за 1988 г. Для восстановления плодородия земель уже отработанных до 1987 года (без учета вновь нарушаемых и обрабатываемых) только в Узбекистане — при темпах восстановления XI пятилетки — потребуется 12 лет. В 1986 г. в республике не использовалось 53% (!) орошаемых земель. В 1987 г. в Узбекистане по сравнению с этим же периодом прошлого года произошло увеличение водозабора на 24% (в Туркмении на 20, в Казахстане — на 6, в Азербайджане на 7%), а прирост поливных земель составил только 2%. Объем потерь воды при транспортировке растет, как говорится, опережающими темпами, — намного быстрее самого забора. В основном, сказанное относится к республикам Средней Азии и Закавказья. В Узбекистане при увеличении водозабора на 24% потери возросли на 49%. Если дело так пойдет дальше, скоро воды не останется не только в Арале, но и самих реках. Выступая на "Днях Арала" в Москве в 1989 г. руководитель экспедиции "Арал-88" Г.И.Резниченко заметил:

"По всему региону, согласно официальной статистике, в 1985 г. на каждый из 7 миллионов га выливалось в среднем по 16 тысяч кубометров воды. В том числе в Туркмении — 20, на юге Казахстана — 17,5, в Узбекистане — 15, в Таджикистане — 14,5 кубометров...

В Туркмении, Каракалпакии, Кзыл-Ординской области, в Ферганской долине отыщутся — мы видели такие поля — сотни тысяч гектаров, на которые выливается от 20 до 30 тысяч кубометров, а гектары под рисом в Каракалпакской АССР и Кзыл-Ординской области пропускают через себя от 30 до 50 тысяч кубометров. Но не часто встретишь поля, где бы применялась водосберегающая технология. Вот парадокс: вместо того, чтобы облагораживать землю, вода губит ее из-за отсталости технологии полива, низкой культуры орошения, продолжающегося и по сей день в Минводхозе СССР валового подхода к использованию воды и земли".

"Не часто встретишь?" Публицист предельно деликатен; в действительности водосберегающая технология применяется разве что на опытных участках немногочисленных энтузиастов. В то же время в Туркмении ежегодно выводится из оборота гораздо больше засоленных и заболоченных земель, нежели вводится, в верховьях же Сырдарьи выводится из оборота в 8 (восемь!) раз больше земель, чем вводится новых. Вообще, в Средней Азии примерно половина всех земель засолена, в Туркмении — 80%, а в Каракалпакии — 82,5%.

— Куда же смотрел Госагропром, а еще раньше — Минсельхоз? — спросил я заместителя начальника отдела по производству и переработке продукции растениеводства Госагропрома СССР С.Ф.Борща.

— Мы не раз обращались в Госплан с просьбами о необходимости учитывать при

планировании обязательное соблюдение севооборота. Вотще... Практически нигде хозяйства не вернулись до сих пор к классическому 9-польному севообороту: 6 — хлопок, 3 — люцерна. (Иными словами, примерно 67% площадей засевается хлопком, остальные — люцерной, после того, как поле отдохнет, — сеют хлопок, и т.д. — *В.З.*). Без научно обоснованного севооборота мы никогда не сможем себя прокормить. Однако к нашим рекомендациям не прислушиваются. И стоит ли в такой ситуации говорить о соблюдении установленных институтом защиты растений норм использования ядохимикатов, о том, где что сажать и как поливать?

Вопрос о грамотно сформулированных приоритетах — где следовало развивать орошение и что именно орошать — возникает сам собой, ненавязчиво, но всерьез. Уже в 1947 году, когда началось орошение Вахшской долины, в реку стало поступать, по мнению заведующего лабораторией института пустынь АН Туркменской ССР Марлена Аранбаева, до I миллиона тонн солей в год. Однако ведущие ученые страны продолжали голосовать за орошение. До сих пор считается (благодаря средствам массовой информации Узбекистана), будто в Каршинской степи и в Сурхандарьинской области возделывается тонковолокнистый хлопчатник. Это не так. Тонковолокнистый хлопчатник может расти, кроме зоны Каракумского канала и Таджикистана, только на небольшой территории приамударьинской зоны, да и то не I, а II типа. Тонковолокнистый I типа нигде в Узбекистане не растет.

Так стоило ли развивать такое хлопководство, если к тому же воду для орошения в Узбекистане приходится поднимать на высоту до 100 метров, а девать ее потом некуда? Профессионально ли? Глобальный дилетантизм принес свои горькие плоды. Благодаря ему за 20 лет Минводхоз сумел безнаказанно закопать в землю 130 миллиардов рублей, и продолжает закапывать новые и новые суммы.

Именно закапать. Это не преувеличение. О деятельности Минводхоза написано много, скажу лишь о том, о чем не говорилось или говорилось невнятно. Объекты свои ведомство лишь последние годы сдает с дренажной сетью, причем зачастую она выходит из строя в первые годы эксплуатации. Следствие — низкая урожайность на вновь освоенных землях: в Каракалпакии, Кашкадарьинской, Сырдарьинской, Сурхандарьинской, бывшей Джизакской областях действуют десятки хозяйств, получающих по 10, а то и 5 центнеров хлопка-сырца с гектара (т.е. по 3 — 1,5 ц/га волокна). Кроме десятков миллионов рублей убытков эти земли ничего не дают.

А плодородный Хаузханский массив в Туркмении? С 1955 г. (когда сюда пришла большая вода) 80% земель там уже выведены из строя, вместо 40 ц /га сырца (12-13 волокон) дают всего по 5. А ведь столь удобные в смысле состава и климатических условий для выращивания высокого качества хлопка земли существуют только в Китае, Египте и Мексике. Минводхозу не нужны современные приборы и механизмы, не нужна чуткая аппаратура — нужны экскаваторы, самосвалы и — деньги для покупки экскаваторов и самосвалов. Вот почему ведомство "ничего не знает" (по словам П.А.Полад-заде) о летающей лаборатории радиолакационной картографии ВНИЦ "АИУС-Агроресурсы" Госагропрома СССР, той самой "Нити", что была придумана для ведения ледовой разведки в Арктике и приспособлена для нужд

сельского хозяйства — она “видит” зоны заболачивания, зоны неучтенной воды в виде озер, зоны фильтрации — грубые дефекты магистральных каналов. Лаборатория размещена в самолете ТУ-134 СХ, такого комплекса уникальной радиолакационной, оптического, инфракрасного и теплового диапазона аппаратуры нет ни у одного ведомства. Лаборатория в первую очередь решает задачи Агропрома и хорошо приспособлена для решения экологических задач. В рамках экспедиции “Арал-88” ею выполнен большой комплекс — с помощью радиолакатора — работ: проведена съемка Каракумского, Аму-Бухарского, Каршинского каналов, Амударьи от Чарджоу до впадения в Аральское море, а также Сарыкамышской впадины, этой, по определению руководителя лабораторией Н.Н.Крупенио, среднеазиатской помойки, куда стекают отравленные ядами минерализированные воды Хорезмского, Ташаузского и частично Нукусского оазиса.

— Особенно неприятное впечатление на нас произвели Аму-Бухарский и Каракуский каналы, — рассказывает Николай Николаевич. — Обнаружено, что они практически не имеют гидроизоляции и в одной из зон Аму-Бухарского канала зона повышенной влажности простирается до 1-2 километров от борта канала — в пустыню. Эту информацию подтвердили синхронными измерениями влажности сотрудники нашей “дочерней” лаборатории в Ленинградском сельхозинституте, которых высадили в Бухаре для частичного обследования пустыни вдоль Аму-Бухарского канала. Довольно большое количество воды — примерно половина, если не больше, не попадает к потребителю. Данные получены осенью, когда расход воды по каналу минимален. Во время вегетации уровень воды в канале поднимается, увеличивается скорость течения воды, возрастает фильтрация ее через стенки канала, создавая зоны повышенной влажности, болота, озера, от которых никакой пользы ни животному и растительному миру, ни обитающему там человеку. Если бы нашу лабораторию привлекли к работе над недавним Постановлением ЦК по Аралу, мы бы обратили внимание на неблагополучие в водохозяйственной деятельности, на чрезмерное засоление хлопковых полей, которые, несмотря на низкий урожай, продолжают поливать огромными порциями воды, дабы загнать в землю соль, обратили бы внимание на варварское ведение сельского хозяйства и на мелиорацию. И, я думаю, были бы приняты более конкретные решения...

На ташкентской встрече в мае 1988 года З.М.Буниятов высказал мнение: Минводхоз — организация не только не нужная, но вредная, ее давно пора ликвидировать.

Сегодня Минводхоз — на местах и в центре — не существует. Но я не поздравляю Зию Мусаевича — Министерства попросту сменили вывески. Минводхоз Узбекистана, например, превратился в три организации: Сырдарьинское бассейновое управление со штаб-квартирой в Ташкенте, Амударьинское бассейновое управление со штаб-квартирой в Ургенче и Комитет водного хозяйства и мелиорации. При этом Амударьинское управление управляет бассейном Амударьи только на территории Узбекистана, для Сырдарьинского управления река кончается на границе с Казахстаном. Хотя стоки города Ташкента сбрасываются в Сырдарью неочищенными и уносятся на территорию братского Казахстана, где братцы-казахстанцы вынуждены все это потреблять[1].

Мнение П.А.Полад-заде, фактически первого человека в Минвод-

[1] С этой самой очисткой дело в целом по стране обстоит, мягко выражаясь, безобразно. Доля затрат на охрану окружающей среды (включая расходы на ведение лесного хозяйства) уже многие годы остается стабильной и составляет 1,8% национального дохода.

хозе, достаточно официально. А как думают водохозяйственники в конкретных случаях, на местах, до какой степени объективны, что мешает им трезво взирать на проблемы?

Главный инженер Сырдарьинского бассейнового управления В.Я.Лощенков долго и снисходительно поучал членов экспедиции, как они должны воспринимать открывающиеся перед ними картины деятельности Минводхоза, для простоты именуя всех участников экспедиции "писателями", т.е. — по его мнению — людьми заведомо неквалифицированными и малограмотными. "Писатели", добрая половина каковых — ученые с докторскими и иными степенями, кротко внимали (это была рабочая встреча в холле одной из гостиниц). Все испортил профессор А.А.Турсунов, объяснив добрейшему мелиоратору, в какую ситуацию тот попал (Абай Абдурахманович 20 лет преподавал гидротехнику в Ленинграде, да и после переезда в Алма-Ату не веники вяжет). С удивлением узнав, что ученые кое в чем разбираются, Виталий Яковлевич частично признал "ошибки" своего ведомства, не забыв отметить, что все сказанное им — его сугубо личное мнение. На вопрос, как оно может быть личным, если касается принципиальной оценки работы, главный инженер воскликнул: "Что же мне теперь, партбилет на стол положить?!"

А почему бы и нет, милейший Виталий Яковлевич? Люди, защищая свое право на порядочность и правду, не только, грубо говоря, партбилеты на стол клали.

Это ниже, чем во всех цивилизованных странах (в США, например, это 4% государственного национального дохода, а он вдвое выше нашего). По подсчетам доктора экономических наук М.Я.Лемешева, "ежегодно чистые потери от ущерба природе составляют 25-30 миллиардов рублей". В 1987 г. на капвложения природоохранного характера приходилось 2,7 млрд.рублей, но освоение лимита капитальных вложений оказалось не на высоте — на 86%. Из Министерств, сильно загрязняющих окружающую среду и потому больше получающих на природоохранное строительство, Минхимпром освоил 72% лимита, Минмедбиопром и Минстройматериалов — по 75, Минцветмет — 83, Минудобрений СССР — 84%. Если брать по республикам, то наиболее неблагоприятное положение в Туркмении, освоившей 19% выделенных средств, затем идут Казахстан — 54, и Азербайджан с Молдавией — по 66%. Если же говорить о сооружениях для очистки сточных вод, то говорить, собственно, и не о чем: по стране план ввода выполнен на 65%, на предприятиях Миннефтехимпрома СССР — лишь на 29%, Минмедбиопрома — на 60. По республикам: в Грузии — на 4 % (за сухими цифрами — причина эпидемии в Цхинвали), в Армении ввод не осуществляется, в Азербайджане — на 49%. План по вводу в действие систем оборотного водоснабжения на предприятиях Минудобрсний СССР выполнен на 34%, Миннефтехимпрома — на 48, Минмедбиопрома — на 76. С заданием по вводу в действие очистных сооружений справились строительные министерства пяти республик: Литвы, Латвии, Эстонии, Таджикистана и Туркмении. Увеличились выбросы в атмосферу вредных веществ по 13 промышленным центрам, которые входят в число 53 городов страны с наиболее высоким уровнем загрязнения воздушного бассейна. Около 9 миллионов тонн в год или 14% общего объема выбрасывается в атмосферу в результате ограниченных технических возможностей, заложенных в проект пылегазоочистных сооружений. Ухудшились показатели, характеризующие объемы сброса сточных вод в водные объекты: 15,1 кубометра в 1986 г., 20,6 — в 1987. Несмотря на постановления директивных органов о полном прекращении сброса сточных вод в бассейны внутренних морей, рек и водоемов, все и ныне там. (Пресс-выпуск Госкомстата СССР, 1988, № 193). Это все к тому, что мы не осваиваем даже выделяемых, чрезвычайно скудных сумм. Есть о чем задуматься.

"...Чистая прибыль характеризует, — писал еще в 1978 году академик Л. И.Абалкин[1], — конечный результат, притом именно народнохозяйственный результат". И дальше: "Если же в системе чисто механически заменить один показатель другим, а все остальные оставить без изменения, то экономический механизм лучше работать не будет". Способна ли деятельность Минводхоза привести к какому-либо положительному результату? Думаю, да. Было бы неверно всю ответственность за экологические, экономические, социальные беды Средней Азии сваливать на Минводхоз, как это принято делать последнее время: Минэнерго или, скажем, Миннефтехимпром нисколько не лучше. Ведомственный монополизм привел страну на край экономической пропасти, это так, но причем здесь Минводхоз, если далеко не все хозяйства имеют, например, нормы полива? Летом 1989 года Госкомстатом СССР с целью разобраться в ситуации было проведено обследование ряда хозяйств, из них 64 — в Узбекистане, 39 — в Таджикистане, 33 — в Туркмении. Вот что оно показало: в Узбекистане только 17 из числа обследованных имеют нормы полива и 11 превышают ее, в Таджикистане из имеющих нормы 21 хозяйства 16 нарушают, в Туркмении из имеющих 26 нарушают 21.

Что же тогда говорить о тех хозяйствах, где знать не знают ни о каких нормах, работая по принципу: лей-не жалей?

А ежели и в этом виноваты водохозяйственники, не значит ли сие, что они получили право распоряжаться одним из основных ресурсов государства — водой? "С 1975 года в одном лишь Узбекистане на наведение порядка в мелиоративном хозяйстве истрачено более 25 миллионов рублей", — пишет работающий в Ташкенте кандидат геолого-минералогических наук В.С.Ковалев. Результат известен сегодня каждому. В 1987 г. Арал мог получить необходимую ему воду в очень большом количестве: 5 мая расход воды в Амударье ниже Туямуюнского гидроузла составил 900 кубометров в секунду, а 10 мая — за счет начавшегося бурного таяния снегов — уже 1500. Но ни один из кубометров этой воды в Арал не попал. Свидетельствует проводивший здесь обследование академик А.Л.Яншин: "Тахиаташский гидроузел делит поток на ряд каналов, а те сбрасывают воду на поля хлопчатника, еще не нуждающегося в орошении, на рисовые чеки, на поля, где еще только будут сеять люцерну, и просто в низменные участки дельты. Все это делается под предлогом увлажнения почв, но вода поступает сюда уже минерализованная, и быстрое ее испарение приводит к засолению, а не улучшению качества почв".

Только после вмешательства академика проход воде был открыт.

Этот случай — свидетельство высокого профессионализма работников Минводхоза, на партийный диктат здесь ссылки бессмыслены... И тем не менее и на сей раз Минводхоз, вышел, как говорится, сухим из воды. Виноватых не оказалось.

Как быть? На каждый такой раз — академиков не напасешься.

---

[1] Конечный народнохозяйственный результат (сущность, показатель, путь повышения). — Издательство "Экономика", 1978, стр.45.

Кроме того, промывки почв все равно необходимы, если хозяйствовать по-нынешнему, каждая промывка — это не менее 10 кубометров воды на каждый гектар, в результате чего образуются массы соленых подпочвенных вод — соли подтягиваются к поверхности земли.

В хорезмской области по соседству со строящимся Ташаузским каналом, 150 из 180 километров которого пройдут по зыбучим пескам, хоронят своих покойников не в земле, а на земле, надстраивая нечто вроде саркофага — близко подпочвенные воды, иначе нельзя.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВОДУ
(Заметки на полях)

Воду мы богатством не считаем. А воды мало. Ее мало не только в Средней Азии — ее вообще мало. На всем земном шаре мало пресной воды — 2% общего запаса гидросферы. И лишь 0,025% пресной воды — в жидком состоянии и доступно человеку: в почве, реках, озерах, водохранилищах. Иными словами, все человечество может рассчитывать на 360 тысяч кубокилометров — запомним на всякий случай это число — из 1 454 300 кубокилометров общих запасов воды. Эта пресная и доступная вода расходуется. На какое же ее количество можем претендовать мы, наша страна? Особенно при нашей гигантомании? Особенно при бесконтрольном расходовании воды на полив хлопчатника, которым, как известно, людей не накормишь, сколько бы он не стоил.

СОЦИАЛИСТ СПЕНСЕР И КОММУНИСТ НАЗАРБАЕВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О "НАПРЯЖЕННОМ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИИ"

> Вот это — театр! Вот он, этот истинно ленинский театр, утеха и зрелище восточного завоевателя с маленькими хитрыми татарскими глазами, огненными волосами, с переваливающейся походкой, плохо связанной, отрывистой, неуклюжей речью, погребом вместо души — смесь Лойолы с Мамаем.
>
> *П.Пильский, "Ленин"*

Воистину, "если люди ничего не видят помимо требований минуты и привыкают отождествлять ближайшее улучшение с окончательным благом, то настоящего прогресса не может быть. Как бы ни была отдалена цель, как бы ни были многочисленны препятствия, которые могут принудить нас свернуть с ведущего к ней пути, очевидно, что необходимо знать, где она находится". Эти "перестроечные" слова произнесены сто лет назад Гербертом Спенсером. Сегодня они вызывают невольное уважение, некоторые же сентенции звучат как пророчества. А чего стоят размышления о "напряженном человеколюбии", от горькой чаши какового основательно пришлось отхлебнуть народам нашей страны: "В наш век напряженного человеколюбия

множество людей, с нетерпением стремящихся улучшить участь своих, менее счастливых, ближних путем самых быстрых методов, всеми силами стараются развить административные учреждения, свойственные низшему типу общества, — пятятся назад, желая идти вперед. Нормальные затруднения на пути прогресса уже достаточно велики, и печально то, что они становятся все больше и больше. Следовательно, весьма полезно показать человеколюбцам, что во многих случаях они несомненно подготовляют будущее несчастье человечества, столь усердно преследуя цель благосостояния в настоящем".

Английского философа, жившего в XIX веке (он считал себя социалистом) словно дополняет наш современник — член ЦК КПСС, Председатель Совета Министров Казахстана Нурсултан Назарбаев: "Сколько бед наделал у нас волевой, авторитарный стиль руководства!"

Сейчас высказывания такого рода стали выражать официальную точку зрения. Однако "волевой, авторитарный" — синонимы непрофессионализма в широком смысле слова. Не этот ли непрофессионализм и есть объяснение того, что произошло с Аралом?

С первых дней своего существования советская страна взяла курс на всеобщую депрофессионализацию. Фабриканты не нужны: рабочие сами способны управлять производством. Финансисты не нужны: рабочие умеют считать деньги не хуже других. Инженеры, агрономы, ученые не нужны: недавние прислужники капитала, старые "спецы", как их называли, не способны включиться в новую жизнь. Начинается тотальное истребление интеллигенции, а вместе с нею — наиболее работоспособных, толковых, энергичных представителей рабочего класса и крестьянства, которые, поверив на первых порах обещаниям новой власти (по сути дела, ни одно, как мы знаем сегодня, не было выполнено), пытались реализовать свою потенцию. В результате страна лишилась 10 миллионов человек при Ленине и по крайней мере 45 — при Сталине (28 миллионов военнослужащих и многие миллионы погибших в годы второй мировой войны мирных советских граждан — это особый счет), — тех, кто представлял собой генетический фонд нации. (Или, точнее, наций — ведь, кроме русских, которым досталось больше всего, украинцев, белорусов, пострадали и представители других народов, причем, некоторые (пример: мордва) лишились в с е х представителей своей национальности творческой и технической интеллигенции). Их место заняли всевозможные Швондеры, тотчас сообразившие, что главное в новой жизни — не знания, не честность, не ум, но партийный билет, да Шариковы, к мысли о главенствующей роли партбилета пришедшие позднее, но в силу своей многочисленности оказавшиеся бок о бок со Швондерами на ключевых постах. Так что не зря Маяковского считают крупнейшим большевистским поэтом — он едва ли не первым постиг и принял политическую и философскую концепцию системы, и его хрестоматийные сегодня строки: "Сидят крестьяне, каждый хитр: землю попа-

шет — попишет стихи", — всего навсего сделанный в поэтической форме вывод из ленинского труда "Государство и революция"[1] О том, каких бед натворило принятое за аксиому идеалистическое представление Ленина об отмирании государства и политической самодеятельности трудящихся масс, приведшее к установлению тоталитарного режима, мы знаем на собственной шкуре. Напомнить однако, из чего исходил Ленин, выводя это свое достаточно уязвимое умозаключение, стоит. "Социалистическое государство в марксизме уже не есть государство в собственном смысле слова, так как управление государством становится самодеятельностью трудящихся масс... Уничтожение же класса эксплуататоров, полагает Ленин, делает государство вообще ненужным. И далее следует знаменитая мысль, что у нас все будут управлять по очереди и очень быстро привыкнут, чтобы не управлял никто: государство умрет в сознательности масс и в привычке жить в соответствии с определенными разумными нормами"[2] Как известно, Ленин умел признавать свои ошибки. Если бы он постарался увидеть, что массы, о которых речь, должны состоять из идеальных людей, гармонически развитых личностей, какие едва ли существуют в природе, то счел бы, думаю, ошибочным и это построение, во всяком случае, в практической части. Ленин, как всякий пассионарий, не мог не стремиться вперед, но как пассионарий не рядовой зашел слишком далеко. Те, кто устремился за ним, не смогли — и не захотели — увидеть его слабых сторон, без каковых нет человека, и после его отстранения от управления государством и скорой смерти довели начатый им социальный эксперимент до полного абсурда. Если Ленин, допустим, ориентировался на идеальных людей, существующих лишь теоретически, то всевозможные швондеры (а Сталин — типичный швондер) — на примитивов, в кого надлежит превратить каждого, а неподдающегося — уничтожить. Какое уж тут море, какая уж тут вода, когда приказ начальника — закон для подчиненного! Да еще начальника не шибко грамотного, не шибко умного, живущего не по совести и чести, но по установкам партии, которые меняются, но которая, как известно, всегда права ...

Хочешь — не хочешь, а приходится признать: если Ленин ориентировался не на идеальных людей, значит, сознательно взывал к самым низменным их чувствам. "Весь мир насилья мы разрушим до основанья ..." А зачем? Кто был ничем, тот ничем и останется, если, как говорят на Востоке, сколько не говори "халва", во рту сладко не станет. Если, конечно, не притворяться на некоторое время, будто сладко, будто стал кем-то. При этом — притворившись — можно, как в той песне, попытаться "все богатства взять из-под земли", до чего не могли додуматься капиталисты и помещики (непритворявшиеся), полностью, кстати сказать, истребленные в России после 1917 года. Итак, продолжаем притворяться.

---

[1] ПСС, т.25, стр. 435.

[2] В.М.Вильчек. — Алгоритмы истории. М., "Прометей", 1989, Стр. 5.

Лист третий.
ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И ПРАКТИКА "РАЗВИТОГО" СОЦИАЛИЗМА

О, те которые уверовали! Расходуйте из того, чем Мы вас наделили, прежде чем придет день, когда не будет ни торговли, ни дружбы, ни заступничества. А неверные, они — обидчики.

Ксран, "Корова", 255 (254)

Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это "харби", враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными.

К.Маркс. Соч., 2-е изд., т.6, с.180

В наших рассуждениях мы совершенно забыли о том, что дело происходит не просто в Средней Азии, но в регионе, большинство азиатского, "коренного", населения которого исповедует в качестве религии ислам. Подобно иудаизму, ислам — религия д о м а ш н я я, ибо шариатом досконально разработаны система внутрисемейных отношений, простейшие правила личной гигиены, необходимые в тех условиях, которые вели кочевники-бедуины в пустыне (откуда пришел ислам), нормы и правила торговли, цеховые уставы ремесленников. Религиовед и культуролог Юрий Смирнов пишет:

"Официальное мусульманство пытается выделить некоторые общие принципы своего существования и, пропагандируя их, вырабатывать те самые "условно традиционные", или, как их называют, "вторичные формы культуры".

Само собой разумеется, что в условиях социалистического государства ислам утратил теократические тенденции. В настоящее время его официальные представители стоят на позициях "концепции социальной активности". Согласно ей религиозная организация должна поддерживать и пропагандировать доступными ей методами с о ц и а л ь н ы е п р и н ц и п ы с о ц и а л и з м а и к о м м у н и з м а (выделено мной. — *В.З.*) Таким способом религия пытается включиться в светскую жизнь, усиливает внерелигиоисповедническую функцию и, в традициях развития общественной мысли на Востоке в двух видах — религиозном и светском, — пытается управлять мировоззрением населения. Создается впечатление секуляризации религиозной мысли, т.е. придания ей нерелигиозного, светского облика. Однако такая секуляризация — отнюдь не атеизм, она просто возвращает религии роль одного из компонентов культуры".

И далее:

"...Ислам как авторитарная система смог в значительной степени присвоить себе черты культуры, на многие века превратившись не только в религию, но и в социально-политическую систему, образ жизни"[1].

Воинствующий и в то же время стагнационный (недопускающий ни нововведений, ни перестроек) характер идеологии "покорных"

---

[1] "Странный" ислам. — "Памир", 1988, № 2

питается (и объясняется) Кораном. Откроем: "Среди них есть простецы, которые не знают писания, а только мечты. Они только думают. Горе же тем, которые пишут писание своими руками, а потом говорят: "Это от Аллаха", — чтобы купить за это небольшую цену! Горе же им за то, что написали их руки, и горе им за то, что они приобретают!"[1] Но ислам на протяжении всего периода своего существования не только сковывал развитие литературы, как явствует из этой цитаты, и искусств чрезвычайно жесткими рамками — он всячески подавлял человеческую индивидуальность, личность; нынешние же фундаменталисты практически отрицают театр, кино, философию (кроме религиозной)... Женщина в исламе по сути дела лишена всех прав (в том числе и на религию), ислам отказывает ей в возможности обладать даже душой, и после смерти, несмотря на свои лучшие — предположим — качества и нрав, она, подобно корове или дереву, не может рассчитывать попасть в рай (как, впрочем, и в ад) — как раз из-за отсутствия души, почему и по сей день является объектом купли-продажи. По принципу "Аллах дал — Аллах взял" живет и сегодня основная масса малограмотного среднеазиатского населения. Вот почему не только духовенство, не только наиболее необразованные слои населения, но и представители местной интеллигенции выступают против планирования рождаемости. Шариат, по законам которого живет мусульманин, не знает различия между грехом и преступлением. Вот почему страшен мусульманский фанатизм — ведь погибший за веру в период джихада непременно попадет в рай. Откроем Коран: "И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел..."[2] Вот почему настораживает тенденция во всем винить русских, которые олицетворяют собой (или еще до недавнего времени олицетворяли) партийный аппарат.

Ислам, в отличие от остальных мировых религий, — религия непримиримости, чем чрезвычайно напоминает религию большевизма. Призывы к физическому уничтожению "неверных" разбросаны по всему корпусу священной книги мусульман. Откроем Коран: "Поистине, религия пред Аллахом — ислам, и разошлись те, кому было даровано писание, только после того, как пришло к ним знание, по злобе между собой. А если кто не верует в знамения Аллаха... то ведь Аллах быстр в расчете!"[3] "Вот, вы — те, которые любят их, а они вас не любят. Вы веруете в писание целиком, и когда они встретят вас, то говорят: "Мы уверовали". А когда останутся наедине, то кусают от злобы к вам пальцы. Скажи: "Умирайте от вашего гнева! Поистине,

---

[1] Коран цитируется в переводе И.Ю.Крачковского. Сура "Корова", аят 73 (78-79).

[2] "Семейство Имрана", 163 (169).

[3] "Семейство Имрана", 17 (19).

Аллах знает про то, что в груди".[1] "Сражайся же на пути Аллаха! Вменяется это только самому тебе, и побуждай верующих. Может быть, Аллах удержит ярость неверующих: ведь Аллах сильнее в ярости и сильнее в наказании!"[2] "...И уготовали Мы неверным унизительное наказание!"[3] "И с тех, которые говорят: "Мы — христиане!" — Мы взяли завет. И они забыли часть того, что им было упомянуто, и Мы возбудили среди них вражду и ненависть до дня воскресения. А потом сообщит им Аллах, что они совершали!"[4] "О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. Поистине, Аллах не ведет людей неправедных!"[5] И так далее, и тому подобное.

Маркс, очевидно осуждая деление Кораном мира на две части, заимствовал от этой молодой и примитивной (в сравнении с другими мировыми) религии сам принцип: для того, чтобы добиться власти, необходимо поссорить одну часть населения с другой, при этом "хороших" должно быть больше, чем "плохих". В результате "хороший" класс пролетариев без конца борется со всеми остальными — "плохими" — классами, время от времени путем обмана образуя с каким-нибудь из "плохих" классов коалицию. Ленин воплотил эту человеконенавистническую идею в жизнь. Отсюда — глубокая идеологическая общность исламского фундаментализма и ортодоксального марксизма-ленинизма.

Тот, кто бывал в Средней Азии, наверняка обратил внимание на лицемерное поведение местного населения — как форму существования. И хотя в государстве развитого социализма, где лицемерие возведено в ранг официальной идеологии, узаконено, в этом нет ничего удивительного,но все же: почему они такие и плохо ли это? Для верного ответа нужен дифференцированный подход к проблеме и опять же взгляд назад. Если исламский фундаментализм требует от мусульманина аскетизма во всем на пути Аллаха (общение с женщинами не в счет: ислам монашества не знает), то обыкновенный ("странный") ислам требует главным образом соблюдения приличий. В "Географии этноса в исторический период" Л.Н.Гумилев сказал об этом лучше, чем я когда-либо смогу сказать: первые мусульмане

> "требовали от всех признания веры ислама, но при этом в свои ряды старались зачислить людей, которые им подходили. Надо сказать, что от этого принципа мусульмане довольно быстро отошли. Арабы стали брать всех и за это заплатили очень дорого, потому что как только к ним попали лицемерные люди, те, которым было в общем абсолютно безразлично — один бог или тысяча, а важнее была выгода, доходы, деньги, то к власти пришли последние — именно лицемеры.

---

[1] Там же, 115 (119).

[2] "Женщины", 86 (84).

[3] Там же, 150 (152).

[4] "Трапеза", 17 (14).

[5] Там же, 56 (51).

Их возглавил Моавия ибн Абу-Суфьян — сын врага Мухаммеда. Он добился власти и объявил примерно так: "Вера ислама должна соблюдаться, а вино я выпью у себя дома, и каждый желающий тоже может выпить. Молиться все обязаны, но если ты пропустил намаз, то я не буду на это обращать внимания, и если ты хапаешь государственную казну, но ты мне симпатичен, на это я тоже не буду обращать внимания". Следовательно, как только принцип отбора по комплиментарности заменился принципом всеобщности, система испытала страшный удар и деформировалась".

Одним словом: "И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах — лучший из хитрецов"[1]

Здесь проходит вторая линия родственных идеологических связей между исламом вообще и ленинским социализмом в идеале. В силу этого родства и сегодня Политбюро ЦК КПСС вынуждает руководство СССР занимать откровенно промусульманскую позицию: через депутатов-коммунистов в Парламенте страны, через средства массовой информации (большую часть которых, в том числе радио и телевидение, не выпускает из рук) и, наконец, благодаря стопроцентному членству в партии работников КГБ и почти стопроцентному — МВД и армии (офицерства). Такая позиция приведет и уже приводит к легко предсказуемым гибельным последствиям. Тем более, что мусульманские лидеры — особенно за рубежом — не скрывают своих притязаний, вполне осознавая: реакционная идеология коммунизма проявила себя явно, дискредитировала себя, однако "своих завоеваний" отдавать не собирается, пытаясь во время вынужденной смены декораций изменить свой облик и перегруппировать силы, тем самым (не важно — вольно или не вольно) давая исламским идеологам шанс сменить красное знамя на такое же по сути, но зеленого цвета.

Пугающе любопытное заявление сделал руководитель Ирана аятолла Хаменеи: "...за нынешними событиями в Азербайджане стоит "исламский порыв" советских мусульман". Ибо: "Конфликт в Закавказье носит не этнический, а исламский характер." ("Известия", 18 янв. 1990 г.) Эта информация хорошо монтируется с рассказом известного специалиста по исламу И.П.Беляева о встрече (в бытность собкором "ЛГ") в Бейруте с иранским политическим деятелем Джелялем ад-Дином аль-Фарси, которого в тот момент — шел 1981 год — очень интересовал вопрос, когда Советский Союз выведет свои войска из Афганистана. Аль-Фарси не скрывал, в какой степени проблема волнует иранское руководство: "Мы совершили исламскую революцию в Иране. И считаем своей задачей превращение ее во всемирную исламскую революцию. ("Мировой пожар раздуем" — где мы это слышали? — *В.З.*) Ваше военное присутствие мешает нам. После исламской революции в Афганистане начнется истинная всемирная революция, мощнее французской и всех других предшественниц. А затем мы инспирируем третью исламскую революцию...

— Где же, если не секрет?

— В вашей Средней Азии. — И испытующе посмотрел на меня..."

Не знаю, дойдет ли до "третьей исламской революции", но крови и так уж льется много. "Исламский порыв" едва ли не с первого дня своего рождения в VII веке не отделим от жестокости и бессмысленно-

[1] Коран, "Семейство Имрана", 47 (54).

го уничтожения всего того, что не вписывается в его рамки. Приходя на новые территории, мусульманские орды стремились уничтожить все на своем пути, — если было что уничтожать, разумеется. Так, благодаря насильственной исламизации ирано-таджикских народов и народностей некоторые из них исчезли с лица земли, другие (как современные иранцы и таджики) полностью забыли свою древнюю могучую культуру, где было место и прекрасной живописи, и оригинальной скульптуре, и самобытной архитектуре...

В рамках взгляда на всеобщий "исламский порыв" интересно смотрится интервью другого руководителя Ирана — министра иностранных дел Али Акбара Велаяти — газете "Известия" (8 мая 1990 г.): "...Экспорт исламской революции — это экспорт культуры... Вы не можете помешать экспорту такого рода школы мышления через границы и проникновению ее в другие страны. Исламская революция — это новая концепция в современном мире XX века. Она имела начало в Иране и проникла повсюду в исламском мире. Независимо от того, желаете вы этого или нет, этот идеал пересечет границы и распространится в других странах. Конечно, мы поддерживаем экспорт наших идей в другие страны, но не с помощью силы. Это совершенно естественно..." А генеральный секретарь Всемирного Исламского конгресса доктор А.О.Насиф сокрушается: "Запад обвиняет мусульман во всех грехах, в том числе и в терроризме и в якобы присущем мусульманам стремлении к войнам. СССР мог бы защитить от подобных нападок". ("НиР", 1990, № 1)

Сейчас, после войны в Персидском заливе (о которой зримым напоминанием в Москве является, скажем, Американское посольство, окруженное для защиты от мусульманских террористов бетонными надолбами), такого рода высказывания были бы смешны, когда бы не наводили на такие грустные размышления.

Без "экспорта исламской революции" не обошлась и попытка антиправительственного переворота, состоявшаяся в феврале 1990 г. в Душанбе и проходившая под лозунгами типа "Смерть русским" и "Таджикистан — исламская республика". О погромах, резне и прочих акциях мятежников пресса рассказывала, повторяться здесь не буду, но интересно, что, когда в городе еще лилась кровь, радио Ирана сообщало о требованиях манифестантов "открыть границы между Таджикистаном и Афганистаном". "Через несколько дней, — пишет в "Рабочей трибуне" от 20 ноября 1990 г. Н.Козлова, — радиостанция "Свобода" привела слова лидера афганской оппозиции Раббани о необходимости защиты мусульман Таджикистана. В возникновении беспорядков он, понятное дело, обвинил Москву. Раббани заявил, что в случае принятия жестких мер к республикам Средней Азии афганцы не будут сидеть сложа руки. Афганские моджахеды, по сообщению "Свободы", уже сосредоточили свои войска недалеко от границ с Советским Таджикистаном.

Не успел Душанбе залечить раны, как из Пакистана в кишлак Гуртепа приехали гости из Турции и Саудовской Аравии. Они собрали главарей банд и выразили горячее желание помочь всем, кто хочет

бороться “за освобождение братьев по вере, живущих в Таджикистане”.

В этом же материале приводится компетентная оценка ситуации, данная Председателем КГБ Таджикской ССР генерал-майором В.Петкелем: “При сегодняшней раскладке сил в среднеазиатском регионе нет никаких оснований для спокойствия. Обстановка имеет тенденцию к ухудшению. Все идет к тому, что противостояние обостряется”.

Но при той поразительной инертности, которую проявляет КГБ в событиях, подобным ферганским, душанбинским, ошским, заигрывание советской партийно-правительственной верхушки с исламским миром не может не устраивать мусульманских идеологов.

Все сильные позиции ислама поддерживаются антидемократическими авторитарными режимами, и наоборот — ислам в таких режимах заинтересован. В нашей стране ислам проявляет себя адекватно. Узбекские дехкане, по словам бывшего Председателя Совмина республики Миркасымова на II съезде депутатов СССР, “имеют душевой доход менее 75 рублей, что не обеспечивает прожиточного уровня”, но не ропщут. Правда, можно, как предлагает О.Осипов (“Труд”, 12 мая 1990 г.) вычесть из числа узбекских “безработных” сотни тысяч тех, “что заняты на личных участках и тем самым обеспечивают свой жизненный уровень”, но это уже другой разговор. Происшедшее в Гурумсарае (а о тамошних порядках с пыточными камерами, физическим устранением неугодных, правом “первой ночи”, напомню, был хорошо осведомлен сам “хозяин” Узбекистана Рашидов, более того, ничего не имел против таких порядков) не могло бы произойти в наше время в России, Прибалтике или, скажем, в Армении. Ибо все дело в феодальной психологии, ибо не феодальные отношения, ни тем более самую психологию никаким декретом не изжить. Вот почему теперь, когда правда, казалось бы, восторжествовала и порок, возможно, будет наказан, жители Папского района, где как раз находится Гурумсарай, не очень-то верят, что все, чему они свидетели, — история: они предпочитают держаться с приезжими, буде таковые проявятся, на чрезвычайном стороже (при явном одобрении новых властей — именно так было с нашей Аральской экспедицией).

При всем при том местная партийная “знать” во всех среднеазиатских республиках сегодня уже не хочет в глазах единоверцев выглядеть проводником политики КПСС, которая отождествляется не с политикой Центра, а с политикой русских, — так удобнее. Тенденция во всем винить Москву выражается в росте антирусских настроений, причем в нагнетании русофобии активно участвует местная, в том числе, как это не пародоксально, и русскоязычная пресса.

Но если бы только это! Резня в Сумгаите, Баку, Нагорном Карабахе, Фергане, Душанбе, Оше, зверское убийство узбекскими националистами пятерых советских солдат в Намангане (там центральные власти ограничились лишь заменой одной воинской части на другую), — эти акции до сих пор не получили должной нравственной

оценки. Центр в каждом таком случае слегка журит своих суверенных азиатских президентов, — и только. Ответственность за о р г а н и з а ц и ю межнациональных конфликтов не несет никто. Наказывают исполнителей, да и то далеко не всех, да и то — по уголовным статьям. В результате в Средней Азии уже останавливаются (или работают абы как) промышленные предприятия, замораживаются крупные стройки, а ведь русские (европейцы вообще) только начали выезжать из региона. Официальные данные: только за семь месяцев 1989 г. Ферганскую облать покинули после известных событий 16 тысяч квалифицированных специалистов; за полгода 1990 из Душанбе выехали 100 тысяч, а к началу 1991 это число удвоилось. Местные власти на словах призывают русских не уезжать, а на деле палец о палец не ударяют дабы ликвидировать условия вынужденной миграции.

В статье "Бремя решений" ("НМ", 1989, № 5) В.И.Селюнин не шутя задает вопрос:

"Но как объяснить такой простой факт: в Узбекистане привлечены к уголовной (подчеркнуто мной — *В.З.*) ответственности 98% бывших руководителей областных управлений внутренних дел, заместителей министров и сам министр Яхъяев? Если это отдельные разложившиеся аппаратчики, то где стойкое руководящее большинство? За четыре года в республике смещены 58 тысяч ответственных работников, причем процесс продолжается, со многих постов смещают уже по второму и третьему разу. Практически, поголовно заменены председатели колхозов и директора совхозов. Опять отдельные неустойчивые личности?... Приходится признать, что иерархический партийно-государственный аппарат одновременно является и управленческой структурой преступной организации. Для какой-то посторонней мафии здесь просто нет места..."

Еще факты — из того же ряда. В 1987 г. отменены и изменены 97,8% приговоров, вынесенных Сурхандарьинским областным судом Узбекской ССР, пишет корреспондент УзТАГ В.Гладилин: "Вот уж воистину, а судьи кто? Какова их компетентность, каков уровень профессиональной подготовки?"[1]

Не так давно, когда большевизм был силен не только благодаря КГБ и армии, сегодня активно борющейся с собственным народом, но и в известной степени идеологически (большая часть населения верила в обещания построения в скором времени земного рая), ислам мирно уживался рядом с официальной идеологией и внутри нее. На "параллельные" мечети власти закрывали глаза: тогда наличие всего этого не мешало им. Теперь же, как говорилось выше, ислам — там, где он существовал исторически и особенно не маскировался — пытается подменить власть партийно-государственного аппарата собой. Руководители среднеазиатских республик не очень обращают внимание на активизацию ислама, но зато яростно выпалывают робкие ростки демократии.

Трезвомыслящих людей — и в России, и в Средней Азии — эти процессы не могут не настораживать.

"Ведь первое, что делает коммунистическая власть в среднеазиатских республиках, провозглашая свой суверенитет, — она устанавливает между собой и Союзом надежные фильтры, через которые не проникает ни одна живая демократическая мысль, — утвер-

[1] Сурхандарьинский суд — разумеется, к примеру. В других областях Средней Азии вряд ли картины лучше, а если лучше, то не намного.

ждает в интервью журналу "Столица" (№ 5, 1990) директор Узбекского института физиологии академик Бек Абекович Ташмухамедов. — Антидемократические процессы, происходящие во всех среднеазиатских республиках, думаю, очень выгодны консервативным силам союзного центра. Они понимают, что выйти из состава Союза Узбекистан в ближайшее время не сможет.[1] Извращенная монокультурой экономика республики просто не способна прокормить народ. И мы вынуждены будем еще неопределенное время оставаться сырьевым придатком системы, которая во всем цивилизованном мире сама считается таким же придатком.

Так что, по расчетам консервативных стратегов центра, Средняя Азия крепко прикована к Союзу экономической цепью. И уж если мы прикованы, то почему бы нас не заставить сторожить распадающуюся империю, когда такая возможность представляется. У имперских консерваторов сейчас зыбкое положение. Не на что опереться. Единственной реальной точкой опоры для них пока остаются среднеазиатские республики. (Разрядка моя — *В.З.*).

Не забывайте, что уже сегодня многие подразделения Советской Армии почти наполовину укомплектованы выходцами из этих республик. Элементарные демографические расчеты показывают, что через 15-20 лет вооруженные силы страны начнут необратимо сжиматься в твердый "среднеазиатский кулак". Вы понимаете, что собой представляет армия, личный состав которой больше чем наполовину воспитан жестокими несправедливыми условиями тоталитарной системы! С помощью такой армии можно будет умыть кровью любую демократию.

...Нельзя переплывать реку с камнем на шее. Совместными усилиями мы должны не допустить, чтобы на земле Средней Азии был сформирован и расквартирован запасной полк тоталитаризма. В последующей борьбе за демократию он может сыграть роковую роль. Думаю, этот образ особенно будет понятен российским демократам, ибо судьбу России в Куликовской битве, как известно, решил запасной полк".

Везде, где ислам поднимает голову, пока еще озирая ослабленные позиции "дар ал-харб" — врагов, неизбежно льется кровь. И не только в нашей стране. Аналогичные процессы идут в Югославии, Болгарии, Турции, на Кипре, в мусульманской Африке, на Ближнем Востоке, в Индии, не говоря уже об Иране, Пакистане, Афганистане...

Какое, спросите вы, все это имеет отношение к Аралу? Да самое прямое: не до Арала им, нашим мусульманам.

И не будет до Арала. Европейцы стремительно покидают регион — хозяйство разваливается. Одна пожилая женщина, русская, с которой я беседовал на разгромленной мятежниками улице Ленина в Душанбе в середине февраля 1990 года, сказала: "Я приехала сюда в эвакуацию во время войны — семья спасалась от немцев. Да так и осталась тут. Теперь надо спасаться от таджиков. Сын женился на немке, зовет в Германию, не знаю, как и быть. Но немцы, от которых мы бежали, были фашистами, захватчиками, а таджики, от которых мы бежим теперь...?" Уезжают не одни европейцы, уезжают образованные, грамотные, порядочные в общечеловеческом смысле азиаты. Такие, как врач республиканского роддома Р.Бадалбаев: "Убежден, что группа экстремистов — это не весь таджикский народ, но принял решение уехать. Я один воспитываю дочь и очень боюсь за ее судьбу..." ("Известия", 26 февраля 1990 г.)

[1] Да и не захочет, равно как и прочие составные части "среднеазиатского подбрюшья" (термин А.И.Солженицына), ибо только этот регион до сих пор получает дотации центра. Избавляться от обременяющего, стесняющего движения подбрюшья придется нам самим. А то, что не сможет — то не сможет: в условиях хозрасчета и массовой миграции из региона русских, — чем ни торговать — мало на что годным хлопком? — *В.З.*

Стремление местных партийных властей стать полновластными хозяевами *своих* кормушек — республиканских, областных, районных — приводит не только к борьбе мусульман против христиан (что происходит, и, кстати, происходило в Закавказье всегда), но и к межэтническим стычкам в самом мусульманском мире. Конечно, тот факт, что киргизы во время резни узбеков в Оше продавали на базаре "мясо сарта" (сартами киргизы по старинке называют узбеков) и целиком зажаривали на вертеле трехмесячных младенцев ("Столица", № 2, 1990) можно объяснить, думаю, только бытовым "киргизмом" — вспомним термин Бунина, — то есть отсталостью (дикостью) народа, не добравшегося к началу XX века, в отличие от узбеков, даже до раннего феодализма; но не это самое главное в ошской трагедии. Главное — в семенах раздора между народами, щедро посеянных большевиками. Вот как пишет об этом Чингизу Айтматову (считающемуся киргизским писателем) узбекский писатель Тура Мирза в своем открытом письме:

"В том, что произошло в Оше, виноваты не только представители киргизского народа. Виноват Владимир Ильич. Туркестан был разделен на куски еще по его указу. А ведь до революции наша Родина была едина и называлась Туркестан. Почти по всей территории вместе жили узбеки, казахи, туркмены, киргизы, таджики и другие народы. Клиническая операция, исполненная И.В.Сталиным по завету Ильича над Туркестаном, разделила нас на куски. От этого проиграли все народы, проживающие на древней земле. Большевики в своих имперских амбициях зашли даже глубже, чем завоеватели царской России. "Разделяй и властвуй" — вот их конечная цель. Впервые благодаря "коммунистическим идеалам" народы, разговаривавшие на одном языке, после революции стали переводить друг друга".

Средняя Азия, не успевшая сделать объявленного скачка из феодализма в социализм, теперь стремительно катится в пропасть средневековья.

Не до Арала...

О ЛЮБВИ И ДОВЕРИИ К ПРИРОДЕ
(Взгляд романтика)

Потом мысли его перенеслись незаметно к другим предметам и наконец занеслись Бог знает куда. Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромнейший дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах.

Н.В.Гоголь

"Изначально Арал, как и вся живая природа, был силой, порождающей человека, кормящей и даже воспитывающей его", — пишет Ким Иванович Шилин, кандидат философских наук, старший науч-

ный сотрудник научного центра по проблемам высшей школы Госкомитета СССР по народному образованию. С ним, как и со многими из тех, кто цитируется или упоминается в этой книге, я познакомился во время экспедиции "Арал-88". Не знаю, пишет ли Ким Иванович стихи, но суть этого человека я бы определил словами — философ и поэт. Да и не стихи делают поэта поэтом, а особое, приподнятое над обыденностью отношение к жизни.

Для Шилина понятие Жизнь всегда — с большой буквы. Знаток древних учений Востока, он стремится проникнуть за внешнюю оболочку событий, и за калейдоскопом фактов и образов, речей и событий, причин и следствий увидеть глубинную суть.

Для него трагедия Арала — не просто экологическая катастрофа. Это катастрофа всей современной системы знаний, всего нашего взаимодействия с живой природой. Это трагедия цивилизации, зашедшей в тупик.

Он убежден, что главная причина эко-катастрофы Арала и Приаралья — в характере науки, техники, экономики, современной культуры и личности в целом. По сути своей они исключают любовь к природе. Ко всей природе. И тем более — любовь к жизни Арала, рек Средней Азии и Казахстана, природы данного региона. В этом игнорировании любви к воде, земле, природе — основная психосоциальная причина экологического бедствия.

"Биосфера в целом регулировала состояние и изменение всех частных своих биосистем, биоценозов, включая Арал, — утверждает Ким Шилин. — Задача человека заключалась лишь в том, чтобы не мешать Матери-природе, не вредить ей, жить в гармонии с нею и внутри нее. И это — активная функция человека, включающая в себя и активное самосдерживание, внутренний самоконтроль, — принимаемый часто европейцами за пассивность, инертность, созерцательность. Собственно, вся жизнь человека здесь есть — Искусство. В отличие от современной, рационалистической культуры оно чрезвычайно интуитивно и часто выражает ориентирование человека внутри живой Природы способами, не вполне совпадающими с их внутренней экологической сутью. Таковы, в частности, религиозные запреты буддизма, ислама, зороастризма, христианства. В этом, весьма ограниченном смысле слова, религия выступает неким подобием и даже извращенной формой искусства.

Что в этом отношении необычайно важно и чего недостает современному человеку, почти до конца погубившему Арал, — это любви к природе. Эта любовь пронизывает всю культуру, делая ее искусством особого типа. В этом наличии или отсутствии любви к природе — коренное отличие культуры Востока.

Эта любовь к природе на Востоке настолько сильна, что даже отчасти ущемляет человека. В основе этого — самопринижение, связанное с возвеличиванием природы и других людей (которые обычно выступают от ее имени). И "большие" люди ловко используют эту доверчивость и уважительность в своих корыстных целях.

Вторым ограничением человека Востока, в том числе узбека, каракалпака и др. является излишнее доверие к самой Природе, к возможностям ее саморазвития, ее воспроизводства. Практически это означает, что здесь не думают о том, как помочь Природе, заботясь лишь о своей семье. А сама Природа с теми задачами, которые возлагают на нее ныне, уже не справляется. Арал как живой организм почти погиб".

ПИСЬМО К САМОМУ СЕБЕ

Ты пишешь, что душа твоя
устала и сочится не слезами,
но кровью.

Это бывает.

Поднимись на высокий берег
реки (если ты когда-нибудь поднимался
на высокий берег), посмотри
из-под руки вдаль (если ты когда-нибудь смотрел
из-под руки), вглядись в текучую речную
воду, где по дну перекатываются белые
камушки (если ты когда-нибудь вглядывался
в текучую воду).

Впрочем,
не поднимайся на высокий
берег, не смотри из-под руки
вдаль, даже если даль эта —
речная вода у твоих ног, —

у тебя ничего не выйдет:
ведь ты —
это я.

Блокнот третий

ЧТО ДЕЛАТЬ?

На родной стороне и дни жаркие и ночи теплые.

Где-то, говорят, золото валяется, а пойдешь — и меди не найдешь.

Где вода — там достаток, где народ — там праздник.

Казахские пословицы и поговорки.

Лист первый.
ПОИСК ВЫХОДА ИЛИ ВЫХОД ИЗ ПОИСКА?

Довольно скучная получается, если выразиться деликатно, картина: вода отравлена, дышать нечем, в запустении здравоохранение и образование... Апокалипсис?

— Ну, зачем так мрачно? — сказал мне С.И.Фурсов, заместитель начальника подотдела производства и переработки хлопка-сырца, лубяных культур и коконов тутового шелкопряда отдела растениеводства Госагропрома СССР (такое вот длинное название!), когда я посвятил его в свои печальные размышления.

— В Нечерноземной зоне России, пожалуй, дела похуже обстоят. Смотрите: в Средней Азии, особенно в Узбекистане, прекрасные дороги, в Нечерноземье же дорог зачастую вообще нет. Там тепло и сухо — у нас холодно и сыро. У них при наличии воды все может расти, у нас же — лишь кое-что, да растить-то некому: извели крестьянина. В России, на Украине, в Белоруссии власти активно занимались уничтожением крестьянина, в Средней Азии такого никогда не было. Откройте справочник “Народонаселение СССР”: количество узбеков только в Узбекистане увеличилось за 20 лет — с 1959 по 1979, — т.е. в тот самый период, когда море активно высыхало и, по самой распространенной версии, сильно мешало этим местному населению, с 5038273 до 10569007 человек, а количество русских — по всей стране, а не только в РСФСР — со 114 113 579 до 137 397 089[1]. При этом следует помнить, что нередко представители других национальностей — евреи, татары, представители “малых” народов и т.п. — предпочитают записываться русскими. Более, чем вдвое увеличилась численность казахов, таджиков,

[1] По данным последней (1989 г.) переписи населения, численность, например, узбеков в СССР возросла до 16 миллионов 698 тысяч, а русских - до 145 миллионов 155 тысяч человек.

туркмен... При неблагоприятных условиях существования население так стремительно не растет, это медицинский факт. Так что стоит еще подумать, кто же в самом деле вымирает. Особенно, если сравнить некоторые, в известном смысле "опорные", области России с равными им по численности (в свое время) республиками Средней Азии. Достаточно, думаю, одного примера. Я выбираю Новгородчину, где население сократилось с 1940 года по 1969 почти вдвое, составив к нынешнему дню где-то тысяч 700. Колыбель русской культуры...

В рассуждениях Сергея Ивановича, родившегося и выросшего в Узбекистане и начавшего трудовой путь главным (практически, сразу после вуза) инженером на одном из хлопзаводов Таджикистана, есть резон. Так же, как есть резон в таком его замечании: на сегодняшний день не существует безвредных производств — безопасность работы обеспечивается совершенной технологией и квалификацией работника.

Но вот как восстановить экологическое равновесие — этого он не знает.

Похоже, этого не знает никто.

ВОПРОС ВСЛУХ

Никто?

Ответ первый. Никита Глазовский, ученый: "Необходимо изменить ситуацию во всем регионе"

Мне кажется, что решение отдельных проблем аральского региона и сохранение самого Аральского моря возможно лишь при изменении ситуации во всем его бассейне. Все мероприятия, направленные на решение возникших проблем, необходимо разделить на немедленные, средне и долгосрочные.

К немедленным мерам следует отнести строительство систем водоснабжения, канализации, мероприятия по снабжению населения чистыми продуктами питания, налаживание медицинского обслуживания. Иными словами, первая группа вопросов связана с улучшением здоровья населения.

Но большинство проблем региона требуют изменения гораздо более существенных вещей: инвестиционной политики, технологии, поворота от экстенсивного сельского хозяйства к сбалансированному комплексному развитию. И тут, естественно, возникает проблема самого Аральского моря. Потому что сейчас многие соглашаются с тем, что нужно в результате разных мероприятий получить дополнительную воду. А затем — многие расходятся во мнениях: а куда ее потом направить? То ли на сохранение Арала, то ли на дальнейшее развитие орошаемого земледелия. Моя позиция — что существует целый ряд серьезных доводов в пользу сохранения моря.

Во-первых, действительно происходит интенсивный вынос солей, которые оседают на почвах Приаралья. Изменился микроклимат побережья, изменился уровень грунтовых вод, изменились в целом экологические условия самого Приаралья. Изменились условия жизни местного населения. И в то время, когда принято решение о ликвидации моря, никто не поинтересовался мнением местного населения. Мне кажется, этот вывод, очень трудно характеризуемый количественно, очень важен: этические отношения должны в человеческом обществе играть не менее важную роль, чем параметры, которые можно измерить в единицах веса, длины или каких-либо еще.

Теперь по существу дела: что нужно для решения аральской проблемы. Первое —

изменить общую стратегию производительных сил региона. Здесь необходимы несколько вводных замечаний. Определяя стратегию развития производительных сил, необходимо внимательно рассмотреть эффективность того или иного производства. Экономическая эффективность водных мелиораций даже в условиях Средней Азии, где они несомненно нужны, часто завышается. А почему? Потому что при расчете эффективности не учитывается, что на многих землях и до гидромелиорации собирался урожай, производилась какая-то другая сельскохозяйственная продукция. Потому что не учитывается первоочередное обеспечение именно мелиорированных земель ресурсами, лучшей техникой, удобрениями... Я не даром вначале говорил о том, что развитие орошения сопровождалось колоссальными капиталовложениями — именно для того, чтобы подчеркнуть этот факт. Что меня не убедит в том, будто если бы эти средства были направлены на нечто иное, это привело бы к более существенному эффекту. Оценка "эффективности" часто искажается из-за того, что проводится не по полученной дополнительной натуральной продукции, а по стоимости полученной продукции. А стоимость эта на орошаемых землях часто гораздо более высокая, а это очень важно, хотя на это очень редко обращают внимание.

Следует учитывать, что распространенное мнение о необычайно высокой эффективности земледелия в Средней Азии, не подтверждается реальными данными по многим параметрам. Например, себестоимость зерна в Российской Федерации или на Украине и в Белоруссии в 2-3 раза ниже, чем в Средней Азии. Себестоимость овощей в России и на Украине (а особенно в Белоруссии) тоже существенно ниже, нежели в Средней Азии. Другое дело, что, конечно, некоторые виды сельхозпродукции мы можем производить только в Средней Азии, — какую-нибудь фисташку или дыню. Но в целом, если брать овощи, то эффективность во многих районах РСФСР действительно выше[1]. Для производства одного центнера зерна в России требуется 1,1 человеко-часа прямых затрат труда, а в Киргизии — 1,7, а в Туркмении — 4,8, а в Узбекистане — 5,3, а в Таджикистане — 7,4. Какие гигантские трудозатраты!

Естественно, что при обсуждении перспектив развития Приаралья надо особенно остановиться на анализе итога развития хлопководства. Ибо одним из важнейших доводов в пользу широкого развития орошения считалась необходимость развития хлопководства. Предполагалось, что это даст возможность одеть население страны и резко повысить экспорт хлопка. И на первый взгляд довод серьезный. Вроде бы. Производство хлопка с начала 60-х годов по начало 80-х выросло почти в два раза, хотя затем стало сокращаться. (Почему — это уже другой вопрос). Естественно, возникает главный вопрос: а надо ли стране такое количество хлопка? И насколько эффективно он используется? И нельзя ли снизить производство хлопка без ущерба для экономики?

Отчасти, ошибка в выборе именно хлопковой стратегии для развития сельского хозяйства Средней Азии в расчете на валютные поступления были связаны с неверным прогнозом состояния мировых цен на хлопок. Расчеты на высокую эффективность экспорта не оправдались. С 1960 по 1985 год цены на хлопок на мировом рынке упали с 2,3 до 1,4 доллара за килограмм. Цены на рис, например, тоже упали в два раза — с 435 до 226 долларов за тонну. Нам, может быть, выгодно было бы не производить рис, а покупать его. Важнейший путь решения проблемы аральского региона — структурная перестройка хозяйства, корректировка стратегии развития региона. Следует ориентироваться на развитие трудоемких, но относительно мало водоемких производств, экономически и социально эффективных. При этом в первую очередь необходимо расширение перерабатывающих отраслей промышленности, а среди них — отраслей, перерабатывающих хлопок до конечной продукции.

Второе. Увеличение производства товаров народного потребления в этом регионе. В настоящее время там существует гигантский дисбаланс между выпуском товаров и платежеспособностью населения. Производство товаров народного потребления на душу населения в Узбекистане составляет порядка 470, а по Каракалпакии — 180 рублей в год при среднемесячной зарплате колхозников в Узбекистане 132, а рабочих и служащих 169 рублей. Поэтому производство товаров народного потребления должно, с одной стороны, увеличить занятость населения, с другой же — помочь в решении социальных

[1] Подсчитано: 1 га хлопчатника (естественно, в Средней Азии) при плановой урожайности дал в 1987 г. 2400 рублей прибыли, при этом тонковолокнистый — 4136, гектар овощей — 6379, а гектар картофеля — 2983. Что выгоднее? — *В.З.*

проблем региона. То есть производство товаров народного потребления — само по себе направление народного хозяйства.

Необходимо увеличить строительство жилья. Это позволило бы решить проблемы социальные и занятости, поскольку средняя обеспеченность населения жильем в аральском регионе не только объективно недостаточна, но ниже, чем в очень многих районах Советского Союза. Естественно, следует иметь в виду и другие отрасли развития хозяйства: горнодобывающую, а также электронную и радиотехническую промышленность, которые могли бы опираться на опыт народов Средней Азии, известных когда-то своими ювелирами (а ювелирное дело, как известно, требует тщательности и большого внимания). В целом развитие современных отраслей промышленности имело бы гигантское социальное значение, поскольку заставляло бы повышать профессиональный и культурный уровень людей, привлекаемых в эти отрасли. Вот это первая задача — изменение стратегии развития производительных сил.

Следующее — изменение структуры сельскохозяйственного производства. Следовало бы, во-первых, вывести из орошения низкопродуктивные засоленные земли, на которые тратится гигантское количество воды, а урожаи крайне низки. Именно эти земли в первую очередь засоляются, и все соли при дренаже опять сбрасываются в реки. Выведение из оборота от 5 до 15% таких земель сразу бы дало какое-то количество воды.

Часть земель следовало бы вывести из оборота в связи со снижением производства хлопка — без потерь для народного хозяйства, но за счет изменения структуры торговли хлопком и продукцией из него, а также за счет повышения качества продукции. Например, в 1986 году в Узбекистане было забраковано 15% выпущенных хлопчатобумажных тканей, больше 16% швейных изделий, 36% чулочно-носочных... В принципе, снижение производства хлопчатобумажных тканей на 20-30% при одновременном повышении качества никак не отразится на обеспечении населения тканями и одеждой. На мой взгляд, если сохранить экспорт хлопка на уровне где-то 650-700 тысяч тонн в год и для внутреннего потребления производить до 5 миллионов тонн в год, это позволит вывести из-под хлопка по крайней мере 1-1,3 миллиона гектаров орошаемых земель и высвободить 10-15 кубокилометров идущей на орошение воды.

Необходимо рассмотреть возможности сокращения площадей под рисом, самую водоемкую культуру, на орошение которой в Средней Азии тратится от 25 до 55 тысяч кубических метров воды на гектар, а кое-где — и свыше 60 тысяч. Сокращение таких площадей по крайней мере на 100 тысяч га позволило бы дать еще около трех кубических километров воды. Экономические расчеты показывают, что эффективность такого снижения водопотребления достаточно высокая. В 1986 г. цена импортированного зерна составляла около 170 рублей за тонну. На производство одной тонны риса в условиях Средней Азии идет ни менее 10 тысяч кубометров воды. Невооруженным глазом видно — при закупке его за рубежом каждый кубокилометр сбереженной воды будет обходиться всего 1,7 копейки. При явно заниженной стоимости воды, положим, при переброске северных рек — она бы стоила около 20 копеек, а на самом деле гораздо больше.

Конечно же, для улучшения состояния земель необходимо внедрить севооборот. Это позволило бы в значительной степени прекратить применение пестицидов. Кстати, к первоочередным мерам я отнес бы полное прекращение использования пестицидов. Этот пункт вызывает у многих резкую критику: говорят, что тогда сразу упадет сельское производство и так далее. В какой-то степени это верно. Но в данном случае там настолько тяжелое состояние здоровья населения,[1] что когда мы должны выбирать между сельскохозяйственным производством и здоровьем, то нужно все-таки ориентироваться на здоровье. Наверное, надо принять определенные какие-то потери ради улучшения здоровья населения. Что касается гербицидов, то хочу напомнить: в настоящее время разработаны системы выращивания и риса, и хлопчатника без употребления

[1] Руководители среднеазиатских республик могут в свое оправдание заметить, что на охрану здоровья каждого жителя региона тратится меньше средств, чем в целом по стране (в Таджикистане, например, 41 рубль 80 копеек в год); но не значит ли это, что руководители других республик просто больше заботятся о своих согражданах? На первом месте в этом отношении — Эстония и Латвия (70 рублей на человека), а ведь уровни социальный, медико-санитарный и, естественно, культурный в целом в Прибалтике и без того значительно выше, чем в Средней Азии... — *В.З.*

оных. И причем — у нас в стране. Дело только за тем, чтобы районировать эти системы. Этого пока нет. Если начать внедрять их без необходимой подготовки, ничего, кроме социальной напряженности это не вызовет... Почему? Потому что сейчас на новые земли, в том числе и низкопродуктивные орошаемые переселено большое количество населения. Необходимо объяснить людям смысл переориентации их деятельности. Создать условия, чтобы это прошло безболезненно: построить жилье в других районах, организовать медицинское обслуживание, наладить профессиональную переподготовку, дабы люди смогли реализовать свои устремления. Иными словами, должна быть создана социальная основа для переориентации сельского хозяйства.

Следующая задача — реконструкция оросительных систем, КПД которых очень низок (по разным оценкам от 0,55 до 0,57), но может быть повышен до 0,8. При нынешнем водозаборе на орошение это позволило бы получить 12-18 кубокилометров пресной воды в год. Последующее при этом некоторое снижение дренажного стока следует рассматривать как явление положительное, поскольку проблема дренажного стока — одна из наиболее острых в регионе. КПД оросительных систем необходимо повышать и за счет совершенствования техники полива, налаживания системы постоянного контроля влажности почв, воздуха, состояния растений: поливать не по потребностям, а по графику, как делают в Средней Азии сегодня, совершенно бессмысленно. Автоматизация полива позволила бы в перспективе довести КПД оросительных систем до 0,88, что дало бы экономию воды порядка 25-28 кубокилометров в год и одновременно улучшило состояние земель — повысилась бы их продуктивность. Здесь все взаимосвязано.

Следующий пункт — научное обоснование оросительных норм. Нынешние не учитывают многих особенностей почв, климата и даже самих растений. Установленные нормы водопотребления для хлопчатника составляют здесь, как известно, 7,5 — 12,5 тысяч кубометров воды на гектар, и, как известно, чрезвычайно завышаются на практике. Вместе с тем по данным не какой-то там, скажем, Японии, а того же Каракалпакского НИИ земледелия, оптимальные оросительные нормы для хлопчатника могут быть порядка 3,5 — 4,5 тысяч кубометров на гектар при урожайности 25-30 центнеров. Выведенный в этом институте один из сортов требует за вегетационный период 2,5 — 3 кубометров воды при урожайности 22 центнера за гектар, это колоссальный резерв получения воды. Другое дело, что гораздо проще пустить воду по бороздам, как и делается везде в Средней Азии, — и все. Введение же капельного, локального орошения позволяет сократить расходы воды в несколько раз. Вот в том же Израиле при расходе воды на орошение 5,7 кубометров на гектар за счет современных технологий собирают по три урожая в год.

Оппоненты говорят, что это очень дорого, но ведь расчеты сравнительной эффективности проводились только специалистами Минводхоза, а не независимыми специалистами!

Далее. Нормы орошения в рисоводстве составляют до 34 тысяч кубометров на гектар и, разумеется, в реальных условиях в несколько раз перекрываются, — опять же по причине нерациональной технологии рисоводства. А ведь у нас в стране, в Краснодаре и Самарканде, разработаны технологии выращивания риса на введении многопольных севооборотов, при которых достигается значительная экономия воды.

Что касается безгербицидных технологий, то по данным Самаркандского университета в результате замены гербицидов на биологические средства защиты растений в одном из существующих колхозов уменьшилась на две трети заболеваемость среди сельскохозяйственных животных, а доля урожая хлопка, принимаемого 1 сортом, возросла на 30%.

Я стараюсь все время приводить примеры из нашей страны, но если полезть и в другие страны, то мы увидим, что гигантскую роль в улучшении экологического состояния региона вообще и уменьшения водопотребления в частности играет выведение новых сортов. Интересен пример Японии. Там с 900 года н.э. и до конца XIX века урожайность риса медленно увеличивалась — с 12 до 25 центнеров с гектара, причем увеличивалась за счет ирригации. А вот в XX веке урожаи выросли сразу до 60, а в отдельных хозяйствах — даже до 132 центнеров с гектара. Факторный анализ показал — только за счет селекции.

Мы еще не говорили о рациональном использовании дренажного стока. По оценкам

разных авторов — к сожалению, достоверной статистики нет — общий объем сбросных дренажных вод составляет от 29 до 46 кубокилометров в год. (Часть стока сбрасывается в пустыню и не учитывается, часть перекачивается снова в оросительные каналы, поэтому все данные нуждаются в уточнении.) Кубокилометров 25-26 сбрасывается в реки, 11-12 — в озера, 14-15 — в пустыню. Надо срочно решать проблему — что делать с этим дренажным стоком? В свое время министр Васильев писал не без гордости о том, что в бассейне реки Сырдарья используется больше воды, чем содержится в самой реке. А гордится-то было нечем: такое повторное использование принесло гораздо больше вреда, чем пользы, ибо ухудшилось качество речных вод... Как очищать дренажные стоки, да и саму речную воду? Есть разные пути: опреснение, биологическая очистка стока, получение пресных вод путем вымораживания, что вполне возможно и в Средней Азии, создание капканных систем земледелия (когда по мере увеличения минерализации дренажного стока этими же водами орошают другое поле, более солеустойчивое)...

Да и не может быть здесь одного решения.

Ответ второй. Масуд Муллоджанов, главный редактор журнала "Памир": "Необходимы поиски и обсуждения альтернативных решений"

Прежде, чем искать пути и способы исправления ситуации, надо понять, почему она сложилась именно таким образом. Причин много, но все они имеют один общий корень: в свое время (в "период застоя", как принято теперь говорить, и задолго до него в "период культа личности") принимались волевые решения, игнорирующие законы природы и общества. Альтернатив этим волевым решениям не существовало. На повестке дня всегда стоял один вопрос, одно решение, которые и проводились в жизнь.

Не происходит ли теперь нечто подобное?! Спасти Арал теми же методами, что погубили его когда-то, — невозможно! Поворот сибирских рек — точно такое же волевое решение, игнорирующее законы природы и общества.

Необходимы поиски и обсуждение альтернативных решений!

Искать их следует в прошлом и будущем, то есть в традициях и науке. Это дело ученых, и надо привлечь специалистов самых различных профилей.

Я — журналист, литератор, а не ученый, и оттого могу лишь представить, какими могли бы быть подобные решения.

Скажем, каким могло бы быть одно из решений проблемы воды, основанное на древней традиции?... Это — возрождение традиционного института мирабов. Мираб — воплощение личной ответственности за воду и землю. Республика — мираб, область — мираб, хозяйство — мираб, поле — мираб. Такова примерная схема.

Другой путь — нетривиальный. Путь настойчивого поиска нетрадиционных решений.

Ответ третий. Николай Лукин, ученый: "Аральское море можно спасти, не нарушая природного равновесия"

Можно ли без крупных капиталовложений остановить прогрессирующее обмеление не только Арала, но и таких наших внутренних водоемов, как Севан, Иссык-Куль и Балхаш, пополнять их водой, не прибегая к переброске, перекройке речного стока, без истязания и кромсания природы?

Да, можно! И не только без ущерба для природы и экономики, но с великой для них пользой и выгодой.

Во-первых, необходимо искусственно увеличить, а вернее, восстановить былой сток горных рек, питающих эти водоемы. Для этого бесплодные каменные обнажения ниже пояса современного оледенения покрасить в белый цвет нерастворимыми в воде красками.[1] Усиление отражения солнечной энергии вызовет дополнительную конденсацию влаги из атмосферы и приостановит уменьшение ледников, питающих горные реки. Кроме того, ледники начнут постепенно восстанавливать свою былую производительность как естественные конденсаторы парообразной влаги.

Во-вторых, начать планомерное облесение всех без исключения земель на площадях водосборов, как еще не освоенных, так и находящихся в активном сельхозобороте. Под многолетние лесные насаждения как хранители обменного фонда влаги нужно отвести не менее 10-15% общей площади земель. Целесообразность этого доказана вековым опытом Каменной степи, оставленным нам В.В.Докучаевым.

Облесение же орошаемых земель также приведет к устойчивости получаемых на них урожаев поливных культур и значительной экономии поливной воды.

В-третьих, на прибрежных мелководьях (на сваях) и на бесплодных участках обнаженного дна можно разместить батареи солнечных фотопанелей и построить тепловые насосы. Тем самым водоемы будут превращены в гигантские фабрики экологически чистой энергии.

Отводимое тепло будет неизбежно замещаться теплотой конденсации идеально чистой воды. Получаемый при этом конденсат можно использовать и для различных бытовых и хозяйственных нужд, где требуется безукоризненно чистая вода...

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ В ФОРМЕ ДЕВИЗА

“Отведи солнечное тепло — получишь воду”

Комментарий к девизу

Его автор— Николай Федорович Лукин, человек в высшей степени замечательный. Он нашел способ полива без всяких каналов, водохранилищ, труб, арыков... Вода сама собой спускается с неба. Точнее сказать, пар, который постоянно присутствует в атмосфере даже в самую жаркую погоду, сгущается в почве в капельки росы. Для этого достаточно лишь охладить поверхностный слой почвы или, иными словами, отвести тепло.

Отсюда и девиз.

Разумеется, все не так просто, как здесь сказано. Механизм применения парообразной влаги атмосферы в народном хозяйстве весьма непрост. Но сам способ применения — очень прост. Не буду разбирать его тонкости, отсылаю тех, кто заинтересовался подробностями, к публикациям в журналах “Памир”, “Энергия”, “Звезда Востока”.

В своих научных воззрениях Лукин следует В.И.Вернадскому, который считал, что все воды на земле, где бы они не находились — в твердом, жидком, газообразном состояниях, — тесно связаны между собой и представляют единое целое, участвуя в бесчисленных круговоротах. В гидросфере Земли общее количество воды, участвующей в активном круговороте, составляет около 1,5 миллиарда кубокиломет-

[1] Что, кстати, по грандиозности замысла, сильно напоминает идею опыления ледников угольной пылью, помните? — *В.З.*

6*

ра. Из них человек использует на свои бытовые, технические и сельскохозяйственные нужды всего 3000, то есть две миллионные доли общего количества воды на Земле. Даже годовые осадки почти в 200 раз превышают потребности современного человечества. С такими запасами воды, понятно, без труда решаются проблемы не только восстановления Арала, но и освоения огромных земельных пространств в предгориях, в засушливых труднодоступных зонах, обводнение которых по методу Лукина не требует ни гигантских затрат, ни долгих лет. Суть своего метода Лукин формулирует так:

"Круговороты в природе бесчисленны. Водопользование же базируется в основном на одном из них, основу которого составляют атмосферные осадки.

Самые динамичные и мощные влагообороты с участием парообразной влаги, недоступной прямому чувственному восприятию, остались вне внимания человека и им фактически не используются.

Но наибольший практический интерес для человека представляет влагообмен между атмосферой и почвой, где в основном и постоянно творится таинство воспроизводства живого вещества. В земной атмосфере постоянно содержится вода в количестве 13-15 тысяч кубических километров, или примерно 13 тысяч миллиардов тонн. Часть ее заключена в капельках тумана и кристалликах льда, а основная находится в форме пара.

Как постоянно возобновляемый источник пресной воды водяной пар атмосферы по своей мощности на три порядка, или в тысячи раз, превосходит речной сток жидкой воды. К тому же воду из реки можно брать далеко не везде, и реки чаще всего текут не там и не туда, куда нужно потребителю. Водяной же пар вездесущ. Он находится буквально под каждым квадратным сантиметром земной поверхности. Он всегда под руками у любого потребителя и к месту своего потребления в любых количествах подходит сам, не нуждаясь в переброске и подталкивании.

Генеральной задачей агротехники становится умение управлять этим могучим потоком влаги так, чтобы он мог использоваться для влагоснабжения культурных растений.

Движущей силой перемещения парообразной влаги из атмосферы в почву и из почвы в атмосферу является температурный режим системы. В свою очередь он определяется количеством солнечного тепла, поступающего в систему и теряемого ею на собственное инфракрасное излучение.

Целенаправленно воздействуя на температурный режим системы, можно изменять поток парообразной влаги в желательном направлении, то есть дополнительно увлажнять почву или добывать воду из воздуха с помощью конденсаторов.

Особенно важно то, что при изъятии водяного пара из атмосферы общее суммарное количество энергии в системе почва — атмосфера на участке изъятия не изменяется, а лишь происходит эквивалентная замена одного вида энергии другим".

Сейчас Николай Федорович приступил к промышленным испытаниям своего метода. На нескольких гектарах в предгориях Таджикистана без единой капли в жарком климате выращиваются такие влаголюбивые культуры как помидоры. Проходят испытания и другие сельскохозяйственные растения.

Будущее покажет перспективность метода. Во всяком случае, именно здесь может открыться реальная возможность спасти Приаралье.

Ответ четвертый. Ким Шилин, философ: "Открытие экологической личности"

Арал, попавший в негативную зависимость от людей, может быть восстановлен лишь при том непременном условии, если те же люди превратят эту негативную зависимость в позитивную. В этом случае люди должны будут выполнять те организующие и регулирующие функции, которые до сих пор выполняет сама природа (разрядка моя — *В.З.*), уже не справляясь, однако, с ними. Но для этого необходима внутренняя самоперестройка человека, грубо говоря, из иждивенца-потребителя Природы в ее творца и помощника, помогающего ей залечить те раны, которые он уже нанес ей.

И человек такого типа начинает складываться в Приаралье. Это — человек, болеющий душой за одряхлевшую Мать-Природу, ставшую беззащитной перед ним, вооруженным наукой и техникой. Человек, начавший вводить нравственное и эмоционально-эстетическое начало в науку, технику, экономику. Человек, поворачивающий их на помощь Природе, превращающий их в средство такой помощи ей.

БОЛЬШОЙ ПОСТСКРИПТУМ СКЕПТИКА

Увлекшись путешествием в розовое будущее, мы, кажется, вовсе забыли о такой не лишней в наших рассуждениях структуре, как два или три года назад созданный Госкомитет СССР по природе. К сожалению, попасть на прием к кому-то из его руководителей оказалось делом не простым, во всяком случае, сложнее, нежели в Минводхоз, имеющий, вроде бы, достаточно оснований не ликовать по поводу встречи с представителями пишущей братии. (П.А.Полад-заде принял меня без волокиты и уделил столько времени, сколько было мне необходимо). В Госкомприроде же удалось пообщаться лишь с главным экспертом отдела печати и информации Андреем Давидовичем Баранником, да и то в процессе проведения Комитетом "круглого стола", на котором представители прессы и члены общественного Совета при Госкомприроде должны были обсуждать формы взаимодействия вновь созданного Совета с государственными органами и организациями. Радости общение с главным экспертом не принесло: выяснилось, что у Госкомприроды нет денег, что это ведомство не обладает правом вето на строительство экологически вредных объектов, а для того, чтобы, например, запретить молевой сплав леса по реке Томь (где я как раз накануне разговора побывал), превращающий красивую чистую горную реку в болото, Госкомприроды должен обратиться в Совмин, а там уж решат, обратить ли внимание на это преступление, или нет. В цивилизованных странах существуют институты инспекторов, располагающих правом немедленно штрафовать тех, кто допускает по отношению к природе акты вандализма; подумал ли кто-нибудь в Госкомприроде о таких инспекторских службах? Оказывается, тоже нет. Всесоюзный совет дружин по охране леса, возглавляемый Алексеем Дмитриевичем Волковым, наличие таких общественных инспекторов предусматривает, а Госкомприрода — нет. А там, казалось бы, собрались крупные силы. Председатель Ф.Т.Моргун (недавно ушедший в отставку) известен не только в качестве пар-

тийного функционера, но и как опытный организатор сельского хозяйства[1]. Заместители Председателя раньше работали в Госплане, Совмине, Госкомгидромете и Минводхозе. Поработали хорошо. Правда, до сих пор не ликвидированы последствия катастроф в природе, случившихся благодаря зампредам П.И.Полетаеву и В.Г. Соколовскому. Правда, продолжается строительство канала Волга-Чограй, а также трагедия ленинградской дамбы, к чему приложил руку зампред Е.В.Минаев. О водах, охраной которых заведовал в Минводхозе СССР зампред В.Ф.Костин, говорилось подробно. Устройством спецохотхозяйств в заповедниках (что само по себе — нонсенс) "Завидово", Крымском, Азово-Сивашском, Телаханском, Рединский лес, Беловежская пуща, где баловались ружьишком слуги народа во главе с Л.И.Брежневым, занимался зампред Г.В.Висящев. Кадры, одним словом, подобрались как на подбор. Только лично мне трудно представить себе козла в огороде, занятого его охраной. Или их по этому принципу и подбирали?

В нынешнем виде, таким образом, Госкомприроды — пятое колесо в нашей социально-экономической телеге: охранять природу он ни в коем случае не способен. Ф.Т.Моргун просто обязан был уйти в отставку.

Новый председатель Комитета в отличие от своего предшественника — крупный ученый, профессионал. Только окажется ли он способен реализовать свои знания, свою энергию, свой опыт, все свои творческие возможности, возглавляя такую бесправную организацию?

В республиках модно обвинять во всех бедах центр, в центре — Брежнева, как будто он мог возникнуть как бог из машины: и застой при нем расцветал пышным цветом, и глупый он, и необразованный, зять у него — и тот Чурбанов. Как будто после Ленина кто-нибудь из любимых наших руководителей отличался особым умом (ну, Хрущева можно назвать в качестве исключения...) и выкованным путем напряженных научных занятий интеллектом. Как будто не создавалось наше общество на "обмане, равном которому в истории не сыщешь" (И.Клямкин). Написано сегодня об этом достаточно. Но говорить об Арале, не говоря об этом обмане, нельзя. Умный человек, который бы понял, что эксперимент затянулся, должен был появиться, — раньше ли, позже ль. Аральский кризис — наиболее яркое проявление развала, следствие, но не причина социально-экономической агонии общества. Только в 1985 году благодаря М.С.Горбачеву заговорили наконец не об одном Арале — о Державе... А еще в 1983, когда институт географии АН СССР представил в правительство документ о кризисе в Приаралье 8 (восемь!) академиков назвали его

---

[1] Написал и содрогнулся: ведь и сам ощущаю нелепость такой фразы, которую читатель зарубежный попросту не поймет. Ибо для того, чтобы понадобился "организатор" хозяйства, последнее необходимо развалить. В противном случае хозяйство, и особенно — сельское будет себе развиваться, как это происходит во всем мире, и без организатора. Именно по этой причине власти и боятся передавать землю крестьянам, еще Лениным обещанную.

антиправительственным. Сегодня строительно-монтажные работы по обводнению дельт обеих рек оцениваются примерно в 37 миллиардов рублей. С уверенностью можно сказать, что обойдется это ненужное занятие дороже.

А между тем, как воскликнул на II съезде депутатов СССР с не присущей ему эмоциональностью народный писатель Каракалпакии Телепберген Каипбергенов, пока мы здесь разговариваем, Арал высыхает.

Замечено его замечание не было.

А ведь летом 1989 года Арал снова не получил ни капли.

В Узбекистане отсутствие воды в реках воспринимается как новая возможность реанимировать бредовые идеи проектов переброски рек: в сентябре названного года встреченный мною в Ташкенте у Пирмата Шермухамедова товарищ Лощенков радостно сообщил, что воду из Сибири все равно нужно вести — хотя бы для того, чтобы наполнять Арал. Такая вот оригинальная мысль возникла в его голове. Нежным узбекистанцам, раскатавшим губы на сибирскую воду, энергично поддакнул первый секретарь (теперь бывший) обкома партии из далекой Тюмени Г.Богомяков. Почему-то. Он пообещал Узбекистану, с которым, как не трудно удостовериться, Тюменская область даже не граничит, дефицитную воду. Спасибо, хоть Афганистану, какому-нибудь Ирану или дружественной Сирии не пообещал, — там ведь с водой тоже не бог весть, как замечательно.

Казалось бы, глупо повторять, что сибирская вода (даже в случае использования оной исключительно для наполнения Арала) ситуации не изменит: для стабилизации моря нужно 36 кубических километров, для восстановления — 80, сибирская же вода в лучшем случае может прибавить 5.

Увы...

В нормальном, полуцивилизованном государстве постановление по Аралу должно было вызвать к жизни хотя бы появление счетчиков воды. У нас не вызвало. Никто не знает точно, сколько ее проходит в том или ином канале, сколько фактически расходуется на гектар, и т.д. Разумно было бы, наверное, разработать математическую модель спасения водоема, да и всего бассейна. Насколько мне известно, никто всерьез не занимается и этим. Следовало бы первым делом взяться за ремонт каналов, где на фильтрацию и испарение уходит не меньше половины воды — вот вам и 40 кубокилометров, необходимых для поддержания уровня.

Но и здесь — увы.

Может быть, трудно начинать на пустом месте? Нет, не трудно, ибо на Западе и в Японии об экологии думают давно и всерьез. Известно уже и непрофессионалу о том, как спасали Великие Озера в США, реки в промышленных районах Западной Европы, воздух в Японии: там законы, которые принимались, в отличие от наших работали. Как они дошли до такой жизни и не впали в экологический маразм? Давайте посмотрим, может и нам пригодится.

Форрестел, которого считают отцом глобального прогнозирования

на основе системного анализа, использовал математические методы и ЭВМ для создания варианта моделей экономического развития общества с учетом двух важнейших факторов — численности населения и загрязнения среды[1]. Его последователи из Римского клуба в 1972 г. издали под руководством Медоуза коллективный труд "Пределы роста", в котором был сделан глобальный экономический прогноз. В выстроенную Римским клубом динамическую модель мира в качестве исходных данных были включены население, капиталовложения, земное пространство, загрязнение, использование природных ресурсов в динамике изменения мировой системы. Авторы рекомендовали: немедленно свести к нулю рост народонаселения (что вполне подходит в качестве первоочередной задачи нашей Средней Азии) и производства (в нашем случае — нечего сводить). Более оптимистичными оказались выводы Месаровича и Пестеля, представившие в своей модели мир как систему отличных друг от друга, но взаимодействующих регионов. Главная идея здесь —"органический рост". Латиноамериканский ученый Эррера видит корни социально-экономических неурядиц в Азии, Африке и Латинской Америке в неравномерном распределении богатства и власти между странами.

Нобелевский лауреат голландец Тинберген разработал модель "Пересмотр международного порядка". Он уделил большое внимание гонке вооружений, продовольственному кризису, энергетике. Ради установления "справедливого социального порядка" и "гуманистического социализма" Тинберген рекомендует мобилизовать общественное мнение в промышленно развитых странах и реформировать ООН в целях превращения ее в "эффективный механизм международного сотрудничества" — экономического и политического — "для всеобщей выгоды". Десятки крупнейших специалистов, принявших участие в глобальном прогнозе в области народонаселения, природных ресурсов, состояния окружающей среды (работа выполнялась по заказу правительства США и инициативе президента Картера), пришли в выводу, что неконтролируемый рост народонаселения приведет к значительному повышению емкости территории, росту эрозии почв, засолению орошаемых земель, истощению природных ресурсов, чрезмерному загрязнению биосферы. Экологическая напряженность, по мнению авторов доклада, приведет и к возрастанию опасности международных конфликтов. Заметим, этот расчет появился на свет более 10 лет назад. И отчасти осуществился.

Едва ли не самой интересной в этом направлении является работа Нобелевского лауреата Василия Леонтьева "Будущее мировой экономики". В глобальном эколого-экономическом прогнозе Леонтьев рекомендует установить темп роста дохода на душу населения в развивающихся странах в объеме 3,1 — 4,9% в год, а для борьбы с экологическими препятствиями (в первую очередь, загрязнением) считает необходимым ежегодно выделять 0,5 — 4% валового национального дохода.

---

1 Смотрите: А.А.Алимов и В.В.Случевский, "Век XX: экология и идеология". — Л., "Лениздат", 1988.

Хороший научный прогноз, так необходимый для решения наших экологических проблем, — где он?

Причем, Арал — не самая важная из них, а только самая заметная, ибо высыхает на глазах. Ладога и Байкал не высыхают, но тоже гибнут. Гибнет мое родное Черное море. Наконец-то создан Комитет по спасению Азовского моря, в котором не только нечего ловить, но и купаться опасно. По сути дела, не существует больше великой реки Волги, превращенной в сеть водохранилищ. В постановлении Верховного Совета СССР "О неотложных мерах экологического оздоровления страны" (а постановления такого рода, знаем по опыту, и дают мало что, и принимаются тогда, когда думать надо не столько о вышедшей из-под контроля ситуации экологической, а о целостности раздираемого этническими, религиозными, социальными противоречиями государства в целом) отмечена чрезвычайная сложность экологической обстановки в районе Семипалатинского ядерного полигона, в Калмыкии, Приднепровье, Приднестровье, Донбассе, Урале, Кузбассе, бассейнах Волги, Байкала, Севана, Оби, Амура, Иссык-Куля, Каспийского и других внутренних морей... А есть ли такое место в нашей стране, где бы экологическая обстановка соответствовала норме? Может на Сахалине, где на сравнительно большой территории проживают всего полмиллиона человек? Нет, и там все не слава богу, посетил я этот бесхозный остров в 1989 и 1990 годах — печальная картина.

Давайте вчитаемся в упомянутый документ, подписанный М.С.Горбачевым 27 ноября 1989 г. Постановление предусматривает в 1990—1995 годах улучшение состояния окружающей среды, доведение качества питьевой воды и продуктов питания до санитарно-гигиенических нормативов (чем-то мы питаемся сегодня?!) и много еще чего хорошего, того самого, без чего ни одно современное общество не в состоянии существовать. Интересно сказано и про Арал: "В целях изыскания и реализации рациональных мер..." И так далее.

Лед тронулся? Но как-то все же трудно представить реакционную, антинародную организацию, какой является КПСС, более 70 лет проводившую политику откровенного геноцида в собственной стране, в роли радетеля за тех самых десятков миллионов людей, вчера еще энергично уничтожаемых. Трудно представить, что одним указом "сверху" (сколько их было!) "политический авангард советского общества" перестанет хищнически относиться к богатствам недр, лесов, вод 1/6 части земли, власть над которой этот "авангард" узурпировал.

Аксиома: любой тоталитарный режим раньше или позже должен рухнуть, как уже случилось в странах Восточной Европы. Агония режима вызывает к жизни центробежные тенденции: на наших глазах разваливается наша собственная страна. Вот уже азербайджанцы требуют ликвидации границ с Ираном и Турцией (что ни в Иране, ни в Турции восторга отнюдь не вызывает), завтра может прийти в движение вся огромная мусульманская пятая колонна. Как никогда сильны сепаратистские настроения в Прибалтике (особенно после органи-

7 Зак. 123ф

зованных коммунистами кровавых воскресений января 1991 г. в Литве и Латвии). Не спокойно в единоверных Молдавии и Грузии. На этом фоне как-то не получается представить всерьез, будто КПСС, уверенно ведшая народы бывшей Российской империи в пропасть, способна помешать этой агонии завершиться летальным исходом. Много надежд возлагалось на съезды Народных депутатов, на деле ставшие внеочередными съездами КПСС; нет ничего странного и в том, что II съезд даже не обсуждал вопрос об изъятии 6-й статьи Конституции СССР (о руководящей роли партии) — ведь 85% делегатов съезда — члены этой партии. Эксплуататорская верхушка (функционирование общества, пишет в "Известиях" от 23 декабря 1988 г. академик Татьяна Заславская, "дает основания говорить, по крайней мере, о косвенной эксплуатации номенклатурным слоем остальной массы населения") по-прежнему не заинтересована в пробуждении к жизни здоровых сил общества, в каком бы то ни было в о з р о ж д е н и и , ибо налаживание вконец расстроенной экономики, политической и духовной жизни страны делает совершенно лишним класс партийных функционеров. Уход в отставку бюро обкома в полном составе перестал быть редкостью.

Нельзя не согласиться с В.М.Вильчеком: "Перестройка — один из последних этапов преображения "негативного", квазирабского социализма в свой госкапиталистический "позитив" — метаморфоза резкая и болезненная из-за ее преступной, искусственной запоздалости... Социализм на глазах утрачивает двойственность и призрачность очертаний, демистифицируется... Даже умеренные реформы, предложенные М.С.Горбачевым, для многих светопреставление."[1] И оно понятно — останки одного из величайших преступников всех времен и народов — Сталина — по-прежнему покоятся у Кремлевской стены, а один из его ближайших приспешников — Каганович — благополучно доживает на Комсомольском проспекте в Москве свой век, показывая редким визитерам сквозь щель приоткрытой двери фигу, а порой в припадке энтузиазма и посылая непрошенных гостей по матушке. А другие палачи, помельче? Да и как их судить, если Ленин в своем популярном ныне "Письме к съезду" не высказался принципиально против Сталина как руководителя партии ("...Сталин груб...")? Как их судить, если "Ильич (это в 1915 году! — *В.З.*) уже всерьез выдвигал лозунг гражданской войны и видел неизбежность революционной грозы"? (Об этом, захлебываясь от восторга, вспоминает другой палач русского народа, которому, правда, пришлось погибнуть точно так же, как и тем, кому он сам подписывал (рыдая!) смертные приговоры, — Н.И.Бухарин. — "Советская Россия", 21 апреля 1989 г.) Время было такое?

С.П.Залыгин заметил как-то: "Мы подменили понятие "идея" понятием "идейность" и воспитали поколения людей, не понимающих, что такое нравственность..."

Нравственный человек и честный (притом — беспартийный) писа-

---

[1] Вильчек. Алгоритмы истории. М., "Прометей", 1989. Стр. 123-124.

тель, Залыгин склонен к излишней самокритичности: мы, да не мы. "Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата... нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата"[1]. "Мы, социалисты, являемся сторонниками демократии лишь постольку, поскольку она облегчает положение трудящихся и угнетенных"[2]. Советы же — это "власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон"[3]. Так что же, вождь мирового пролетариата призывал нас к анархии? А как же суд, он что, в таком случае не нужен? "Суд должен не устранить террор,... а обосновать и узаконить его принципиально"[4]. Вот и поди попробуй разберись, что такое нравственность по-ленински. До Арала ли, если беспредел узаконен, нравственность как категория общечеловеческая упразднена, честь и совесть существуют лишь в той степени, в какой согласуются с руководящими партийными установками?

Печально, конечно, что количество видов биологических организмов стремительно сокращается, и не только в Приаралье, и все больше и больше видов животных, птиц, рыб, растений попадает в Красную книгу. Но ведь не одних же животных! За годы советской власти с лица земли исчезли некоторые языки (общеизвестный пример — сахалинских айнов, а всего с 1922 по 1988 г. в СССР прекратили существование 93 языка!) и лишь "за период с 1918 по 1941 год погибли 37 миллионов человек" (это подсчитал, кстати, достаточно деликатно доктор исторических наук Алексей Кива). Все это — тоже экологическая проблема, никогда не существовавшая и не возникающая отдельно от проблем политических и социальных. Говоря об Арале, не стоит, разумеется сбрасывать со счетов, что "мы являемся свидетелями естественной регрессии моря, которая происходит в среднем раз в тысячу лет и выпала на наш век", — дескать, тектонические движения земной коры, общее повышение температуры земной атмосферы и как следствие сокращение осадков, о чем пишет в статье "Прощание с Аралом" С.Фиолетов (академическая газета "Поиск", № 11, 1990 г.) Ибо все связано со всем — "все во мне и я во всем", — но все же, все же, все же... Во всяком случае, об экологии о т д е л ь н о от социально-политического и экономического процесса никто уже говорить не осмеливается. И осушение Арала — достижение в первую очередь политической системы.

Интересно вдуматься в некоторые выступления на III Внеочередном съезде народных Депутатов СССР (март 1990 г.)

Ю.Н.Афанасьев, профессор, ректор Московского государственного историко-архивного института: "...Поглядеть правде в глаза — это значит прежде всего отказаться от изжившей себя коммунистической

---

[1] В.И.Ленин. ПСС, т.41, стр. 309-311

[2] Там же, т.39, стр. 200

[3] Там же, т.31, стр. 145

[4] Там же, т.45, стр. 190

идеи. Надо признать пройденный нами за 70 лет путь тупиковым... Применение силы, насилие (в том числе и над природой. — *В.З.*) — это и есть вся наша история. Если наш вождь и основатель действительно заложил основу чего-то, так это возведение в принцип государственной политики массового насилия и террора. И кроме этого, он возвел в принцип государственной политики беззаконие.”

Н.П.Шмелев, доктор экономических наук, заведующий отделом института США и Канады Академии наук СССР: “Все больше и больше мы ощущаем вакуум решимости, вакуум политической воли, вакуум власти в наиболее болезненной сфере — в экономике, где идет процесс развала из-за совершенных ошибок. Этот развал мы пока не можем ни остановить, ни даже заметно притормозить... В экономике мы построили сумасшедший дом и живем по законам сумасшедшего дома... Самый свирепый эксплуататор у нас был и есть государство.”

К.М.Махкамов, первый секретарь ЦК КП Таджикистана, едва не ставший жертвой антиправительственного заговора во время февральских событий 1990 г. в Душанбе: “Неправедную роль кое-где играет и реакционная часть духовенства”, — более резкого признания высказать он не посмел.

А.М.Оболенский, инженер-конструктор Полярного геофизического института Кольского научного центра АН СССР: “В частности, что такое разжигание социальной розни? С одной стороны, люди, которые устанавливают незаконные привилегии, разжигают социальную рознь, с другой — те, кто их критикует,также разжигают эту социальную рознь”. Это — еще один срез явления. А вот о другом явлении — национальной розни, также способствующей окончательной гибели моря, — в то время, как Запад вводит единый европейский паспорт, наши среднеазиатские республики грызутся между собой из-за каждого стакана воды, вместо того, чтобы просто посчитать и определить квоту.

Т.Г.Авалиани, заместитель директора дирекции по капитальному строительству производственного объединения “Киселевскуголь” в Кузбассе: “Вспомним: в течение 600 лет под руководством Руси объединялись другие государства. Какая причина была? Междуусобная борьба и вмешательство извне заставляли эти государства искать покровительства Руси. За пять последних лет мы получили обратный результат...”

Тот факт, что наше общество движется к демократии, неоспорим. Но пока на Красной площади будет лежать мумия вождя всемирного пролетариата (в отличии от диких и древних египтян, упрятывавших мумии своих венценосных вождей в пирамиды, мы выставили ее на всеобщее обозрение, вызывая этим актом мистический ужас у людоедов Центральной Африки и сочувствие у одних и чувство брезгливости у других представителей цивилизованной Европы и Америки), пока официальная идеология будет утверждать, что мы “не отдадим своих завоеваний” (принуждая вспоминать анекдот про ковбоя, которого никто не может поймать, потому что никому он и даром не нужен), пока страной будут править дилетанты, а КПСС — оставаться

фактически единственной руководящей силой[1] общества, — никогда нам ничего не добиться ни в деле возрождения Арала, ни в деле возрождения нашего государства. Для того, чтобы честно исправить наши ошибки, мы должны признать: феномен Ленина — трагедия русского народа, и не просто национальная трагедия, но и национальный позор. Ибо не будь Ленина, не был бы возможен ни левый фашизм (сталинизм, маоизм и пр.), ни правый (гитлеризм и его разновидности). Все прогрессивное человечество (воспользуемся устоявшейся терминологией) давно пришло к выводу, что 70 лет чудовищного эксперимента над народами России — трагедия всей человеческой цивилизации, отбросившая не только нас, нашу страну на много десятилетий назад, но и народы Юго-Восточной Азии, Африки и Восточной Европы. Косвенно это признал даже М.С.Горбачев в своей программной статье "Социалистическая идея и революционная перестройка": "Сосредотачивая внимание на поверхностно понятом управлении материальным производством, командная система довела социальную сферу до состояния запущенности и даже частичной деградации... Социализм вообще не будет иметь никаких перспектив, если мы не создадим условий для реализации творческих, духовных сил каждой личности и всего народа, для проявления талантов, способностей и предприимчивости во всех областях деятельности".

---

[1] Единственное реальное завоевание не столько нашего общества, сколько представителей его руководства — достигший гипертрофированных размеров хватательный рефлекс. Например, из протокола допроса от 26 октября 1988 г. небезызвестного И.Б.Усманходжаева явствует, что бывший руководитель Узбекистана давал взятки в размерах десятков и сотен тысяч рублей, в частности, В.И.Смирнову (зав.сектором организационно-партийной работы ЦК КПСС), Г.В.Романову (секретарь ЦК КПСС), В.И.Капитонову (секретарь ЦК КПСС), М.С.Соломенцову (председатель КПК при ЦК КПСС), А.М.Рекункову (Генеральный Прокурор СССР), О.В.Сороке (зам. Генерального Прокурора СССР), Ю.М.Чурбанову (I зам.министра внутренних дел СССР), В.И.Теребилову (председатель Верховного суда СССР), В.В.Кузнецову (I зам.Председателя Президиума Верховного Совета СССР), Е.К.Лигачеву (секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС), Ш.Р.Рашидову (I секретарь ЦК КП Узбекистана), А.В.Бутурлину (прокурор Уз. ССР) и многим другим руководителям рангом помельче. Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, Инамжон Бузрукович не только давал, но и получал взятки, и тоже не звонкой медью: от Н.Д.Худайбердыева (Председатель СМ Уз.ССР), К.Камалова (I секретарь Каракалпакского обкома КП Узбекистана), А.Каримова (I секретарь Сурхандарьинского обкома КП Узбекистана), еще одного А.Каримова (I секретарь Бухарского обкома КП Узбекистана), З.Айтмуратова (секретарь ЦК КП Узбекистана по сельскому хозяйству), М.Х.Худайбергенова (I секретарь Хорезмского обкома КП Узбекистана), М.М.Мусаханова (I секретарь Ташкентского обкома КП Узбекистана), Т.М.Умарова (управделами ЦК КП Узбекистана), Г.М.Орлова (зам.Председателя Президиума ВС Уз.ССР). Теперь все они — "бывшие", однако благодаря инструкции ЦК КПСС, запрещающей правоохранительным органам держать, собирать, накапливать какую-либо негативную информацию о номенклатурных работниках партийных и советских органов, наказание по строгости закона понес далеко не каждый, а пресловутый Е.К.Лигачев — тот и ныне, неугомонный, не оставляет попыток вести людей к светлому (с его точки зрения) коммунистическому прошлому.

Лист последний

Во время работы научно-публицистической экспедиции "Арал-88" режиссер Сергей Логинов и оператор Максим Кармен сняли по заказу объединения "Экран" ЦТ СССР полнометражный фильм, посвященный экологическим проблемам Приаралья и социально-экономической деградации региона. Фильм получился отчасти противоречивым — возможно, потому, что противоречива и сама тема, — но зато честным. Его долго не выпускали на телеэкран, но все-таки (гласность как-никак!) выпустили. Интересно: даже те аспекты, которые не удалось высветить, работают на идею фильма. Называется эта лента "Диагноз". Авторы не стремились найти лекарство, но диагноз поставили.

Так победим болезнь?

Как победим?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Люблю отчизну я...

Все запаздывает в этой стране: менструации, самолеты,
письма внутри страны, готовность плова в котле, небывалые
намолоты.
(Артезианскую скважину пока собирались бить,
вместе с морем ушла вода, вот и некого ею поить!)

Все запаздывает: письма снаружи, весна,
и за нею — жара, и за ней — наступленье прохлады,
письма в поддержку, демонстрации, забастовки, электрички (одна,
да и все остальные, — стоит ли расписание править?
Крокодил ходит лежа, рак задом,
артезианская скважина за неименьем сортира загажена).

Все запаздывает в этой стране: контакты с Японией в частности
и Западом в целом постылым,
менструации по-прежнему, экономика по Брежневу,
дети в развитии — де,
мама с папой позволили, — где (или что?) — не важно, но именно так,
так, так, говорил пулеметчик Пастернак,
и начинаются де-
билы.

Все: прогрессивные вожди реакционных партий
и уход в отставку их Егорок,
изменение расстояний между звездочками (в военной епархии), —
все запаздывает — от всего относительно безвредного
до всего относительно безвредного
для всего относительно безвредного
в этой стране путь долог.

Жить не хочется. А куда деваться: семья.
И роман не дописан, и время идет, да еще как.
Дочери выходят замуж и на панель,
вступают в партию, Венгрию или Афганистан —
всегда ограниченным контингентом — сыновья.
Вот и сжимаешь себя в кулак, а куда опустить кулак?

Лето 1988 — весна 1990, Москва — Приаралье — Таджикистан

ЕЩЕ ОДИН ПОСТСКРИПТУМ

Когда книга уже была сдана в набор, из-под пера Председателя Верховного Совета СССР товарища Лукьянова А.И. вышло следующее лирическое сочинение в жанре постановления. Это Постановление Верховного Совета СССР носит название "О ходе выполнения Постановления Верховного Совета СССР "О неотложных мерах экологического оздоровления страны" по проблемам Аральского моря".

В документе признается: "аральская проблема как крупнейшая экологическая катастрофа нашей планеты приобрела острейший характер". И вообще: "Экологическая ситуация в регионе вышла из-под контроля человека". Не оставлено без внимания и то обстоятельство, что, по сути дела ни одно из мероприятий, намеченных предыдущими постановлениями по Аралу (о нереалистичном и откровенно некомпетентном характере каковых специалистами говорено достаточно), не выполнено. Если не принимать во внимание некоторую неточность в изложении фактов и привычное лукавство, — то, казалось бы, славно, что на правительственном уровне секрет Полишинеля ликвидирован.

Казалось бы, да не славно. Ведь в этом постановлении (оно датировано 4 марта 1991 г.) постановлено все же выполнить невыполненное, а также разработать и утвердить, разработать, одобрить, принять меры, осуществить, рекомендовать, завершить создание, повысить роль, создать, осуществлять очень много чего нужного и хорошего, перечень каковоro уместился на 260 газетных строках в одиннадцати пунктах.

К тому же, в этом документе ни слова не сказано о судьбе военного полигона по испытанию химического (по мнению советской газеты "Поиск") или биологического (по мнению американской газеты "Вашингтон пост") оружия на острове, носящем название Возрождения, звучащее сегодня откровенной издевкой. Несколько десятилетий таинственные игры на несчастном острове, стремительно съеживающемся подобно шагреневой коже, оказывают губительное — в полном смысле слова — влияние на все живое вокруг и человека в первую очередь. На этот химический полигон (так, во всяком случае, об острове Возрождения говорили на сессии общего собрания АН Казахстана в Кзыл-Орде) не удавалось проникнуть ни одному из руководителей республики; от ученых же военные попросту отмахиваются.

Что, не знают о творящемся на острове Возрождения в нарушение международных, союзных и республиканских законов (о нравственном аспекте проблемы не говорим — для коммунистов, людей особого склада, такого аспекта не существует) Анатолий Иванович Лукьянов или тот же Рафик Нишанович?

Не могут не знать. И уж тем более не может не знать обо всем этом главный наш аграрник в прошлом, а ныне Генеральный Секретарь ЦК КПСС и Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев.

Знают!

Иными словами, и настоящее,очередное постановление ни экономически, ни социально, ни с научной точки зрения не мотивировано, выполнению его может помочь только чудо.

То есть, и это постановление следует считать обычным — и таким привычным — обманом народов, ибо отвечают (точнее, не отвечают) за его выполнение те же самые люди, которые вчера разрушали экономику страны, губили ее недра, уничтожали моря и помогали рекам "делаться горькими"...

НОРМАЛЬНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПО ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Критика, подаваемая дозированными порциями — благо, исцеляющее лекарство. Но для социальных систем, уже обреченных на вымирание, она перестает быть очищающим механизмом и становится параметром диагностики нарастающей агонии. За последнее время развитие общества в условиях очевидного кризиса, все более и более напоминает апокалиптические пророчества. И действительно: нам, издерганным противоречивыми толкованиями происходящего, изнуренными заботами о хлебе насущном уже в буквальном смысле, трудно определить, свидетелями чего же, в конце-то концов, довелось нам стать — родовых мук "нового, светлого" (очередного), предсмертных конвульсий "старого, порочного" (так же очередного), или и того и другого.

То, что тема апокалипсиса становится лейтмотивом в общественном сознании, подтверждается всеми проявлениями определяющего его, если все еще верить "классикам", бытия: нарастание экономического спада, усиливающееся разрушение природной среды, наводящее на мысль о вступлении земной цивилизации в период экологических катастроф, и, наконец, выступивший первым признаком современного потока трансформаций кризис политической системы, определяющий бесславный конец длящегося три столетия[1] эксперимента человечества по обустройству жизни, некогда спроектированной революционными методами.

Преломленное в напоре обескураживающих фактов отражение происходящего в средствах массовой информации часто преследует цель не столько представить маломальски объективную картину событий, сколько излить порожденные этими событиями смятение и ужас.

Страх будущего вместо недавней уверенности в завтрашнем дне (которая и была-то не уверенностью, а привитой с годами способностью не думать о последствиях), чувство уходящей из-под ног почвы (и почва исчезает в буквальном смысле, перерождаясь из живого организма, кормящего и дарящего жизнь, в мертвую массу химических веществ, которую хозяйственники пытаются возродить, в избытке внося мертвые минеральные удобрения) для периода социального реформирования-состояния типичные. Парадоксально, но именно эти настроения являются угрозой для полной ломки "ее всемогущества Системы": тирании, тоталитарный абсолютизм всегда были результатом опасной смеси усиленной страхом тяги к стабильности, за которую можно выдать и косность, с разочарованием в принесенных реформацией новшествах из-за их недостаточной эффективности.

"Аральский тупик" как комментарий разложения Системы, является так же охватывающим длительный период репортажем о ее агонии, и предоставляет читателю многие факты, в изложении которых Виктору Зуеву удалось избежать истерического упоения собственными эмоциями, равно как и демонстрации отстраненности в погоне за мнимой объективностью.

Что же представляет собой Система — термин, используемый сейчас настолько часто в критических выступлениях, что его содержание начало уже обессмысливаться, растворяясь в мистическом ужасе или благоговении? Таким же мистическим отношением еще недавно все беды сносили на счет неуловимых и вездесущих бюрократов, а чуть раньше — на врагов народа и вредителей.

Если пытаться построить академическое определение, то Система — это сложив-

[1] Если считать со времен Английской революции XVII века.

шаяся в мировом развитии цивилизации и успешно культивированная в социалистическом обществе практика угнетения человека человеком, проявляющаяся на всех уровнях и во всех сферах общественной деятельности.

Но чего стоит определение в сравнении с действительностью? Знак, усеченная схема, которая хотя и является первым шагом к пониманию, но может служить прекрасным средством затуманивания сути. Взять хотя бы политэкономию социализма, молившуюся на определения и в конце концов превращенную в средство идеологического оболванивания.

Система воплощает себя в социальных институтах, в людских общностях, пробивает себе дальнейшее существование, оккупируя человеческую душу. И утверждение "Система — это мы" вовсе не лишено оснований, если добавить — м ы в худших своих проявлениях, подкрепляемых и поощряемых Системой. Когда в ходе работы экспедиции Арал-88 мне приходилось общаться с представителями администрации (партийной, государственной, ведомственной), я с удивлением открыл для себя, что "они" заражены Системой не больше, чем "мы". Дехкане, чьим трудом создавался роскошный фасад советского периода в Средней Азии, так же были больны Системой: они, перенимая байские замашки начальников, толкующих о строительстве всеобщего счастья, связывают надежду на лучшую долю для своих детей с их карьерой в государственных или партийных учреждениях (тогда, когда в Средней Азии нами проводился социологический опрос, это еще отождествлялось, причем не только в среднеазиатских республиках, где и сегодня положение практически не изменилось и за возможность обладать партбилетом по-прежнему нужно платить).

В чем проявляет себя Система — сориентироваться в этом вопросе можно, рассматривая последствия начатой политической реформы, представить которую только как смену поколений власти не удалось. Нынешний период обострения противоречий, о которых предпочитали умалчивать, если не было возможностейих утаить, как раз и предоставляет блестящую возможность и для исследования системы и для поиска средств противостояния ей (слишком далеко зашло человечество, двигаясь путем саморастления, настолько, что его "частные" дела ставят под сомнение само сохранение жизни на Земле).

То, что коммунистический режим оказался для Системы наиболее открытым, неслучайно. Продемонстрировав крайнюю неразборчивость в средствах, он вызывал подозрения с самого начала — не являлась ли для него средством объявленная цель достижения всеобщего блага? На деле так и получилось: заимствуя средства Системы, он, в конечном итоге, в условиях административно-командного управления стал оплотом Системы, им же объявлявшейся вначале его Альтер-Эго. Не желая обидеть искренних коммунистов, отметим, что последние семь десятилетий стали демонстрацией превращения идеи в свою противоположность, и перерождение это началось с первых же попыток осуществления идеи. Ей потребовалась власть, ставшая самоцелью, для обеспечения которой было необходимо строить общество по принципам Системы.

Для удержания власти был задействован весь арсенал методов системы.

Требовались управляемые исполнители — появилась задача разорвать сознание дозированным предоставлением социальной информации, ее направленным искажением (нигде слухи не работают так "эффективно" как у нас).

Для поддержания иллюзии единства широко практиковались культы, утверждались идеалы будущего без опоры на настоящее; и вся эта утопия сама определяла себя как "объективный ход общественного развития".

Чтобы не растаяла иллюзия движения вперед, проводилось насильственное объе-

динение масс во всевозможных эпохальных проектах — индустриализация, коллективизация, построение материально-технической базы коммунизма. И минводхозовские "проекты века", о которых рассказывает автор — это лишь капельки росы, в которых отражаются все проблемы нашего величайшего долгостроя. Они также сулят весьма сомнительные эффекты по их воплощении в жизнь, но каждый из этих проектов может стать последним штурмом Природы (благо, недоставало решительности, а то бы...).

Чтобы утвердить в правах нарождающуюся элиту, требовалось выжать из культуры отношений между людьми отношения ответственности, заменить ответственность на послушность. Как следствие, повсеместно распространилась двойная мораль, двойственное видение действительности: как это должно быть по высочайшему распорядку и как это есть на самом деле (такое состояние ярко описано в антиутопии "1984" Оруэлла). А сколько негодования уже излито по поводу двойной отчетности в нашей экономике!

В завершение потребовалось отстранение человека от жизни, которую при всех стараниях не удавалось уложить в набор номенклатурных функций. Это тоже получилось; в результате отчуждение нигде не представлено так широко, как у нас в стране, где конечной целью было объявлено "преодоление отчуждения производителя от средств производства".

Вслед за Ю.Черниченко можно сказать, что Аральское море оказалось жемчужиной, брошенной в погребальный костер умершего тоталитарного режима. Кроме моря, для сопровождения рокового мертвеца в загробную жизнь определился длинный ряд посмертных и пожизненных жертв Системы. Здесь и культурный уклад народов, сами народы, естественные отношения между людьми. Разрушаясь, Система умерщвляет те формы, в которых культура существовала до нее.

Система — сложившаяся связь явлений, и не в состоянии ни признать свою античеловеческую природу, ни принять неизбежность своего конца. Приживаясь в иных укладах, Система выделяла в них те направления, которые ей отвечали. Складывавшаяся веками естественная, бытийная мифологичность сознания помогала исповедующим религию соответствующего культурного уклада находить в жизни свои ориентиры, не могла быть перемолота жерновами новой идеологии.

Когда же задатки косности, имеющиеся в Исламе, взращенные с заботливостью селекционера-мичуринца, распустились пышным цветом в лоне Системы, то получилось что-то вроде феодально-социалистической республики в "братском" союзе.

Как это ни странно, вероисповедание не препятствовало обменам взяток на экономические привилегии и приоритеты, что было выяснено в нашумевшем (и постыдно замятом) хлопковом деле. Может быть, говорить о третьей исламской революции в Средней Азии еще рано, но распространение Ислама и ставка на него Системы в борьбе за выживание в последний период не вызывает сомнений. (В США выходит даже "Американский журнал исламских социальных наук", где в 1987 году появилась статья профессора из Саудовской Аравии Джафар Шаха о влиянии Ислама на современную науку /?!/).

Система, играя на своем внешнем (но никак не внутреннем, так как сущность Ислама как мировой религии — в идее спасения, хотя пути этого спасения не укладываются в рамки европейского понимания, — но это уже вопрос из области антропософии и теософии) сходстве с Исламом, пытается использовать его как средство продления своей жизни.

Может показаться: описываемые в книге события отошли вроде бы на задворки общественного сознания, отодвинутые недавним театрализованным переворотом, глав-

ный ужас которого состоял в том, что в качестве сцены были использованы жизни миллионов граждан.

Но такая точка зрения весьма поверхностна. Книга об аральской катастрофе до сих пор еще пишется. Правда, средства и способы написания изменились. Если прежде автор писал по следам событий, то теперь уже события берут на себя роль изобразительных средств и продолжают повествование, простирающееся из "Аральского тупика".

Действительно, можно восторженно праздновать крах Системы, предаваться буйной радости, наблюдая, как рушатся монументы. И при этом забывать, что 1917-й точно так же опьянял зрелищем разлетающихся осколков... А тем временем механизм манипуляции общественным мнением работает на всю катушку. Ведь технология социального управления в наш век НТР достигла такой степени совершенства, что задачи "отвести глаза" публике, переключить внимание на второстепенные факторы политической игры решаются так просто и виртуозно, что даже специалисты-аналитики оказываются в ловушке смещенных акцентов. Под оживленную смену декораций в демократическом театре в соответствии с изложенными здесь принципами разыгрывается прежний сюжет. К тому же — при активном использовании новых форм выражения. Политическая линия, определившаяся в среднеазиатских республиках, служит лучшим подтверждением предлагаемых читателю фактов, комментариев, размышлений.

Провозглашается суверенитет, но ни одна из этих мусульманских республик не расстается с компартией. Ключевые посты в экономике, как и прежде, занимает номенклатура. Развивается общественное самоуправление — на Востоке его, как и прежде, возглавляет "авангард" так и не возникшего там рабочего класса. Интересно заметить, что прежние управленческие структуры, например, компартии Узбекистана были перенасыщены представителями старинных феодальных родов — сообразив, что с басмачеством одной военной силой не справиться, центральное коммунистическое правительство выдало уцелевшим врагам системы партбилеты и посадило их служить новой власти на такие же хлебные места, какие занимали они до навязанной им гражданской войны, но теперь в качестве секретарей комитетов партии и председателей колхозов. Это было характерной особенностью установления Советской власти в Средней Азии, а перетекание парткадров в систему управления нового образца станет характерной чертой ее "восстановления".

Прежние монстры — Минводхоз, Минэнерго и прочие — демонстрируют в среднеазиатском регионе удивительную живучесть. Миллионные средства до сих пор закапываются в землю, "чтоб текли, куда надо, каналы". И совершенно очевидно, что при неизменности прежних тенденций развития управленческой системы (в условиях функционального перераспределения ее слоев, когда "верхи" не управляют, а координируют) никакие экологические проблемы не будут решены.

Прощай, Арал? Да, новое поколение этого уникального моря уже не увидит. Оно принесено в жертву тупиковой модели управления обществом, и его возрождение потребует не меньше усилий, чем было потрачено на укрепление Системы, сожравшей в неутолимой жажде управления одну шестую часть планеты подобно тому, как злокачественный вирус разлагает своими программами любой принимающий его организм.

... "Все запаздывает в этой стране" — ставшая хрестоматийной строка из стихотворения Виктора Зуева (известного прежде всего, как это не странно, в качестве поэта) напрямую применима к процессу издания "Аральского тупика". Но в данном случае не важно и это. Французский историк начала века М.Блок писал, что "время истории — это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть

понятыми". Материалы прочитанной вами книги позволяют воссоздать эту плазму, прогнозировать эти феномены, их траекторию в историческом пространстве.

Можно надеяться, что со вспаханного автором феноменального поля будет собран еще не один урожай.

Алексей КЛИМОВ

“АРАЛЬСКИЙ ТУПИК”. Фотоиллюстрации.

I. Кладбище кораблей вблизи порта Муйнак. До моря — километров 60.

II. Юрист Владимир Олейник.

III. (Без подписи).

IV. Кладбище...

V. ...Кладбище.

VI. Дорога домой (I).
Куда ж нам плыть? (2).

VII. Корабли пустыни (I).
У нас еще до старта 14 минут (2).

VIII. Путешествие из Кзыл-Орды в Нукус. Кызылкумы.

IX. Путешествие из Кзыл-Орды в Нукус. Кызылкумы. Соль.

X. Низовья Амударьи.

XI. Доктор сельскохозяйственных наук Мусо Джумаев.

XII. Хлопкороб.

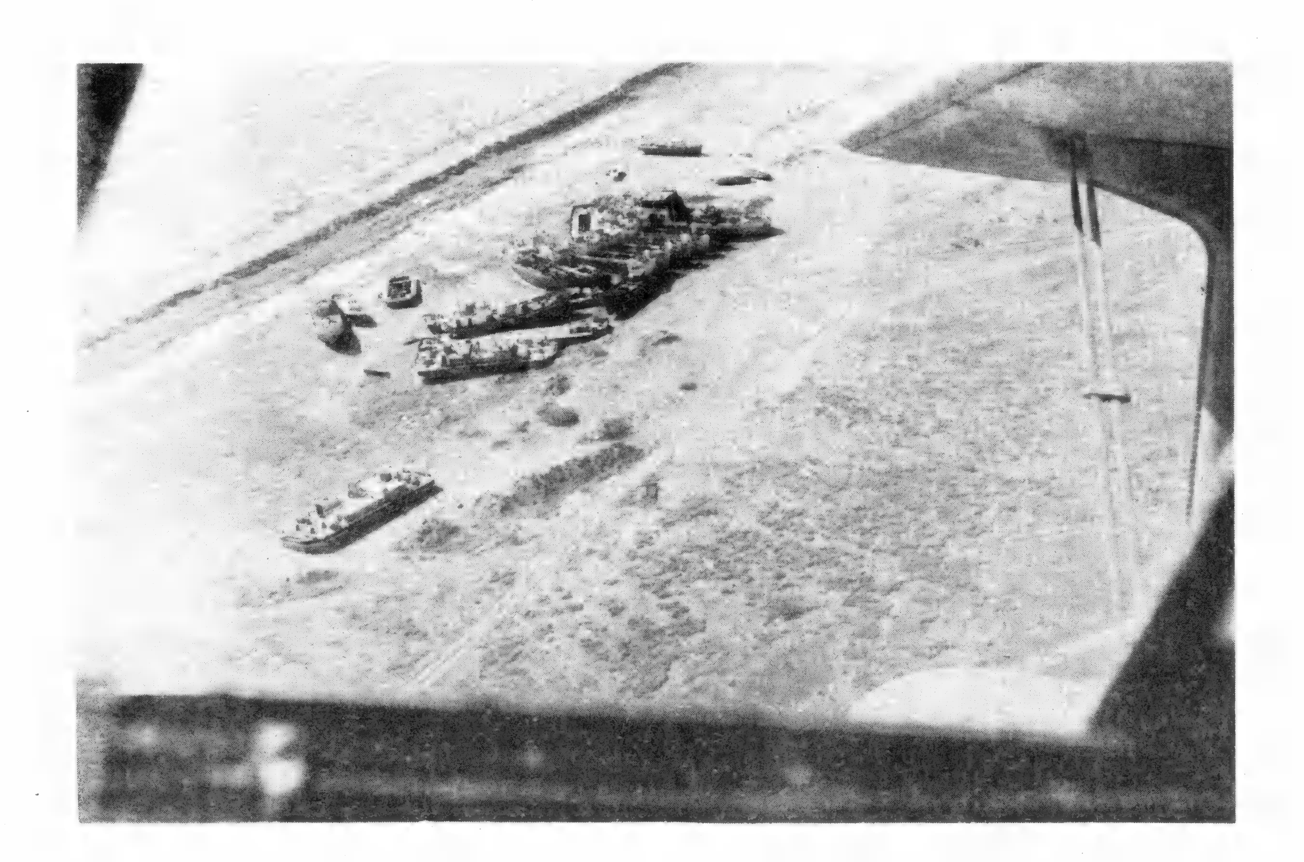
XIII. На острове Барсакельмес.

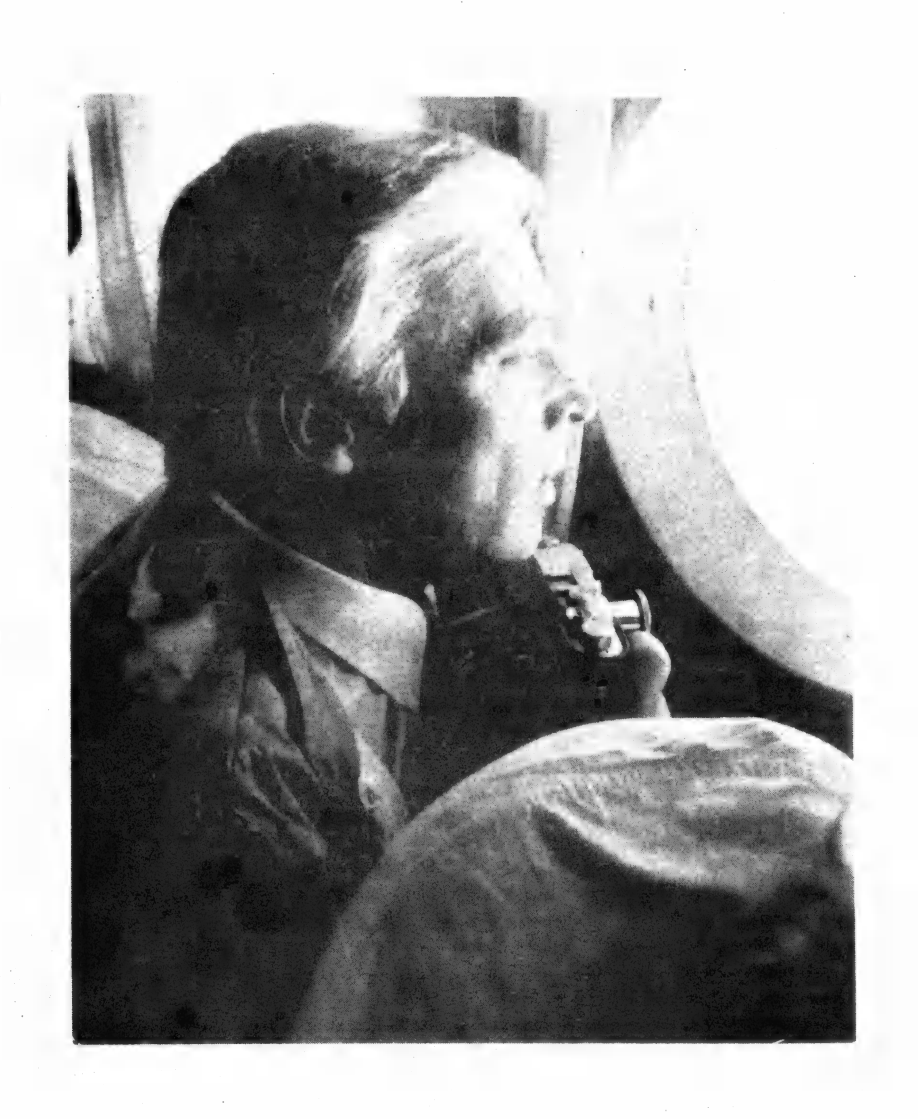
XIV. Редактор журнала “Памир” Масуд Муллоджанов
и московский журналист Владимир Караваев.

XV. Город Кунград в Каракалпакии.

XVI. Демограф Виктор Переведенцев.

Третья страница обложки: Рисовое поле.



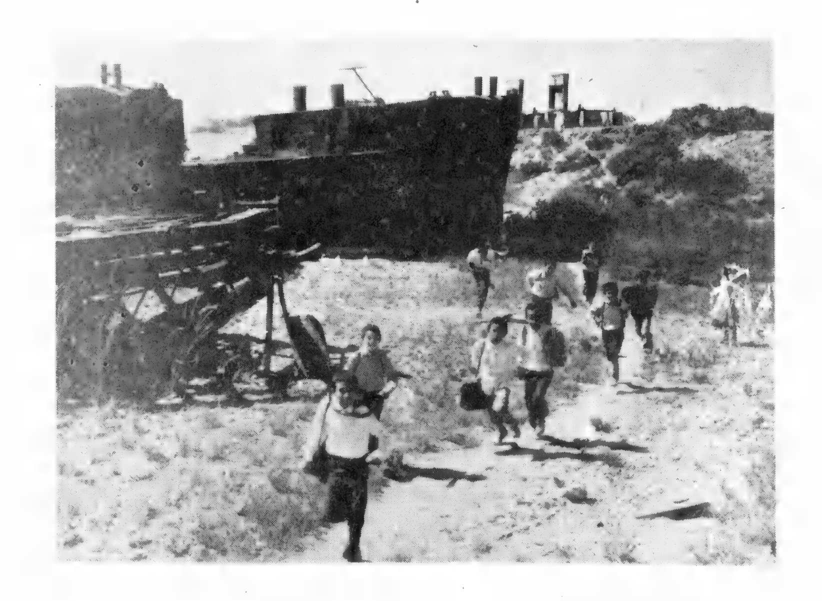


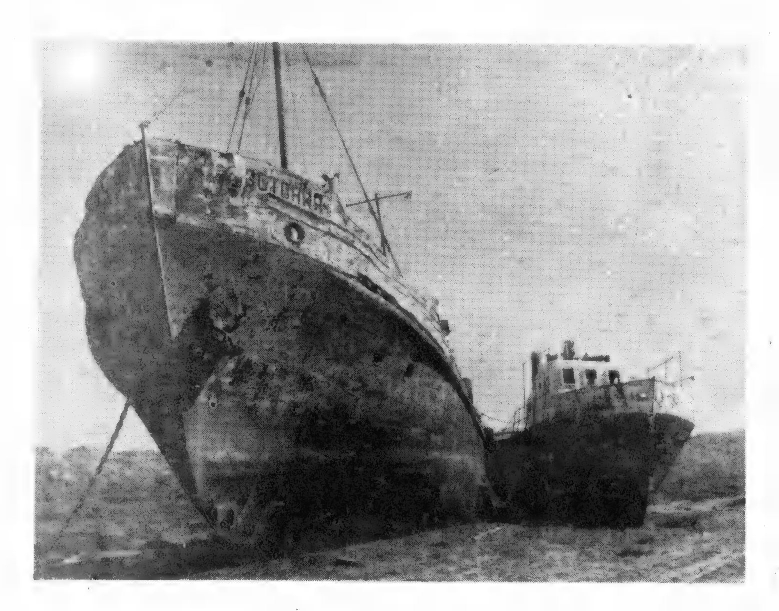


8 Зак. 123ф



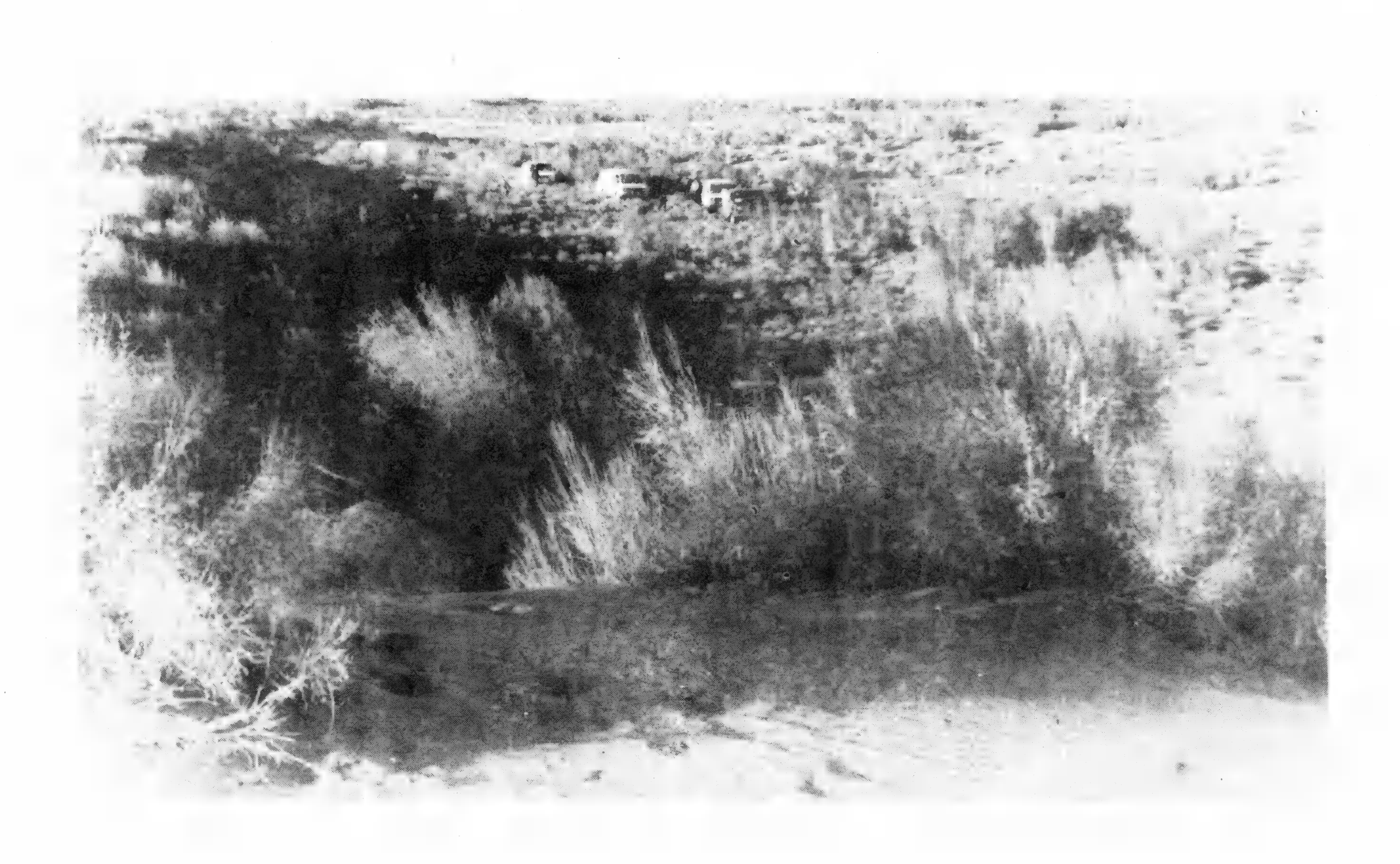
8*



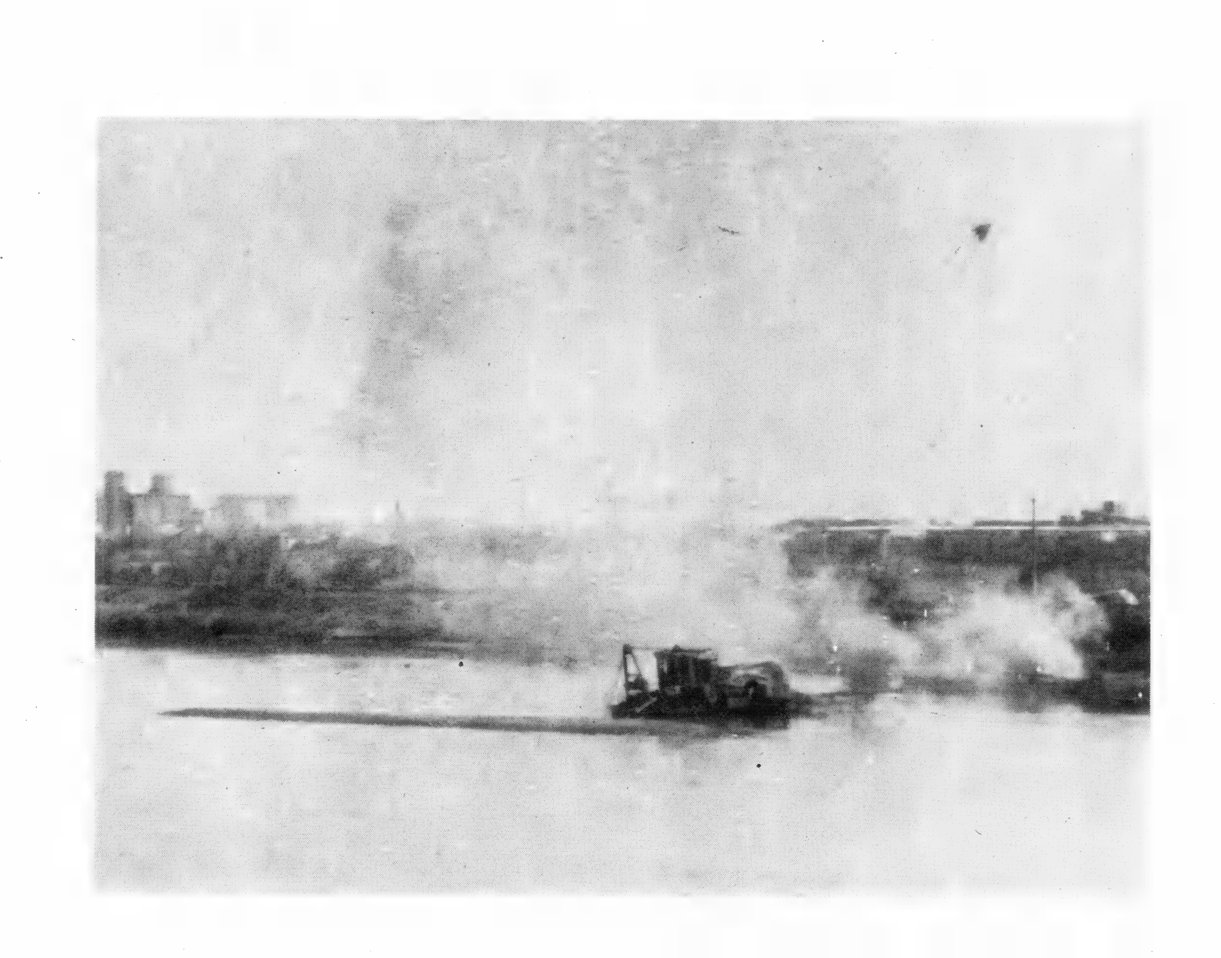


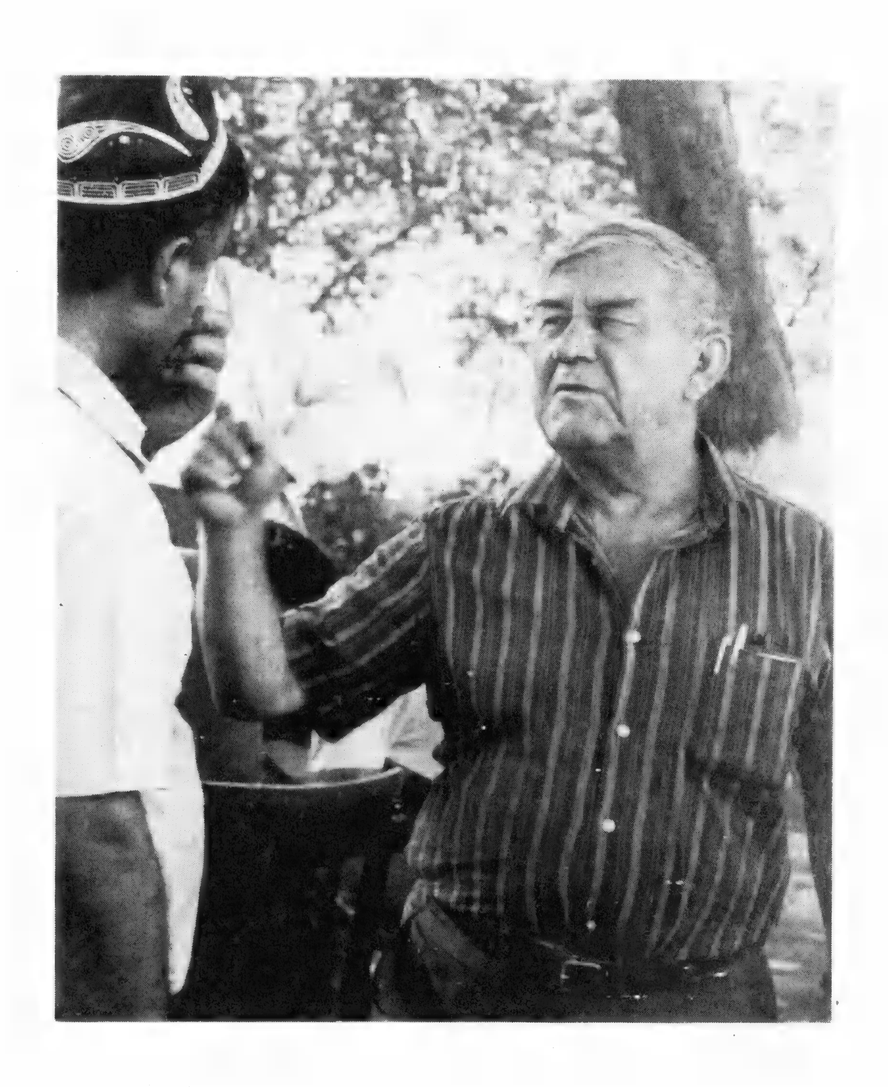








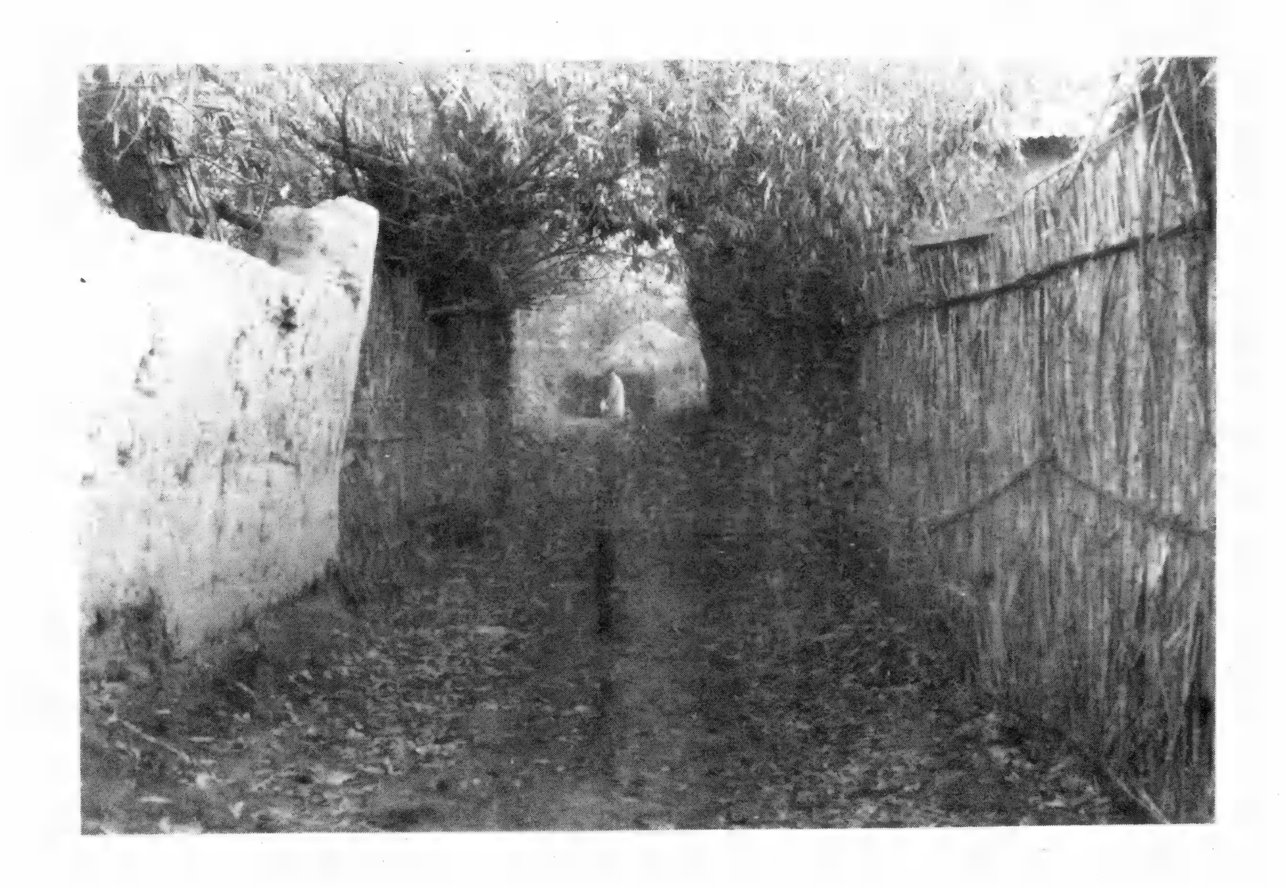


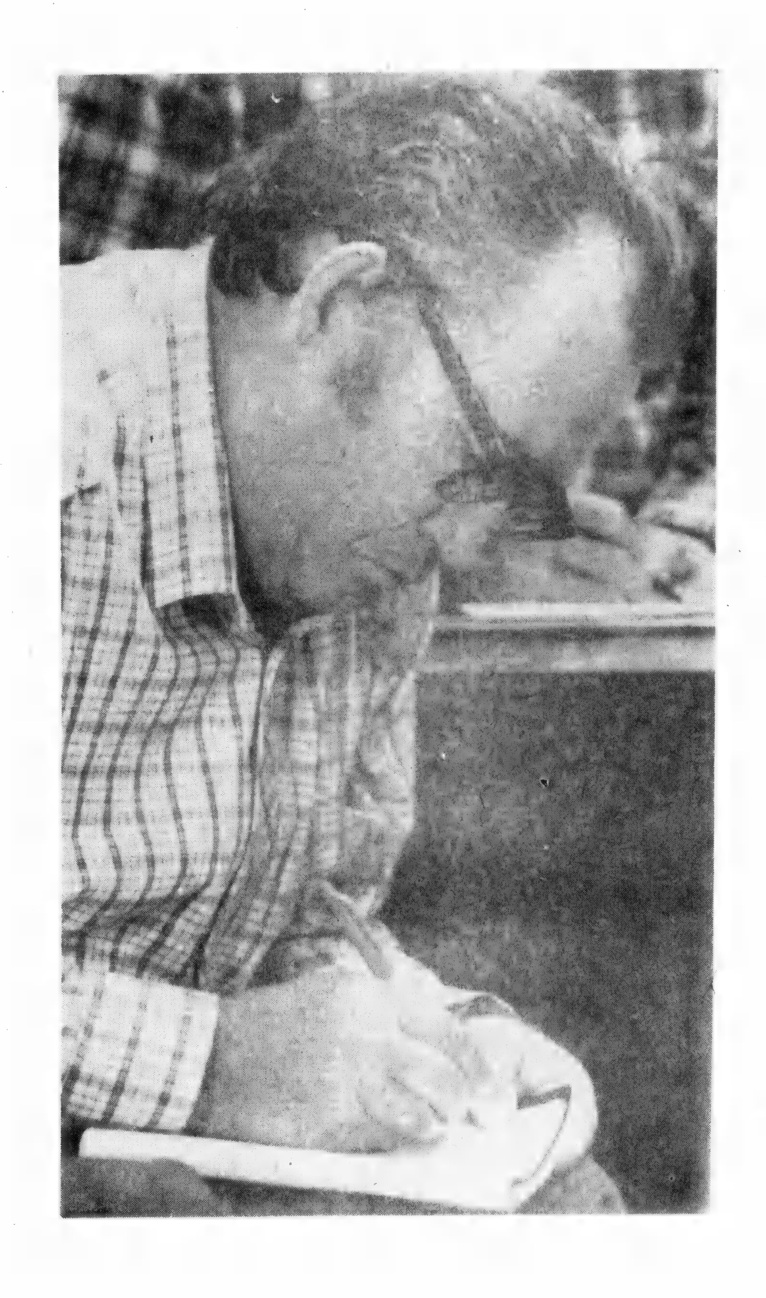












СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Павлович Зуев

АРАЛЬСКИЙ ТУПИК

Главный редактор А. Д. Власов
Редактор В. Н. Медведев
Технический редактор Н. Д. Лаукус
Художественный редактор Г. И. Максименков
Корректор О. А. Разуменко

Примечание: На странице 9 во 2 строке сверху вместо «1989» следует читать «1959».

Сдано в набор 12.12.90. Подписано к печати 17.09.91. Формат бумаги 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 7,35. Усл. кр.-отт. 7,59. Уч.-изд. л. 8,13. Тираж 8800 экз. Цена 2 р. 50 к. Заказ 123ф.

Издательство «Прометей»
119048, Москва, ул. Усачева, 64
Отпечатано в ПО «Полиграфист»,
509281, г. Калуга, пл. Ленина, 5




Цена 2 р. 50 к.